

16+

ISSN 1818-4936

АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В. Н. ТАТИЩЕВА
ASTRAKHAN TATISHCHEV STATE UNIVERSITY

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

HUMANITARIAN RESEARCHES

JOURNAL OF FUNDAMENTAL
AND APPLIED RESEARCHES

2026

№ 1 (97)

Журнал издаётся с 2000 г.

Published since 2000

*Журнал включён в перечень изданий, утверждённых ВАК
для публикации основных результатов диссертационных
исследований по отраслям науки:*

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки);
- 5.9.3. Теория литературы (филологические науки);
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки).

Астрахань
Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева
2026

Astrakhan
Astrakhan Tatishchev State University
2026

ББК 65
Г93

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

Recommended by the Editorial and Publishing Board
of Astrakhan Tatishchev State University

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
HUMANITARIAN RESEARCHES

2026
№ 1 (97)

Главный редактор

Л. Ю. Касьянова

доктор филологических наук, профессор
Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева

Editor-in-Chief

L. Yu. Kasyanova

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan Tatishchev State University

Ответственный секретарь

Ю. А. Васильева

кандидат филологических наук, доцент,
Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Executive secretary

Yu. A. Vasileva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Astrakhan Tatishchev State University

Редакционная коллегия

З. Р. Аглеева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева;
Н. Ф. Алефиренко, д-р филол. наук, проф.
Белгородского государственного университета,
заслуженный деятель науки РФ;
А. А. Боровская, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева;
Е. Н. Галичкина, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева;
О. Г. Егорова, д-р филол. наук, проф.
Московского государственного лингвистического университета;
Е. Е. Завьялова, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева;
С. А. Кибальник, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник
Института русской литературы Российской академии наук,
проф. Санкт-Петербургского государственного университета;

Э. А. Китанина, д-р филол. наук, проф.
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина;
М. Л. Лаптева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева;
И. П. Лысакова, д-р филол. наук, проф.
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена;
М. Г. Меркулова, д-р филол. наук, проф.
Московского педагогического государственного университета;
С. В. Ракитина, д-р филол. наук, проф.
Волгоградского государственного социально-педагогического университета;
Г. В. Файзиева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева;
Е. Н. Шеховцева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева

Editorial Board

Z. R. Agleeva, D. Sc. (Philology), Professor,
Astrakhan Tatishchev State University;
N.F. Alefirenko, D. Sc. (Philology), Professor, Belgorod State University,
Honored Science Worker of the Russian Federation;
A. A. Borovskaya, D. Sc. (Philology), Professor,
Astrakhan Tatishchev State University;
E. N. Galichkina, D. Sc. (Philology), Professor,
Astrakhan Tatishchev State University;
O. G. Egorova, D. Sc. (Philology), Professor,
Moscow State Linguistic University;
E. E. Zavyalova, D. Sc. (Philology), Professor,
Astrakhan Tatishchev State University;
S. A. Kibalnik, D. Sc. (Philology), Leading Researcher
Institute of Russian literature of the Russian Academy of Sciences,
Professor, St. Petersburg State University;
E. A. Kitaniina, D. Sc. (Philology), Professor,
Pushkin State Russian Language Institute;
M. L. Lapteva, D. Sc. (Philology), Professor,
Astrakhan Tatishchev State University;
I. P. Lysakova, D. Sc. (Philology), Professor, Herzen University;
M. G. Merkulova, D. Sc. (Philology), Professor,
Moscow State Pedagogical University;
S. V. Rakitina, D. Sc. (Philology), Professor,
Volgograd State Pedagogical University;
G. V. Fayzieva, D. Sc. (Philology), Professor,
Astrakhan Tatishchev State University;
E. N. Shekhovceva, D. Sc. (Philology), Professor,
Astrakhan Tatishchev State University

Журнал выходит 4 раза в год
The journal is published 4 times a year

© Астраханский государственный
университет им. В. Н. Татищева, 2026
© Скоблев В. Д., оформление обложки,
2026
© Astrakhan Tatishchev State University,
2026
© Skoblev V. D., cover design, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

М. В. Веклич

Ономастический ландшафт сказочно-детективной вселенной
в цикле А. О. Белянина «Тайный сыск царя Гороха»5

М. С. Воробьева, Е. Н. Шеховцева

Волонтерский дискурс как вид институционального дискурса
(на материале английского и русского языков)22

Д. П. Грыгрышев

Гибридизация жанров «демонстратив»
и «нарратив» в сетевом дискурсе30

Т. В. Духовная

Коммуникативные стратегии в авторском предисловии
к научно-популярному изданию38

Е. Ю. Камкова

Функционально-тематическая специфика неоминаций
русского языка47

И. В. Лысикова

Особенности номинации лиц мужского и женского пола
в субстандартной лексике английского языка55

Т. М. Терещенко, И. В. Шиндряева

Речевой этикет и система обращений в русском и монгольском языках:
сопоставительный анализ66

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А. А. Боровская

Поэтика книги Б. Ширяева «Неугасимая лампада»75

Е. В. Кузнецова, И. В. Богомолова, Л. В. Мосиенко

Поэтика экспрессивного синтаксиса в новеллистике Филиппа Делерма89

М. В. Сорокина, Н. Е. Тропкина

Пространство детства в рассказах Василия Белова: образ дома98

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Г. С. Белолипская, Г. Х. Кадырова

Медиапродукт как основа проектного подхода в академической
парадигме журналистики106

Е. В. Лазуткина

Типология медийной репрезентации российских парфюмерных
прагматонимов114

И. В. Фадеева

Анализ структурных особенностей и тематической ориентации
региональных радиопередач в контексте моделирования
культурных коммуникаций124

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ134

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ138

Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 5–21.
Humanitarian Researches. 2026;1(97):5–21.

Научная статья
УДК 811

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ СКАЗОЧНО-ДЕТЕКТИВНОЙ ВСЕЛЕННОЙ В ЦИКЛЕ А. О. БЕЛЯНИНА «ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»

Марина Владимировна Веклич

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, mveklich@mail.ru

Аннотация. Статья представляет анализ онимической лексики в произведениях А. О. Белянина – одного из основателей жанра современной отечественной юмористической фантастики и юмористического фэнтези. Недостаточность изучения особенностей языковой лаборатории писателя обусловила выбор темы данной статьи. Материалом для исследования послужили произведения, объединённые в серию «Тайный сыск царя Гороха». Актуальность темы определена важностью развития исследований языковой специфики юмористической фантастики и юмористического фэнтези на примере творчества А. О. Белянина. Объектом исследования являются контексты из цикла произведений о царе Горохе. Предметом научного изыскания стали поэтонимы, их характеристики, лингвокреативная роль в построении текста. Цель – выявить функциональные и иные характеристики поэтонимов, формирующих поэтику конкретных произведений, повествующих о тайном сыске в Лукошкинском царстве. Для достижения цели решался ряд задач: выявление наиболее представленных в количественном отношении групп ономастической лексики, описание её функциональной предназначенности в цикле А. О. Белянина, анализ структурных особенностей онимов. В статье использованы традиционный описательный метод, метод сплошной выборки из произведений указанного цикла, метод лингвокультурологического анализа, приёмы контекстного анализа сочетаний с поэтонимами, приёмы элементарного статистического обследования языкового материала. Поэтонимикон цикла представлен тремя основными группами – «реальные», авторские и «заимствованные» поэтонимы. «Реальные» поэтонимы – реальные имена реальных субъектов и объектов. Авторские поэтонимы – в основном антропоэтонимы и топоэтонимы. Третью группу составляют внесюжетные и сюжетные «заимствованные» поэтонимы, созданные другими авторами. Виртуозное привлечение поэтонимов позволяет автору создать сказочную утопию с элементами сатиры и постмодернистской игры.

Ключевые слова: стиль, оним, онимосфера, поэтоним, антропоэтоним, топоэтоним, поэтонимикон, фольклор, утопия, сатира, постмодернизм

Для цитирования: Веклич М. В. Ономастический ландшафт сказочно-детективной вселенной в цикле А. О. Белянина «Тайный сыск царя Гороха» // Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 5–21.

Original article

THE ONOMASTIC LANDSCAPE OF THE FAIRYTALE DETECTIVE UNIVERSE
IN A. O. BELYANIN'S CYCLE "THE SECRET INVESTIGATION OF TSAR PEA"

Marina V. Veklich

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, mveklich@mail.ru

Abstract. This article presents an analysis of onymic vocabulary in the works of A. O. Belyanin, one of the founders of the genre of modern Russian humorous science fiction and humorous fantasy. The insufficient study of the writer's linguistic laboratory characteristics determined the choice of topic for this article. The material for the study was drawn from works united in the series "The Secret Investigation of Tsar Gorokh." The relevance of the topic is determined by the importance of developing research into the linguistic specifics of humorous science fiction and humorous fantasy, using the work of A. O. Belyanin as an example. The object of the study is contexts from the Tsar Gorokh cycle. The subject of the study is poetonyms, their characteristics, and the linguistic and creative role they play in the construction of the text. The goal of the study is to identify the functional and other characteristics of poetonyms that shape the poetics of specific works narrating the secret investigation in the Lukoshkin kingdom. To achieve this goal, a number of tasks were undertaken: identifying the most quantitatively represented groups of onomastic vocabulary, describing its functional purpose in A. O. Belyanin's cycle, and analyzing the structural features of onyms. The article utilizes the traditional descriptive method, a continuous sample from the works of this cycle, a method of linguacultural analysis, contextual analysis techniques for combinations with poetonyms, and elementary statistical analysis of linguistic material. The cycle's poetonymy is represented by three main groups: "real" poetonyms, author-created poetonyms, and "borrowed" poetonyms. "Real" poetonyms are the real names of real subjects and objects. Author-created poetonyms are primarily anthropoethonyms and topoethonyms. The third group consists of non-plot and plot-related "borrowed" poetonyms created by other authors. The masterful use of poetic names allows the author to create a fairy-tale utopia with elements of satire and postmodern play.

Keywords: style, onym, onymosphere, poetonym, anthropoethonym, topoethonym, poetonymicon, folklore, utopia, satire, postmodernism

For citation: Veklich M. V. The Onomastic Landscape of the Fairytale Detective Universe in A.O. Belyanin's Cycle "The Secret Investigation of Tsar Pea". *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2026;1(97):5–21 (In Russ.).

Андрей Олегович Белянин – один из основателей жанра современной отечественной юмористической фантастики и юмористического фэнтези. В работе [17] в фокусе внимания были именованья главного героя в двух первых романах цикла о царе Горохе. Недостаточность изучения особенностей языковой лаборатории писателя обусловила выбор темы данной статьи. Материалом для исследования послужили произведения, объединённые в серию «Тайный сыск царя Гороха»: «Тайный сыск царя Гороха» (1999), «Заговор Чёрной Мессы» (1999), «Летучий корабль» (2000), «Отстрел невест» (2002), «Дело трезвых скоморохов» (2004), «Опергруппа в деревне» (2006), «Жениться и обезвредить» (2009), «Ржавый меч царя Гороха» (2014), «Чёрный меч царя Кощея» (2015), «Взять живым мёртвого» (2017) [1–10].

Актуальность темы определена важностью развития исследований языковой специфики юмористической фантастики и юмористического фэнтези на примере творчества А. О. Белянина. Цель исследования – выявить функциональные и иные характеристики поэтонимов, формирующих поэтику конкретных произведений, повествующих о тайном сыске в Лукошкинском царстве. Для достижения цели решался ряд задач: выявление наиболее представленных в количественном отношении групп ономастической лексики, описание её функциональной предназначенности в цикле А. О. Белянина, анализ структурных особенностей онимов.

Первая книга серии о тайном сыске царя Гороха принесла астраханскому писателю А. О. Белянину всероссийскую известность. Считается, что А. О. Белянин является продолжателем традиций Н. В. Гоголя и М. А. Булгакова. Однако в фокус внимания лингвистов произведения А. О. Белянина попадали крайне редко, что и определило выбор источников для данного исследования ономастического пространства современного художественного произведения.

Оним (онимическая единица) – собственное имя, служащее для выделения конкретного объекта из ряда однородных. В исследуемом цикле имена собственные создают культурный фон, формируют картину мира, демонстрируют уровень образованности, в первую очередь главного героя – московского милиционера Никиты Ивашова, так как функционируют в основном в речи главного героя. Иногда онимы обнаруживаем в речи второстепенных героев, что создаёт комический эффект. Так, дворник, уважительно называемый *Сухарев Николай Степанович*, сообщает о том, что «закончил университет в Сорбонне», имеет звание бакалавра, читает *Гомера, Публия, Петрония*.

Лингвисты рассматривают поэтонимы как особый вид имён собственных, которые функционируют в художественном тексте и выполняют не только номинативную, но и стилистическую, идеологическую, характеризующую и другие функции. В «Словаре русской ономастической терминологии» поэтоним определяется как «поэтическое имя – имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции» [16, с. 108.].

В. М. Калинин предложил разделить поле имён собственных на два пространства: поэтонимы – класс собственных имён, функционирующих в художественных произведениях, и онимы – класс собственных имён, функционирующих в бытовой речи [14, с. 244–245]. Поэтоним – это имя в литературно-художественной речи, которое моделирует реальную ономастику, но обладает подвижной семантикой и вторично по отношению к ней. В. М. Калинин, вводя в научный обиход термин «поэтоним», считал, что поэтоним обозначает не реальный, а существующий в сознании автора и воспринимающийся читателем художественный образ вымышленного или реального человека или объекта, обладающий коннотациями и служащий выражению авторской оценки, реализации художественного замысла писателя [13]. Опираясь на следующее положение В. М. Калинкина: «... даже в тех случаях, когда поэтоним называет лицо, какой-нибудь топографический или другой объект, существующий или существовавший в прошлом в реальном мире, ореол художественного произведения переносит его в обстановку вымысла и игры» [15, с. 22], рассматриваем любое имя собственное в цикле как поэтоним. Денотатами поэтонимов выступают не только вымышленные (идеальные), созданные воображением автора образы, за которыми закрепляются по воле писателя индивидуальные собственные имена, но и реальные субъекты, объекты, которые по воле автора переносятся в художественное произведение.

В лингвистических исследованиях представлено несколько классификаций поэтонимов, среди которых заслуживает внимания, на наш взгляд, классификация Т. А. Ерохиной, которая предлагает классифицировать поэтонимы, заменяя компонент «оним» на «поэтоним» в традиционных ономастических категориях [12]: антропоэтоним (собственное имя человека); топоэтоним (название топографического объекта); мифопоэтоним (имя мифологического персонажа); космоэтоним (название объекта космоса); идеопоэтоним (название предмета умственной и художественной сферы деятельности человека) и т. д.

Существует несколько подходов к классификации функций поэтонимов. Например, немецкий ономаст Дитер Лампинг [18] выделял следующие функции: идентификация места или персонажа; создание и поддержание иллюзии о подлинности мира повествования; характеристика персонажа или места; выделение и группировка персонажей; передача перспективы повествования; эстетическая функция; мифологическая функция.

Н. В. Васильева [11] добавила к этому списку деконструктивную функцию, которая означает разрушение привычных, устоявшихся форм и значений имён.

Суммарно функции поэтонимов можно представить так:

- **характеризирующая** – способность указывать на внешние черты, характер персонажа, его поведение, род деятельности;
- **эмоциональная (эмоционально-стилистическая)** – выражает отношение автора к носителю имени, часто через иронию;
- **идеологическая** – имена персонажей могут служить выразителями определённых идеологических, моральных или политических концепций, ценностей и мировоззрений автора;
- **текстообразующая** – иногда имя главного героя становится заглавием текста, вокруг которого строится реализация идейно-художественных задач;
- **локализирующая** – прозвище персонажа может быть связано с выполняемой им работой;
- **социологическая** – отражает национальную или социальную принадлежность персонажа;
- **аллюзивная** – автор может выбирать такое имя, которое отражает намёк на общеизвестный литературный или исторический факт;
- **игровая** – использование каламбуров для именованя персонажей или предметов с целью достижения комического эффекта;
- **деконструктивная** – разрушение привычных, устоявшихся форм и значений имён.

Таким образом, поэтонимы отличаются от обычных имён собственных тем, что называют ирреальный объект; являются мотивированными; способны вступать в ассоциативные связи с другими собственными именами; могут передавать информацию об именуемом персонаже; обладают звуковой ассоциативностью; имеют особую семантическую структуру, связывающую их с денотатом и образом; обладают коннотацией, которая основана на ассоциативных связях поэтонима с именами собственными или нарицательными и содержит определённое эмоционально-оценочное отношение субъекта номинации к именуемому.

В поэтонимиконе цикла можно выделить три основные группы по происхождению – «реальные», авторские и «заимствованные» поэтонимы. Исследуем каждую группу подробнее, укажем функциональное назначение поэтонимов в текстовом поле.

Первая группа – «реальные» поэтонимы – являются именами реальных субъектов, объектов и организованы в следующие поля:

- антропонимы (имена писателей, артистов, путешественников, композиторов и т. п.): *Дейл Карнеги, Шекспир, Шварценеггер, Клинт Иствуд, Стивен Сигал, Высоцкий, Чикатило, Маркес, Пушкин, Чехов, Гоголь, Рильке, Чайковский, Чуковский, Крузенштерн, Беллинсгаузен, Клодт, Штильмарк, Блюхер, Пикассо, Константин Васильев, Иван Грозный, Ульянов-Ленин, Соколат, Билл Клинтон, Милен Фармер, Ермак, Евдокимов, Есенин, Станиславский, Киркоров, Невский, Жуков, Труссарди, Роу, Спилберг, Босх, Монтень, Смоктуновский, Явлинский, Чингисхан, Басков, Монтсеррат Кабалье, Кашпировский, Макдональдс, Леонардо Ди Каприо, Жириновский, Мацейчук и др.;*

- теонимы (имена богов, богинь): *Иван Воин, Николай Угодник, Иоанн Креститель, Святой Моисей, Святой Георгий, Георгий Победоносец, Кирилл, Мефодий, Иов, Саваоф, Геерон, Один, Перун, Дажьбог* и др.;
- культонимы: *Бог, Аллах*;
- фалеронимы (имена собственные любого ордена, медали; включаем названия премий): «*Золотой Остап*» (премия), «*Оскар*», «*За отвагу*» (медаль), «*За заслуги перед Отечеством*» (медаль);
- акронимы: *ОБХСС, ОМОН, ГОСТ, КПЗ, МВД, ГАИ, НХЛ, ФСБ, ЦРУ, НКВД, США, ВДНХ, ВДВ, МЧС, ООН, КВН*;
- космонимы: *Млечный Путь*;
- астронимы: *Солнце, Полярная звезда*;
- топонимы: *Москва, Тверской бульвар, Переделкино, Армения, Америка, Средняя Азия, Нигерия, Германия, Европа, Ревель, Африка, Россия, Монте-Карло, Сорбонна, Париж, Франция, Техас, Швеция, Италия, Польша, Запорожье, Испания, Эльбрус, Мельбурн, Луна-парк, Хоккайдо, Рублёвка, Беловежская пуща, Белая Русь, Шварцвальдский лес* и др.;
- хрононимы (собственное имя отрезка времени): *Древняя Русь, Великая Отечественная, Война Алой и Белой розы*;
- геортонимы (собственное имя праздника): *Яблочный Спас, Новый год, Рождество, День Парижской коммуны, Белтейн*;
- зоонимы (имена собственные животных): *Васька / Василий, Барсик*;
- мифонимы (имя собственное чего-, кого-либо из мифов, сказок): *Содом, Гоморра, Василиса Прекрасная, Иван-царевич, Нибелунги, Пегас, Йор-мунганд, царь Соломон, Илья Муромец, Лихо Одноглазое*;
- анемонимы (имя стихийного бедствия): *Борнео (ураган)*;
- идеонимы (имя собственное для объектов умственной, идеологической, художественной деятельности): «*Ночь перед Рождеством*», «*После побоища Игоря Святославича с половцами*», *Хохлома, Гжель*, «*Во поле берёзонька стояла*» (песня), «*Убить Билла*» (фильм), «*Четыре танкиста и собака*», «*На Берлин!*» (плакат), «*Их разыскивает милиция*» (доска), «*Тэфаль*», *Сионские протоколы*;
- экклезионимы (имя собственное храма): *Церковь Кирилла и Мефодия, Собор Святого Ивана Воина / Иоанна Воина, Церковь Иоанна Предтечи*;
- порейонимы (собственное имя данного экземпляра любого вида транспорта): «*Камаз*», «*опель*», «*ландкрузер*», «*Запорожец*»;
- эргонимы (собственное имя организаций, осуществляющих деятельность людей): *Саратовский юридический (институт), Гостиный двор, милиция, Интерпол, «Шоколадница», Пушкинский музей, Третьяковская галерея, «Эдельвейс», Государственная дума*;
- гидронимы: *Карибское море, Мёртвое море*;
- артионимы (собственное имя культурных объектов): «*Ромэн*».

Самая представительная группа – «реальные» антропонимы (*Явлинский, Чингисхан, Басков, Монтсеррат Кабалье, Кашпировский, Макдональдс, Леонардо Ди Каприо* и т. п.), которые создают реальный фон, формируют моральный облик героев. Каждая группа «реальных» поэтонимов функционально значима. Например, экклезионимы необходимы для демонстрации ценностей сказочного царства. Основные события разворачиваются в сказочной крещёной Руси. Лукошкинцы не язычники, а христиане. В Лукошкино есть церкви, соборы, которые символизируют духовные скрепы лукошкинцев:

- *Церковь Кирилла и Мефодия*. Экклезионим (название храма) демонстрирует посвящение христианское святому с школьным образовательным подтекстом (*Кирилл, Мефодий*). *Кирилл, Мефодий* – архетипы просветителя, что соотносится с ролью церкви как оплота просвещения, образования Лукошкина.

- *Собор Святого Ивана Воина / Иоанна Воина*. Экклезионим (название храма) демонстрирует посвящение христианское святому с военным подтекстом (*Воин*). *Иван* – архетип защитника, что соотносится с ролью церкви как морального оплота Лукошкина. Это место, где служит отец Кондрат – единственный, кого боится Кощей. Собор является символом духовной власти, уравнивающей сказочное зло.

- *Церковь Иоанна Предтечи*. Экклезионим (название храма) демонстрирует посвящение христианское святому с пророческим подтекстом (*Предтеча*). *Иоанн* – архетип пророка, что соотносится с ролью церкви как оплота морали, нравственности Лукошкина.

Первая группа объединяет прецедентные сюжетные (*Лихо Одноглазое, Беловежская пуща, Белая Русь, Шварцвальдский лес*) и внесюжетные (*Гоголь, Рильке, Чайковский, Чуковский, Крузенштерн, Белинсгаузен, Клодт, Штильмарк, Блюхер, Пикассо*) онимы, которые содержат определённую энциклопедическую информацию.

Вторая группа – авторские поэтонимы (поэтонимы, созданные автором цикла с помощью разнообразных языковых средств) – довольно представительна, организована в несколько микрогрупп. Рассмотрим разного объёма функционально-семантические «паспорта» некоторых участников событий, описанных в цикле.

Оперативная группа Лукошкинского отделения милиции

Никита Иванович Ивашов – главный герой, милиционер из Москвы конца двадцатого столетия. Имя и отчество нейтральны, подчёркивают «реалистичность» персонажа в сказочном мире; его «чужеродность» в сказочном мире и роль наблюдателя-рационалиста. Фамилия *Ивашов* звучит просто и неброско, что контрастирует с фантастическими обстоятельствами. Другие формы имени – уменьшительно-ласкательные: *Никитушка* (в обращении Бабы Яги), *Никитка* (в речи юродивого Гришеньки, Бабы Яги). Прозвище-оценка – *Змей Горыныч* (в речи царя Гороха).

Дмитрий Степанович Лобов – младший сотрудник опергруппы. Полное имя – традиционно-русское, с отчеством, придающим «народный» колорит. Фамильярная форма *Митька* создаёт комический контраст с его богатырской силой. Прозвище *Митька* – уменьшительно-ласкательная форма, акцентирующая простодушие, богатырскую силу и нешаблонное мышление персонажа. Другие формы имени – *Мить*, *Митя* (в речи Ивашова), уменьшительно-ласкательные: *Митяй* (в речи Ивашова), *Митенька* (ласково в речи Яги; подобоострастно в речи Филимона Груздева); есаул *Дмитро Лыбенко* (в период «оказачивания»).

Баба Яга / баба Яга – хозяйка терема, где располагается отделение милиции; позднее – эксперт-криминалист. Традиционный сказочный персонаж получает современную «должность», порождая комический парадокс. Образ сочетает фольклорную «уродливость» с профессиональной компетентностью. Иные формы имени – *Яга* (в речи Ивашова), *бабуленька Ягуленька, Бабуля Ягуля, красавица Яга* (в речи Дмитрия Лобова), *Яга Ягайло-Ягеллонская, пани Ядвига* (в речи пана Смолюха); *бабка Экспертиза* (прозвище в народе). Поэтоним *Баба Яга* и его формы *Ягуля, Ягуленька* – пример реализации деконструктивной функции [11], так как этот персонаж в цикле – положительный, демонстрирует разрушение привычного значения имени злодейки из русских народных сказок.

Царская семья

Монархический дискурс представлен пародийно в образах царя, его второй жены.

Царь Горох / царь Горох – пародийный монарх. Имя отсылает к фольклорной формуле «во времена царя Гороха» (обозначение неопределённо далёкого прошлого). Оно одновременно маркирует сказочность мира, задаёт

юмористический тон (имя-«овощ» снижает образ власти). Комический эффект достигается тем, что «овощное» имя снижает образ власти, подчёркивает добродушную простоватость правителя. Другая форма имени – *Горошек* (в речи жены), кроль *Грох* (в речи польского таможенника).

Лидия Адольфина Карлоффгаузен – жена царя, австрийская принцесса. Громоздкое имя с немецким оттенком подчёркивает её «иноземность» и одновременно деятельный, «милицейский» характер, создаёт комический контраст с «простонародным» Горохом. Другое имя – *Лидия Карловна, Лидия, Лида, Лидушка, Лидочка* (в речи Гороха, во внутренней речи Ивашова).

Ульяна – царица, умершая первая жена царя Гороха. В тексте нет никаких комментариев, однако внесюжетное имя говорит о правильности, праведности, серьёзности царицы.

Антагонисты и комические злодеи

Введение в цикл антагонистов и комических злодеев можно рассматривать как авторскую игру с архетипами.

Кощей Кирдыкбабаевич Бессмертный – главный антагонист. Отчество *Кирдыкбабаевич* (от жаргонного *кирдык* – ‘конец, провал’) иронично обыгрывает традиционный образ Кощея, намекая на его постоянные неудачи. Отчество иронично предвосхищает постоянные неудачи персонажа, пародирует «восточную» экзотику. Другие формы имени – *Кощей* или *Коц*, т. к. варит зелье из чёрных кошек; *Кощеюшка* (в речи Яги); *Коцента* (в речи волшебного венецианского зеркала); *Коц Несмертельный* (в речи польского чёрта Смолюха).

Змей Горыныч – жестокий змей, коварный антагонист, закоренелый преступник, похититель, имеющий европейский вид и европейское образование. Другие имена – *Змей, фон Дракхен, Змей фон Дракхен, Змей Горыныч фон Дракхен; Змий Трёхголовый* (в речи дьяка Груздева); *Дракоша* (в речи Бабы Яги).

Филимон Митрофанович Груздев – думный дьяк, кляузник и вор. Имя и фамилия звучат бюрократично, подчёркивая его чиновничью сущность. Фамилия *Груздев* ассоциируется с «грузом» проблем, которые он создаёт. В последней книге цикла «Взять живым мёртвого» включён в состав опергруппы. Имя *Филимон* отсылает к фразеологизму *филькина грамота* (в речи царя Гороха). Другие формы имени – *Филимоша, Филя* (звучит уничижительно в речи Бабы Яги); *Филимонушка* (в собственной речи Филимона Груздева); пан *Груздевский* (в речи польского чёрта Смолюха).

Представители власти и церкви

Сатирические портреты персонажей усиливают общий ироничный настрой повествования.

Фома Силыч Еремеев – командующий стрелецкой сотней; «в начальники выбился благодаря личной храбрости и уму», о чём говорит его отчество; друг Никиты Ивановича Ивашова. Имя и отчество стилизованы под старорусский речевой узус, создают образ надёжного, но простоватого военачальника. Аллюзия имени во фразеологизме: *Фома ты недоверчивый* → *Фома неверующий*.

Отец *Кондрат* – священник, настоятель церкви Ивана Воина. Простое, «народное» имя контрастирует с могуществом персонажа, усиливая сатирический эффект: отец Кондрат – единственный, кого боится Кощей. Могущество отца Кондрата подчёркнуто отчеством – *Львович*.

Некоторые второстепенные и эпизодические персонажи

Для создания сказочно-комического колорита в повествование было введено большое количество разноречивых персонажей. Персонажи могут быть как действующие, так и упоминаемые, что создаёт красочную многолюдную палитру повествования:

Олёна – бесовка, преступница, позднее – возлюбленная и жена Никиты Ивашова. Имя стилизовано под старорусскую форму (*Олёна* вместо *Елена*), намекает на «оленью» природу (игра созвучий). Отражает двойственность персонажа: нечистая сила, способная на любовь и раскаяние. Иные формы имени – *Олёнушка* (в речи Бабы Яги, Игната Ивашова), *Хелёнушка* (в речи жены царя *Лидии Адольфины Карпоффгаузен*), *Олёнка* (в речи ворона, *Кощея Бессмертного*).

Алекс Борр – посол австрийского правящего дома. Иноязычное имя подчёркивает его «иностранность», встраивается в комическую дипломатию Лукошкина. Интриган.

Кнут Гамсунович Шпицрутенберг – посол немецкого королевства. Гротескно-немецкое имя и отчество создают образ бюрократа-иностранца, усиливают сатирический эффект: «в длинном парике, болтающемся, словно уши саниеля». Аллюзия к немецкому слову *шпицрутен* «хлыст, длинный прут из лозняка»: «*Фашист! Фашист натуральный! Да пусть нам по гроб жизни не быть в Европейском союзе, чем входить в него на шпицрутенах и детских слезах...*». Другое отчество в речи Яги: «*Посол энтот, Кнут Плеткович...*».

Шмулинсон Абрам Моисеевич – намерен открыть меняльную контору с услугами опытного портного-гробовщика. Судья в хоккейном чемпионате в Лукошкино. Другие формы фамилии – *Шмель*, *Шмуль* (коверканье царём *Горохом*).

Мышкин Афанасий, сын Фёдоров, Афанасий Фёдорович – боярин, имеющий допуск к золоту. Другие формы имени – *Афанас-бай* (в речи шамаханя).

Селивестр Петрович Поганов – хозяин трактира-типичного притона; подлец.

Псуров Павел Акакиевич – пьянь, голь кабацкая, карманник, верный холоп бояр Бодровых: назначенный боярином Бодровым осуществлять сыские дела – параллельное боярское расследование, альтернативный сыщик. Фамилия *Псуров* отсылает к слову *лёт*, подчёркивая холопскую преданность боярам. Ивашов о Паше Псурове: «*пародия на закон и справедливость*». Другие формы имени – *Павлик*, *Павлуша*, *Павлушечка* (в хитровой речи дьяка Филимона Груздева); *Пашка Псуров* (в речи народа).

Тюря – казначей, имеющий допуск к золоту; «*скрытый, размытый человек*», напоминающий тюрю – безыскусное постное блюдо.

Швабс – пастор; Яга о пасторе: «вот ведь, змей, и ухватить-то его не за что».

Значительное количество охранников германского посла имеют собственные имена, отсылающие внимательного читателя к известным людям: *Георгий (Жора) Жуков*, *Ганс Гогенцоллерн*, *Мазепа*, *Бурбон*, *Романов*, *Ротшильд*, *Ху Ши Мин*.

Златка Збышкоевская из Крякова – предполагаемая невеста царя Гороха.

Тамтамба Мумумба из Эфиопии – предполагаемая невеста царя Гороха, которую можно перекрестить в *Татьяну Мумушкину*. Иные формы имени – *Мумубушка*, *Тамтамбушка* (в речи царя Гороха).

Наташа – невеста Никиты Ивашова; из рода князей Долгоруких, основателей Москвы.

Меланья Карповна, урождённая *Дурнова*, по замужеству *Мышкина* – жена боярина *Мышкина Афанасия Фёдоровича*; фамилия, полученная при рождении, – *Дурнова* – говорит об умственных способностях и характере данного персонажа.

Авдотья – средняя дочь Бабы Яги. Иные формы имени – *Авдотьюшка* (в речи мужа – Ворона), *Дунька* (в речи Митьки Лобова).

Акулина – старшая дочь Бабы Яги.

Аксинья – вторая дочь Бабы Яги.

Одеська Улиткин – герой нарратива Митьки Лобова; аллюзия к Одиссею (Уллису) Джеймса Джойса и Гомера.

Труссарди – директор цирка, мошенник. Другие имена: *Генато Ретузо*, *Бриф энд Транк*, *Клаус Стрингентберг*.

Ромка – герой нарратива Митьки Лобова; аллюзия к шекспировскому Ромео.

Жулька – герой нарратива Митьки Лобова; аллюзия к шекспировской Джульетте.

Уна – русалка. Имя – первая часть германо-скандинавского слова *ундина*.

Дина – русалка. Имя – вторая часть германо-скандинавского слова *ундина*.

Ванюша-полевичок / Иван-полевик – сказочный герой; леший или домовой в поле.

Ямеурчей – хан. Аллюзия к астраханскому хану Ямгурчи / Ямгурчей в 1546–1554 гг., свергнутому с престола Иваном IV Васильевичем во время похода на Астраханское ханство в 1554 г.

Карга-Гордыня – жена Кощея Бессмертного. Другая форма имени – *Карга-Гордынюшка*, *Гордыня*, *Карга* (в речи Бабы Яги), *Каргана*, *Гордынюшка* (в речи Кощея Бессмертного).

Савва Новичков – богомаз-авангардист.

Бандурка – гетман запорожских казаков.

Монька – герой нарратива царя Гороха, аллюзия к шекспировской Дездемоне. Другие формы имени – *Монюшка*.

Яшка Свищ – герой нарратива царя Гороха, аллюзия к шекспировскому Яго.

Отька – герой нарратива царя Гороха; аллюзия к шекспировскому Отелло. Прозвище «*Черномазый*».

Донька – герой нарратива Митьки Лобова; аллюзия к пушкинскому Дон Жуану. Другая форма имени – *Долдон*.

Гришка Датский – герой нарратива Митьки Лобова; аллюзия к шекспировскому Гамлету. Другая форма имени – *Гриша*.

Представительна группа девушек-невест с «говорящими» фамилиями, из числа которых царь Горох, возможно, выберет себе жену: *Марьяна* – дьякова дочь, *Танюха* рыжая – стрелецкая, *Варька* – поварская, *Танька* чёрная – внебрачная, боярская, *Любка* – дочь государева сокольничего; предприимчивые девицы-«невесты» Дмитрия Лобова: *Пышкалова Варвара Дмитриевна* – поварская дочь, девица с деловой хваткой; *Хлобыстова Марьяна Тихоновна* – дочь дьяка из посольского приказа; *Татьяна Сумкина*, *Любовь Залетайло*, *Татьяна Битова*.

Мир сказочного Лукошкинского царства и окружающих его земель разнообразен и многолюден. Здесь живут стрельцы (*Игнат Дубов*, *Петрушка Котов*, *Федот Балабанов*, *Васька Рыков*, *Семён Мастырин*, *Федька Черета*), арестованные (*Гришка*, *Пашка*, *Никишка*), юродивый (*Гришенька*), кабатчик (*Агафий*), конюх, бывший стрелец (*Фёдор*), конопатая девчушка (*Парашка*), седой столетний боярин (*Митрофан Древний*), потомственный купец (*Аксёнов Фёдор Борисович*), ткач (*Шпилька*), азербайджанского происхождения домовой (*Назим*), азиат (*Абдулла*), богомаз (*Савва Новичков*), портной (*Замохин*), мясник (*Колька*), купец (*Банин*), боярин (*Шмыгалов*), жители города (*Сенька Рыжий*, *Борька Кривой*), конюх (*Агафон*), дворник (*Сухарев Николай Степанович*), работники (*Юрка Боров*, *Борька Свин*) и др.

Антропонимы в цикле выполняют несколько художественных функций. Одна из основных функций – создание комизма и пародии, что реализовано с помощью смешения фольклорных имён (*Кощей Кирдыкбабаевич*, *Бабуленька Ягуленька*) с современными ролями (мафиози, криминалист,

милиционер); звуковых и смысловых игр (*Горошек, Груздев, Одеська, Менька*), которые порождают юмористический эффект; гротескные отчества и фамилии (*Кнут Гамсунович Шпицрутенберг, Лидия Адольфина Карпоффгаузен*) подчёркивают абсурдность бюрократии и зла. Стилизация под фольклор представлена именами типа *Фома Силыч, Олёна*, воспроизводящими речевую манеру русских сказок. С помощью антропонимов автор создаёт контраст эпох и стилей: нейтральные имена (*Никита Ивашов*) «приземляют» фантастический мир, связывают его с современностью, а бюрократические отчества и фамилии (*Кнут Гамсунович*) сталкиваются с волшебными реалиями.

Антропонимы в цикле «Тайный сыск царя Гороха» – не просто метки персонажей, а важный элемент авторской игры. Они соединяют фольклорную традицию с современной реальностью; генерируют юмор через парадоксы, звуковые ассоциации и стилистические контрасты; помогают выстроить уникальный мир, где сказка становится фоном для милицейского детектива. А. О. Белянин использует имена как средство пародии и характеристики, превращая привычные сказочные образы в участников абсурдно-логичного расследования, где антропоним становится частью шутки.

К этой обширной подгруппе примыкают микрогруппы, включающие названия мифических существ, животных, объектов, воспринимаемых как живое существо:

- хрематопоним (собственное имя предмета материальной культуры): *Джувльбарс* – волшебный клубок Бабы Яги; своими действиями напоминает собаку;
- фитопоним: *Стёпка-огонёк / Стёпкин огонёк* – сказочный цветок;
- теоним (имя мифического лица): *Назим* (азербайджанский домовый);
- зоопонимы (имена собственные животных): курицы *Хохлатушка, Марфочка, Репка, Соплюшка, Кокетница, Поганка, Софочка, Свеколка*.

Следующая достаточно большая в количественном отношении подгруппа в структуре авторского поэтонимикона цикла – топопонимы (имена географических объектов, созданные автором), которые создают сказочно-детективный пространственный каркас Лукошкинского царства и окружающих ближних и дальних земель. Они совмещают фольклорную стилистику с иронической «привязкой» к географическим и культурным реалиям, формируя узнаваемый, но парадоксальный мир: прежде всего это *Лукошкино* – центр, где сосредоточены основные институты (царский двор, сыск, церковь); пограничные зоны (леса, дороги), которые служат местами действия для расследований; «иностранная» земля создают контекст для межгосударственных интриг. Сказочный мир, в который попадает Игнат Ивашкин, многогранен. Здесь есть *Древняя сказочная Русь, Тьмутаракань, Шамаханская Орда* с городищем *Сарай*, польское королевство с городом *Кряков*; с помощью внесюжетных топонимов создаётся окружающий Лукошкино мир: *Америка, Франция, Армения, Речь Посполитая, Средняя Азия, Нигерия, Ревель*. Данные топопонимы расширяют географию мира, показывая Лукошкино как часть более крупного (но условно-сказочного) пространства.

Рассмотрим разного объема функционально-семантические «паспорта» некоторых географических объектов, описанных в цикле.

Лукошкино

Древняя сказочная Русь в цикле многопланова. Ключевой «сказочный» топопоним – *Лукошкино*. *Лукошкино* – столица царства, основное место действия. Название сказочного города отсылает к русскому фольклору (ассоциации с Лукоморьем, ср. пушкинское: «У лукоморья дуб зелёный...»); содержит корень *лук* (овощ), который продолжает гастрономическую линию имени царя *Гороха*; создаёт ощущение уютного, «домашнего» сказочного мира, контрастирующее с масштабом «столицы». *Лукошкино* – центр административной

и милицейской жизни; пространство, где сказочные существа (*Баба Яга, Кощей*) взаимодействуют с «современными» институтами (милиция, суд). В городе есть *Гончарный переулок, Обжорный ряд* (базар, рынок), *Иконная улица, Плешивая улица, Волконская улица, Куриный переулок, Малая Базарная улица, Базарная улица, Литейная улица, Лялина улица, Колокольная площадь, Гостиный двор*, церкви, собор, цирк, речушка *Пучай, Весёлый дом* и др. Другое имя города – *Лукошкинбург* (в речи германского посла).

Лукошкинское царство (без официального названия)

В текстах чаще фигурирует как *царство царя Гороха* или *Лукошкинское царство*. Отсутствие единого топонима подчёркивает фольклорную условность: мир существует «во времена царя Гороха», а не в конкретной географической точке. Это создаёт эффект «вне времени и пространства», типичный для сказки. Лукошкинское царство включает деревни, сёла, городки: *Подберёзовка, Сморчково, Курякино, Куличное, Емец-на-Яузе, Спасский монастырь* и др. За городской стеной Лукошкина есть *Гадючья горка, река Смородина, Лысая гора, Кобылинский тракт, Проклятая гора, Кидалкинский уезд*. Лукошкинское царство – это модель утопического царства, где закон и порядок поддерживаются усилиями опергруппы.

Царство Кощеево / Кощеево царство

В цикле А. О. Белянина «Тайный сыск царя Гороха» Кощеево государство не выступает как развёрнутое, автономно описанное пространство – оно присутствует преимущественно как фоновый образ, угроза и сюжетный маркер, а не как детально прорисованная локация. В текстах почти нет описаний географии, городов, обычаев или внутренней политики Кощеева царства. Оно существует, скорее, как идея, символ зла и хаоса, противопоставленный упорядоченному (хотя и комически бюрократизированному) миру Лукошкина. Реальные действия происходят в Лукошкине и его окрестностях; Кощеево царство остаётся «за кадром», что усиливает его мифологический, обобщённый характер. Заимствованный топоним *Царство Кощеево / Кощеево царство* отсылает к фольклорным мотивам: в русских сказках Кощей часто владеет тридевятым царством или иной отдалённой, зловещей землёй. А. О. Белянин сохраняет эту архетипическую связь, но снижает пафос: Кощеево царство не величественно, а скорее нелепо-гротескно, как и сам Кощей. Кощеево царство здесь – не столько географическая реальность, сколько политический маркер: оно обозначает источник интриг, требующих расследования и нейтрализации. Развёрнутое описание «царства зла» могло бы утяжелить тон; вместо этого автор оставляет его туманным и абсурдным, что усиливает юмор. Кощеево царство работает как двигатель сюжета (источник угрозы), а не как место действия, поэтому детали не требуются.

Внешний мир

Соседние земли (австрийские и немецкие владения) в первых книгах упоминаются в контексте дипломатических коллизий и приездов послов (например, Лидии Адольфины Карпоффгаузен, Кнута Гамсуновича Шпицрутенберга). Названия даны в гротескно-иностранный форме, что пародирует «чужеземность», служит фоном для комических ситуаций и межгосударственных интриг; расширяет географию мира, показывая Лукошкино как часть более крупного (но условно-сказочного) пространства; создавая сатирические образы «иностранцев», контрастирующие с «народным» Лукошкином.

Топонимы типа *Подберёзовка, Сморчково, Курякино, Куличное* воспроизводят речевую манеру русских сказок. Отсылки к Лукоморью и другим фольклорным образам погружают читателя в условный мир. Смешение сказочных и современных элементов (терем-милиция) порождает юмористический эффект. Гротескные «иностранные» названия (*Кряков*) усиливают сатиру. Лукошкино в целом – утопическая модель царства, где добро побеждает благодаря сыску.

В последнем романе цикла «Взять живым мёртвого» «внешний мир» впервые выходит за привычные рамки Лукошкина, близлежащих земель и становится полноценным пространством действия. Опергруппа отправляется в Европу, чтобы расследовать обвинение против Бабы Яги, и читатель получает развёрнутую, иронично-сказочную панораму «заграницы». Опергруппа (Никита Ивашов, Митька Лобов, Баба Яга, дьяк Филимон Груздев) движется через разные страны: *Белая Русь / Белоруссия (Беловежская пуца, Брестская крепость, Брест); Польша (Варшава); Чехия (Крумлов, Прага, Опользень); Германия (Берлин, Фрайбург, Шварцвальд / Чёрный лес)*. Здесь так же сюжетные онимы (*Брест, Фрайбург, Шварцвальдский лес*) соседствуют с внесюжетными (*Берлин, Прага, Опользень*).

К второй группе, объединяющей авторские антропонимы и топопонимы, примыкает малочисленная группа поэтонимов другой семантики:

- космопоэтонимы (собственное имя зоны космического пространства): *Лебединая дорога* (= Млечный Путь);

- идеонимы (имя собственное для объектов умственной, идеологической, художественной деятельности): *«Адам, искушаемый Евой!»* (картина), *«Утро в Лукошкине»* (газета), *«Компромат для всех»* (газета), *«Рамштайн мэйд ин Люкошкино»* (рок-группа), *«Свекровь – кошмар моей жизни!»* (конкурс), *«Дихлофос»* (операция), *«Тайный сыск царя Гороха»*, *«Заговор Чёрной Мессы»*, *«Летучий корабль»*, *«Отстрел невест»*, *«Дело трезвых скоморохов»*, *«Опергруппа в деревне»*, *«Жениться и обезвредить»*, *«Ржавый меч царя Гороха»*, *«Чёрный меч царя Кощея»*, *«Взять живым мёртвого»*;

- порейоним (собственное имя данного экземпляра любого вида транспорта): *«опергруппа»* (телега);

- эргоним (собственное имя организаций, осуществляющих деятельность людей): *«Святые отцы»* (хоккейная команда), *«У языкастой тещеньки»* (трактир), *«У Вениаминыча»* (кабак), *«Сортир домашний»* (комната во дворце), *«Ванная по-французски»* (комната во дворце), *«Restauracja u babci diabla»* (ресторан в Польше).

Третью группу составляют «заимствованные» поэтонимы, к которым относим поэтонимы, созданные другими авторами. А. О. Белянин привлекает заимствования разного содержания для создания культурного фона:

- антропонимы (имена литературных и киногероев): *Шерлок Холмс, доктор Ватсон, отец Браун, Эркюль Пуаро, Индиана Джонс, Джеймс Бонд, Балда, Терминатор, Гулливер, Шарапов, Колобок, Чингачук, Марио Пьюзо, Джон Сильвер, Вакула, Снегурочка, Тарас Бульба, крокодил Гена, Дюймовочка, Синяя Борода, Дед Мороз, Емеля, Морозко, Буратино, Бэтмен, Супермен, дед Щукарь, Нильс, Мюнхаузен, Даша Васильева, мисс Марпл, Коломбо, Ниро Вульф, Красная Шапочка, Мальчик-с-пальчик* и др.;

- зоонимы (имена кино- и литературных животных): *Кинг-Конг, Годзилла* и др.

В третьей группе присутствуют прецедентные сюжетные (*Дед Мороз, Красная Шапочка, Мальчик-с-пальчик* и др.) и внесюжетные (*Эркюль Пуаро, Индиана Джонс, Джеймс Бонд, Балда, Терминатор, Гулливер, Шарапов, Чингачук, Кинг-Конг, Годзилла* и др.) онимы, которые обладают определённой энциклопедической информацией.

Одними из главных носителей фоновой информации являются идеонимы – имена романов, объединённых в исследуемый цикл. Если весь цикл можно рассматривать как аллюзию к телесериалам о деревенском участковом Анискине, опергруппе «ЗнаТоКи», то парадоксальная необычность формулировок заглавий романов (*«Жениться и обезвредить»*, *«Взять живым мёртвого»*, *«Отстрел невест»* и др.) сигнализирует сразу о нескольких онимических функциях: в первую очередь аллюзивная (возможно – отсылка к фильму по роману и к самому роману В. В. Карпова «Взять живым» (1970–

2000) о делах армейской разведки, тайных операциях или к голливудскому фильму «Взять живым или мёртвым» (1987) о бывшем сотруднике ЦРУ, который охотится за преступниками), игровая (отсылка к советскому фильму «Найти и обезвредить» (1982), когда трое московских друзей участвуют в поиске и задержании бандитов в сибирской тайге), характеризующая, идеологическая (у простоватого царя Гороха может быть только ржавый меч, а у царя Кощея – чёрный для его чёрных дел).

Поэтонимы в цикле служат для создания комического эффекта. Так, например, реализована игра с ожиданиями: фольклорные имена (*Кощей, Баба Яга*) получают современные роли. Звуковые ассоциации (*Горох, Лукошкино, Кряков, Праха*) усиливают юмористическую тональность. Гротескные отчества и фамилии (*Кирдыкбабаевич, Карлоффгаузен*) пародируют бюрократическую и иноземную «важность».

Стилизация под фольклор достигнута при помощи имён типа *Олёна, Фома Силыч*, которые воспроизводят речевую манеру русских сказок. Топонимы (*Лукошкино, Сморгочка, Курякино, Емец-на-Яузе, Кряков* и др.) создают иллюзию «старинного» мира.

Поэтонимы в цикле «Тайный сыск царя Гороха» не просто метки персонажей и мест, а ключевой инструмент авторской игры, которые соединяют фольклорную традицию с современной реальностью; генерируют юмор через парадоксы и звуковые ассоциации; помогают выстроить уникальный мир, где сказка становится фоном для милицейского детектива.

Имена собственные в цикле представляют две структурные группы: мононимы (однословные имена) и полионимы (многословные имена). Мононимы (*Яга, Экспертиза, Митяй, Никитушка, Кощей, Горох, Шмулинсониха, Лукошкино, Подберезовка, Джульбарс, Тьмутаракань, Швабс, Олёна, Наташа, Жулъка* и др.) представляют ≈80 % от общего числа, полионимы (*Шамаханская Орда, Лебединая дорога, Сенька Рыжий, Митрофан Древний, Борька Свин, Тамтамба Мумумба, Селивестр Петрович Поганов, Кнут Гамсунович Шпицруттенберг, Кощей Кирдыкбабаевич Бессмертный, Змей Горыныч, «Тайный сыск царя Гороха»* и др.) – ≈20 %. Количество мононимов увеличивается за счёт употребления составных элементов полионимов как мононимов (*Дмитрий Степанович Лобов* → *Митька, Митяй, Митенька; Баба Яга* → *Яга, Ягуля, Ягуленька*).

Однословные поэтонимы образованы по словообразовательным законам русского языка. Для образования антропонимов наиболее продуктивными стал суффиксальный способ со специализацией суффиксов:

- от русских основ: *-ул-* (*Ягуля*), *-еньк-* (*Ягуленька*), *-ушк-* (*Олёнушка*), *-ин-* (*Сумкина, Манин*), *-ов-* (*Поганов, Битова, Бурьянов*), *-ович-* (*Плеткович*);
- от иноязычных основ: *-их-* (*Шмулинсониха*); *-к-* (*Жулъка* от *Джульетта*, где сокращение и изменение звукового состава основы сопровождается суффиксацией; *Монька* от *Дездемона*, где сокращение и изменение звукового состава основы сопровождается суффиксацией; *Отъка* от *Отелло*, где сокращение и изменение звукового состава основы сопровождается суффиксацией; *Яшка* (*Свищ*) от *Яго*, где сокращение и изменение звукового состава основы сопровождается суффиксацией; *Одеська* ← *Одиссей* (усечение производящей основы с изменением звукового состава) + *-к-*); *-ушк-* (*Назимушка*); *-иј-* (*Папуасий* ← *Папуас* + *-иј-*; *Пургения* ← *Пурген* + *-иј(а)*).

Из неаффиксальных способов регулярным отмечено чистое сложение русских основ: *Ванюша-полевичок / Иван-полевик, Стёпка-огонёк, Сухово-Копыткина*; фрау *Немец-перец-колбаса*.

«Иностранные» герои цикла имеют отчества и фамилии, как принято в русскоязычном мире. «Иностранность» имён, отчеств, фамилий передана словообразовательными средствами, чаще всего соответствующего языка:

- *Карпоффгаузен* ← *Карпофф* (двойной конечный согласный для усиления немецкого происхождения фамилии) + *-гаузен* (нем. Haus (Hausen) – суффикс, обозначающий принадлежность к местности, от названия которой образована фамилия); в цикле элемент фамилии, с помощью которого создана фамилия германской невесты;
- *Адольфина* ← *Адольф* + *-ин-* (суффикс принадлежности, букв. «дочь Адольфа, Адольфовна»);
- *Шпицрутенберг* ← *Шпицрутен* (нем. «хлыст, длинный прут из лозняка») + *-берг* (нем. -berg) – суффикс, обозначающий местоположение; в цикле элемент фамилии, с помощью которого создана фамилия германского посла;
- *Шмулинсон* ← *Шмулин* + *-сон* (идиш. son) – патронимический и матронимический суффикс, указывающий на отца или мать. Фамилия *Шмулин* имеет две версии происхождения: еврейское (от *Шмуль* – «слава, знаменитость») и славянское (*Шмуль* – «шмель, оса»). Именно так коверкает фамилию царь Горох: *Шмель*, *Шмуль*;
- *Павлиношвили* ← *Павлин* + *-швили* – окончание грузинских фамилий, означающее «ребёнок», «дитя»;
- *Паулюсус* ← *Паулюс* + *-ус* – окончание в прибалтийских (литовских) мужских фамилиях;
- *Лыбенко* ← *Лыб* + *-енко* (патронимический уменьшительный суффикс, букв. «маленький», «молодой человек», «сын»);
- *Коцента* ← *Кощей* (усечение производящей основы с изменением звукового состава) + *-енто* (ит. «лицо, персона, существо, человек»);
- *Дракхен* ← *русск. Драка / нем. Druck* «давление, нажатие» + *-хен* (нем. -chen – уменьшительно-ласкательный суффикс). Букв. *Драчун*; возможно *Хулиган*. В романе – *Змей (Горыныч)*;
- *Гройсмашидзе* ← *Гройсма* + *-ши-* (окончание фамилии у грузин-лазов) + *-дзе* (грузинск. букв. «сын»).

Некоторые антропонимы созданы как результат языковой игры: изменение звукового состава (*Олёна, Ху Ши Мин, Тамтамба Мумумба* → *Татьяна Мумушкина*), части (слоги) одного слова как самостоятельные слова (*Уна, Дина* ← *ундина*).

Ряд фамилий представлен в «прозвищной» форме, без специального фамильного суффикса. В этом случае собственное имя ярче проявляет свою внутреннюю форму, свидетельствует об отсутствии социального статуса героя: *Юрка Боров, Борька Свин, Шпилька, Барыга*.

Топонимы образованы традиционными способами: суффиксальным (*-ин-*: *Лукошкино, -овк-*: *Сморчовка, Опулеловка; -к-*: *Охлобыстинка*), префиксально-суффиксальным (*Подберёзовка*), сложением основ (*Емец-на-Яузе, Лукошкинбург / Лукашкинбург*).

Топоним может быть создан как результат языковой игры – изменения звукового состава топонима: *Ростопуловка* ← *Растопуловка* (населённый пункт в Астраханской области); *Кряков* ← *Краков, Праха* ← *Прага, Опользень* ← *Пльзень*.

Полионимы чаще двусловные субстантивные (*Шамаханская Орда, Лебединая дорога, Стёпкин огонёк, Лукошкинское РОВД, Шварцвальдский лес, Яшка Свищ, Борька Свин, Юрка Боров, «Отстрел невест»*). Многословные полионимы – прежде всего, названия романов – могут включать более двух слов: трёхсловные («*Взять живым мёртвого*»), четырёхсловные («*Тайный сыск царя Гороха*», «*Ржавый меч царя Гороха*», «*Чёрный меч царя Кощея*»). С грамматической точки зрения названия романов отличаются разнообразием: могут включать предлоги («*Опергруппа в деревне*») и союзы («*Жениться и обезвредить*»).

В цикле мы наблюдаем стилизацию под древнерусскую сказку с современными вкраплениями. Действие происходит «во времена царя Гороха» – ироничная отсылка к неопределённо далёкому прошлому. При этом в мире есть милиция, участковые, опергруппа, рапорты, «следственные действия» – всё подано в духе современного ОВД, но в сказочном антураже. Главный герой – младший лейтенант милиции Никита Ивашов, попавший из современной Москвы в Лукошкино. Его взгляд задаёт оптику: он воспринимает сказочные реалии через призму милицейской логики.

Автору удалось представить социальную утопию с ироническим оттенком. Царь *Горох* – добрый, простодушный, заботливый правитель, который любит милицию и часто прибегает к её помощи. Однако есть и сатирические штрихи: боярская дума порой коррумпирована, встречаются кляузники (например, думный дьяк *Груздев*), бытовые пороки и мелкие преступления. Идеализирован образ священника (отец *Кондрат*) как нравственного авторитета, которого боится даже нечистая сила. Удачно писатель смешал фольклорных и современных персонажей. Баба *Яга* – эксперт-криминалист опергруппы: сочетает сказочную природу с профессиональными навыками. *Кощей Бессмертный* – главный антагонист, но подан не как мифический злодей, а как хитрый преступник, строящий коварные планы. Стрелецкая сотня (*Фома Еремеев*) – аналог силового подразделения. *Митька Лобов* – младший сотрудник опергруппы: громила с добрым сердцем и нешаблонным мышлением. *Олёна* – бесовка, которая становится возлюбленной главного героя, отображает соединение сказочной нечисти с человеческой судьбой. А. О. Белянин использует поэтонимы как средство пародии и характеристики, превращая привычные сказочные образы в участников абсурдно-логичного расследования, где даже имя становится частью шутки.

Поэтоним – собственное имя, созданное автором в художественном тексте и несущее эстетическую, смысловую, стилистическую нагрузку. В группе поэтонимов ≈10 % – «реальные» поэтонимы, ≈80 % – авторские и ≈10 % – «заимствованные» поэтонимы. В исследованном цикле А. О. Белянина поэтонимы разных групп формируют уникальный ономастический ландшафт сказочно-детективной вселенной, совмещающая фольклорные архетипы с современной речевой игрой.

Список источников

1. Белянин А. О. Тайный сыск царя Гороха / А. О. Белянин. – Москва : Альфа-книга, 1999. – 210 с. – (Серия «Тайный сыск царя Гороха»).
2. Белянин А. О. Заговор Чёрной Мессы / А. О. Белянин. – Москва : Альфа-книга, 1999. – 210 с. – (Серия «Тайный сыск царя Гороха»).
3. Белянин А. О. Летучий корабль / А. О. Белянин. – Москва : Альфа-книга, 2000. – 250 с. – (Серия «Тайный сыск царя Гороха»).
4. Белянин А. О. Отстрел невест / А. О. Белянин. – Москва : Альфа-книга, 2002. – 280 с. – (Серия «Тайный сыск царя Гороха»).
5. Белянин А. О. Дело трезвых скomoroxов / А. О. Белянин. – Москва : Альфа-книга, 2004. – 280 с. – (Серия «Тайный сыск царя Гороха»).
6. Белянин А. О. Опергруппа в деревне / А. О. Белянин. – Москва : Альфа-книга, 2006. – 230 с. – (Серия «Тайный сыск царя Гороха»).
7. Белянин А. О. Жениться и обезвредить / А. О. Белянин. – Москва : Альфа-книга, 2009. – 270 с. – (Серия «Тайный сыск царя Гороха»).
8. Белянин А. О. Ржавый меч царя Гороха / А. О. Белянин. – Москва : Альфа-книга, 2014. – 311 с. – (Серия «Тайный сыск царя Гороха»).
9. Белянин А. О. Чёрный меч царя Кощея / А. О. Белянин. – Москва : Альфа-книга, 2015. – 390 с. – (Серия «Тайный сыск царя Гороха»).
10. Белянин А. О. Взять живым мёртвого / А. О. Белянин. – Москва : Альфа-книга, 2017. – 390 с. – (Серия «Тайный сыск царя Гороха»).

11. Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста / Н. В. Васильева. – Москва : Академия гуманитарных исследований, 2005. – 280 с.
12. Ерохина Т. А. Перифрастические именованья персонажей в поэтических текстах М. А. Волошина / Т. А. Ерохина // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Сер.: Социальные и гуманитарные науки. – 2018. – № 4 (20). – С. 61–68.
13. Калинин В. М. От литературной ономастики к поэтонимологии / В. М. Калинин // Логос ономастики. – 2006. – № 1. – С. 81–89.
14. Калинин В. М. Прологомены к аксиоматике и постулатам поэтонимологии / В. М. Калинин // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. – Витебск : Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2016. – С. 246–249.
15. Калинин В. М. Знакомьтесь: поэтонимология / В. М. Калинин // Неофилология. – 2017. – Т. 3, № 1(9). – С. 10–17.
16. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – Москва : Наука, 1988. – 192 с.
17. Родионова Л. П. Прецедентные и аллюзивные имена собственные в ранних романах А. О. Белянина / Л. П. Родионова. – Смоленск, 2018. – 193 с.
18. Lamping D. Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens / D. Lamping. – Bonn : Bouvier Verlag Herbert Grundmann, 1983. – 135 с.

References

1. Belyanin A. O. *Taynyy sysk carya Gorokha = The Secret Investigation of Tsar Pea*. Moscow: Alfa-kniga; 1999:210 p.
2. Belyanin A. O. *Zagovor Chernoy Messy = The Conspiracy of the Black Mass*. Moscow: Alfa-kniga; 1999:210 p.
3. Belyanin A. O. *Letuchiy korabl = The Flying Ship*. Moscow: Alfa-kniga; 2000:250 p.
4. Belyanin A. O. *Otstrel nevest = The Bride Shooting*. Moscow: Alfa-kniga; 2002:280 p.
5. Belyanin A. O. *Delo trezvykh skomorokhov = The Case of the Sober Buffoons*. Moscow: Alfa-kniga; 2004:280 p.
6. Belyanin A. O. *Opergruppa v derevne = Operative Group in the Village*. Moscow: Alfa-kniga; 2006:230 p.
7. Belyanin A. O. *Zhenitsya i obezvredit = Marry and Neutralize*. Moscow: Alfa-kniga; 2009:270 p.
8. Belyanin A. O. *Rzhavyy mech tsarya Gorokha = The Rusty Sword of Tsar Pea*. Moscow: Alfa-kniga; 2014:311 p.
9. Belyanin A. O. *Chernyy mech tsarya Koshcheya = The Black Sword of Tsar Koschei*. Moscow: Alfa-kniga; 2015:390 p.
10. Belyanin A. O. *Vzyat zhivym mertvogo = Take the Dead Alive*. Moscow: Alfa-kniga; 2017:390 p.
11. Vasileva N. V. *Sobstvennoe imya v mire teksta = Proper name in the world of text*. Moscow: Academy of Humanitarian Research; 2005:280 p.
12. Erokhina T. A. Periphrastic naming of characters in the poetic texts of M. A. Voloshina. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigorevicha i Nikolaya Grigorevicha Stoletovykh. Seriya "Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki" = Bulletin of the Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov. Series "Social and human sciences"*. 2018;4(20):61–68.
13. Kalinkin V. M. From literary onomastics to poetonymology. *Logos onomastiki = Logos of onomastics*. 2006;1:81–89.
14. Kalinkin V. M. Prolegomena to the Axiomatics and Postulates of Poetonymology. *Regionalnaya onomastika: problemy i perspektivy issledovaniya = Regional Onomastics: Problems and Prospects of Research*. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2016:246–249.
15. Kalinkin V. M. Meet Poetonymology. *Neofilologiya = Neophilology*, 2017;3,1(9): 10–17.
16. Podolskaya N. V. *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii = Dictionary of Russian Onomastic Terminology*. Moscow: Nauka; 1988:192 p.
17. Rodionova L. P. *Pretsedentnye i allyuzivnye imena sobstvennye v rannikh romanakh A. O. Belyanina = Precedent and Allusive Proper Names in the Early Novels of A. O. Belyanin*. Smolensk; 2018:193 p.

18. Lamping D. *Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens = The Name in the Erzählung: A Poetry of Personennamens*. Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann; 1983:135 p.

Информация об авторе

М. В. Веклич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Information about the author

M. V. Veklich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 15.02.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 14.01.2026; approved after reviewing 15.02.2026; accepted for publication 17.02.2026.

Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 22–29.
Humanitarian Researches. 2026;1(97):22–29.

Научная статья
УДК 811

**ВОЛОНТЁРСКИЙ ДИСКУРС КАК ВИД ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Маргарита Сергеевна Воробьева^{1✉}, Елена Николаевна Шеховцева²

^{1, 2}Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия

¹vorobiewamargarita@yandex.ru✉

²elen-gorbachyova@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется волонтерский дискурс как сложный институциональный тип коммуникации, обеспечивающий функционирование добровольческой деятельности. Дискурс анализируется на материале английского и русского языков с использованием схемы В. И. Карасика, включающей участников, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы. Вслед за Т. А. Филипповой базовая статусно-ролевая пара волонтерского дискурса определяется как «волонтер / организация» и «нуждающийся в помощи», что применимо к англоязычной и русскоязычной лингвокультурам. Кроме того, исследование выявляет сходство коммуникативных стратегий (информирование, убеждение, организация) и жанрового репертуара (отчеты, блоги, уставы) в обоих дискурсах, что подтверждает их институциональную природу. Однако эти общие инструменты наполняются культурно-специфическим содержанием, что в итоге создаёт разные модели вовлечения и мотивации волонтеров. В статье подчёркивается, что, несмотря на общую гуманистическую основу, ценностные доминанты двух дискурсов различаются. Англоязычный дискурс акцентирует индивидуальный выбор, личную ответственность и прагматическую пользу (опыт, навыки), опираясь на прецедентные тексты, связанные с идеей активного гражданства. Русскоязычный дискурс, напротив, строится на ценностях коллективной солидарности, милосердия и служения, черпая образы из православной этики, советской традиции (тимуровцы) и современных лозунгов, призывающих к волонтерской деятельности. Это различие также находит отражение в дискурсивных формулах: если для англоязычного дискурса характерны прагматичные призывы («take a difference», «gain experience»), то русскоязычный тяготеет к эмоциональным и этическим конструкциям («протяни руку помощи», «неравнодушные люди»). Таким образом, волонтерский дискурс предстаёт как культурно обусловленное явление, формирующее разные образы добровольца: рационального агента изменений в англоязычной среде и отзывчивого участника общего дела – в русскоязычной.

Ключевые слова: дискурс, институциональный дискурс, волонтерский дискурс, волонтер, волонтерская деятельность

Для цитирования: Воробьева М. С., Шеховцева Е. Н. Волонтерский дискурс как вид институционального дискурса (на материале английского и русского языков) // Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 22–29.

Original article

**VOLUNTEER DISCOURSE AS A TYPE OF INSTITUTIONAL DISCOURSE
(BASED ON THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)**

Margarita S. Vorobeva^{1✉}, Elena N. Shekhovtseva²

^{1, 2}Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

¹vorobiewamargarita@yandex.ru✉

²elen-gorbachyova@yandex.ru

Abstract. The article examines volunteer discourse as a complex institutional type of communication that ensures the functioning of volunteer activities. The discourse is analyzed based on the English and Russian language materials using V. I. Karasik's model, which includes participants, chronotope, goals, values, strategies, genres, precedent texts, and discursive formulas. Following the research of T. A. Filippova, the basic status-role pair of volunteer discourse is defined as "volunteer / organization" and "those in need of help," which is applicable to both English-speaking and Russian-speaking linguacultures. Furthermore, the study reveals similarities in communicative strategies (informing, persuasion, organization) and genre repertoires (reports, blogs, charters) in both discourses, confirming their institutional nature. However, these common tools are filled with culturally specific content, ultimately creating different models of volunteer engagement and motivation. The article emphasizes that, despite a shared humanistic foundation, the value dominants of the two discourses differ. The English-language discourse emphasizes individual choice, personal responsibility, and pragmatic benefits (experience, skills), drawing on precedent texts related to the idea of active citizenship. In contrast, the Russian-language discourse is built on values of collective solidarity, mercy, and service, drawing images from Orthodox ethics, Soviet tradition ("timurovtsy") and modern slogans calling for volunteer activity. This difference is also reflected in discursive formulas: if the English-language discourse is characterized by pragmatic appeals ("make a difference", "gain experience"), the Russian-language discourse gravitates towards emotional and ethical constructions ("lend a helping hand", "compassionate people"). Thus, volunteer discourse emerges as a culturally conditioned phenomenon, shaping different images of the volunteer: a rational agent of change in the English-speaking environment and a responsive participant in a common cause in the Russian-speaking one.

Keywords: discourse, institutional discourse, volunteer discourse, volunteer, volunteer activity

For citation: Vorobeva M. S., Shekhovtseva E. N. Volunteer discourse as a type of institutional discourse (based on the English and Russian languages). *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2026;1(97):22–29 (In Russ.).

Волонтерская деятельность стала одним из ключевых феноменов современного глобального общества, выступая важным ресурсом в решении социальных, экологических и гуманитарных проблем. Её значение многократно возросло в период пандемии COVID-19, когда волонтерское движение стало не только практическим инструментом решения проблем, но и символом социальной солидарности в условиях изоляции и неопределённости. Рост значимости и популярности волонтерства порождает новые виды коммуникации и типы текстов, которые в совокупности составляют дискурс добровольчества, или волонтерский дискурс.

Волонтерский дискурс является не спонтанным обменом информацией, а сложной, структурированной системой коммуникации, обеспечивающей функционирование всего института волонтерства. Как отмечает Т. А. Филиппова, англоязычный волонтерский дискурс относится к институциональному типу, поскольку представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений [10, с. 10]. Представляется возможным распространить данное определение и на русскоязычный волонтерский дискурс, так как и в этом типе дискурса базовой парой статусно неравных участников коммуникации являются волонтер / волонтерская организация и человек / группа

людей / организация / система (социальная, экологическая и др.), нуждающиеся в помощи.

Любой институциональный тип дискурса может быть охарактеризован наличием ряда компонентов. Для анализа волонтерского дискурса в данном исследовании используется базовая схема анализа дискурса В. И. Карасика (компоненты институционального дискурса), в которую входят участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы [8, с. 209].

Согласно исследованию Ю. Н. Ильиной, заимствованное из французского языка слово «волонтер» изначально выступало в качестве синонима слову «доброволец» в значении человека, добровольно отправляющегося на военную службу. Со временем оба слова приобрели дополнительное значение [7, с. 168]. В Новом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой представлено следующее определение: волонтер – м. устар. 1) Тот, кто поступил на военную службу по собственному желанию; доброволец. 2) перен. Тот, кто добровольно принимает участие в каком-л. деле [3]. Восприятие и употребление понятий «волонтер» и «доброволец» варьируется в рамках волонтерского дискурса. Так, О. А. Оберемко и Т. В. Оберемко в своём исследовании дискурсивных практик самоопределения участников российского волонтерского движения в 2012 г. установили, что слово «доброволец» было более привычным и ассоциировалось с настоящими делами, в то время как слово «волонтер» казалось чужеродным, связанным с проведением акций [9, с. 100]. В России 2018 г. был объявлен Годом добровольца (волонтера). Данная формулировка указывает на взаимозаменяемость понятий. На сайте благотворительного фонда «Подари шанс» указано, что «Волонтера можно с уверенностью назвать добровольцем. Ведь это человек, который добровольно совершает полезные для общества дела, не получая за это никакого материального вознаграждения. Доброволец же часто не является волонтером» [1]. В этом источнике волонтер представлен как член определённой организации. Таким образом, чёткое разграничение понятий «доброволец» и «волонтер» в русскоязычном волонтерском дискурсе отсутствует; употребление ситуативно.

Волонтеры отличаются разнообразием по возрасту, полу, социальному статусу и профессиональной принадлежности. Обладание навыками не является универсальным требованием: в одних случаях волонтер должен обладать рядом умений, в других – приветствуется каждый, кто изъявляет желание помочь.

Клиентами в волонтерском дискурсе являются человек / группа людей / организация / система (социальная, экологическая и др.), которые получают помощь в рамках волонтерской деятельности. Обычно они выступают как пассивные участники коммуникации; их истории помогают мотивировать волонтеров и привлекать новых участников. В зависимости от сферы деятельности клиентами волонтерского дискурса могут быть дети из детских домов, пациенты больниц, люди с ограниченными возможностями здоровья, пожилые люди, люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию и т. д. Волонтеры также могут помогать различным организациям, окружающей среде, способствовать сохранению культурного наследия. В англоязычном волонтерском дискурсе клиенты могут быть обозначены как *people in need*, *people suffering from diseases*; *persons with disabilities*; *abused children*; *boarding school pupils*; *orphanage residents*; *lonely retirees*; *the people affected by the tsunami*; *children's charities*; *small nonprofits* и т. д. [10, с. 13–14].

Хронотоп волонтерского дискурса отличается широким разнообразием. Вслед за И. Ф. Янушкевич и Т. А. Филипповой отмечаем нечёткую очерченность временного аспекта дискурса: волонтерство бывает регулярным и нерегулярным, краткосрочным или неограниченным во времени [11, с. 221]. Авторы подробно описывают номинации, относящиеся к временному аспекту,

такие как *eight hours a day, three years, in case of emergency* и т. д. Временные рамки дискурса охватывают как периоды кризисов (пандемия COVID-19, стихийные бедствия), так и регулярные события (День добрых дел, Международный день добровольцев во имя экономического и социального развития).

Топосом являются организации, реализующие релевантные для волонтерской деятельности цели [11, с. 221]. Это центры помощи, пункты сбора гуманитарной помощи, экологические лагеря, больницы, школы, детские дома, социальные учреждения. Также это конкретные мероприятия: массовые акции помощи, экологические субботники. Волонтеры могут оказывать помощь в подготовке и проведении мероприятий (событийное волонтерство). В рамках проведения ежегодных крупных мероприятий, таких как Петербургский международный экономический форум, Восточный экономический форум и др., производится набор волонтеров для сопровождения гостей мероприятия, подготовки мест проведения встреч и другой деятельности. Коммуникация в рамках волонтерского дискурса происходит в местах проведения тренингов, семинаров, конференций для волонтеров, награждении волонтеров и представителей волонтерских организаций. Также работа волонтеров может осуществляться на определенных площадках, таких как библиотеки, музеи, выставочные пространства, концертные залы, в рамках проведения культурно-просветительских мероприятий («волонтеры культуры»). Наконец, это онлайн-пространство: интернет-платформы, социальные сети, форумы, сайты. В онлайн-пространстве реализуется деятельность волонтеров, происходит непосредственная коммуникация, а также представляются результаты деятельности.

Целью волонтерского дискурса является организация и осуществление добровольческой (безвозмездной и социально ориентированной) деятельности через координацию участников, привлечение ресурсов и формирование общественного консенсуса вокруг ценностей взаимопомощи. В неё входят организация совместных действий волонтеров, управление проектами, информирование о правилах и процедурах, привлечение новых участников в движение и поддержание мотивации действующих волонтеров, привлечение необходимых для деятельности ресурсов: финансовых (пожертвования), материальных (вещи, оборудование), человеческих (новые волонтеры, эксперты); формирование в обществе позитивного образа волонтерства, информирование о социальных проблемах, воспитание культуры благотворительности; непосредственное оказание помощи клиентам дискурса (хотя сама помощь часто невербальна, дискурс обеспечивает её подготовку и осуществление (инструктаж, согласование, поддержка коммуникации с подопечными)) и др.

Согласно утверждению Т. А. Филипповой, в ценности волонтерского дискурса включаются гуманизм, милосердие, толерантность, трудолюбие, энтузиазм, мобильность, которые выражаются в совместных усилиях на благо общества [10, с. 11]. Действительно, в волонтерском дискурсе ценности носят ярко выраженный гуманистический и просоциальный характер. основополагающей ценностью является альтруизм и безвозмездность, принцип оказания помощи как самоцели. Данный ценностный постулат часто вербализуется через противопоставление внутреннего удовлетворения внешней выгоде. Неразрывно с альтруизмом связана ценность солидарности и коллективизма.

В то же время исследования в рамках ценностей англоязычного волонтерского дискурса [6, с. 32–36] указывают на то, что добровольчество подразумевает самостоятельный, сознательный индивидуалистический волевой акт, который связан с личными качествами добровольца. Среди ценностей волонтерской работы выделяются такие, как «community environment», «credibility», «empathy», «personal goals». В своём исследовании англоязычного волонтерского дискурса Т. А. Филиппова выделяет три группы ценностей,

реализуемых агентами волонтерского дискурса: универсальные (гуманистические), социальные и индивидуальные. Исследование семиотики языка волонтерских коммуникаций в англоязычной среде показывает преобладание личностных ценностных ориентаций над общесоциальными и универсальными. Этот вывод подтверждает устоявшуюся концепцию об особой значимости индивидуализма в системе ключевых ценностей данного социума, где приоритет отдается личной инициативе, стремлению к достижениям и готовности отвечать на сложные задачи [10, с. 15–16].

Анализ ценностных доминант русскоязычного волонтерского дискурса выявляет выраженный приоритет коллективных, социально ориентированных установок над индивидуальными мотивами. В публичной риторике ведущих организаций доминируют ценности общего дела, служения обществу и гражданской ответственности, что находит отражение в частом использовании лексикой сплочения и местоимения «мы». Патриотизм, сохранение исторической памяти и идея преобразования социальных систем формируют смысловое ядро дискурса.

Универсальные гуманистические ценности (милосердие, достоинство) выступают в качестве основания для коллективных действий, приобретая социально-преобразующий характер. Личностные мотивы (самореализация, приобретение навыков) представлены минимально и преимущественно в рекрутинговых материалах, где они часто подчинены логике будущей пользы для общего дела.

Еще одной ценностью волонтерского дискурса является доверие и прозрачность. Она проявляется в специфических жанрах (финансовый отчет, публикация чеков). Наконец, все предыдущие ценности объединяются в оптимистической установке на надежду и лучшее будущее. Дискурс проецирует образ желаемого завтра, которое волонтеры приближают своими руками.

К. И. Жевачевская в своём исследовании коммуникативных стратегий волонтерского движения и их языкового выражения в американском варианте английского языка выделяет следующие коммуникативные стратегии, присутствующие данному дискурсу: стратегия воздействия на адресата, стратегия аргументации, стратегия информирования, стратегия регламентации, стратегия субординации, стратегия характеристики [5, с. 20–22]. Стратегия воздействия на адресата является одной из наиболее распространённых в англоязычном волонтерском дискурсе и обнаруживается во множестве текстов и ситуаций общения. Т. А. Филиппова в своём исследовании англоязычного волонтерского дискурса выделяет следующие коммуникативные стратегии: объясняющая, оценивающая, содействующая и организующая. [10, с. 11] Существующая перечни коммуникативных стратегий волонтерского дискурса представляется возможным объединить, видоизменить и дополнить. Проанализированный языковой материал позволяет установить, что данные стратегии используются и в русскоязычном волонтерском дискурсе. Предлагается конкретизировать достаточно широкое понятие стратегии воздействия на адресата, а также объединить стратегию регламентации и стратегию субординации под общим названием организующей стратегии, так как две вышеупомянутые стратегии применяются в одних и тех же жанрах волонтерского дискурса (устав, инструкция волонтера, чат волонтеров и т. д.) и имеют единую коммуникативную цель – организацию процесса волонтерской деятельности. Таким образом, в нашем исследовании мы выделяем следующие коммуникативные стратегии волонтерского дискурса: стратегия информирования, стратегия убеждения, стратегия характеристики, организующая стратегия, презентационная стратегия.

Наиболее подробный перечень жанров волонтерского дискурса на данный момент представлен в исследовании В. В. Дементьева [4]. В приведен-

ный перечень можно также включить устав волонтерской организации и историю волонтера.

Анализ прецедентных текстов для англоязычного и русскоязычного волонтерского дискурса выявляет глубокие культурные различия в понимании добровольчества. Англоязычный волонтерский дискурс черпает свои ключевые идеи из трёх основных источников: христианской морали, идеологии гражданского общества и современной популярной культуры. Первый и наиболее древний – это христианская мораль. Прецедентным текстом здесь выступает притча о добром самарянине (The Parable of the Good Samaritan), чьё название стало нарицательным для любого бескорыстного помощника («добрый самарянин»). Второй источник – это идеология гражданского общества и публичных выступлений, сформировавших западное понимание гражданского долга. Значимой является фраза Джона Кеннеди из его инаугурационной речи 20 января 1961 г.: «Ask not what your country can do for you – ask what you can do for your country» [12], которая перевела идею служения в плоскость активной гражданской позиции. Данная фраза используется в англоязычном дискурсе как призыв к деятельности, направленной на общественное благо. Из популярной культуры широко заимствуются такие формулы, как «Be the change you wish to see in the world» (часто приписываемая Ганди) и концепция «Pay it forward», описывающая цепную реакцию добрых дел. Таким образом, ядро англоязычных прецедентных текстов вращается вокруг индивидуального выбора, личной ответственности и преобразующей миссии, часто с оттенком прагматизма (волонтерство как опыт для резюме).

Русскоязычный волонтерский дискурс формируется в результате сложного синтеза православной этики, наследия советского времени, популярной культуры и современных глобальных тенденций. В православной традиции в качестве прецедентных текстов выступают жития и изречения святых. Возникшая в христианстве идея важности доброго дела для доказательства веры в Бога, избавления души от греховности и служения Богу и ближнему заложила фундамент обоснования необходимости доброго дела для спасения души. Прецедентным текстом можно считать знаменитое высказывание врача и филантропа XVIII–XIX вв. Ф. П. Гааза: «Спешите делать добро, ибо жизнь коротка!». Из советского времени в качестве одного из прецедентных текстов можно обозначить повесть А. П. Гайдара «Тимур и его команда». Понятие «тимуровцы» в настоящее время используется редко, в основном пожилыми людьми, которые ассоциируют это понятие с понятием «волонтеры». Зачастую оно используется с ностальгией или иронией, обозначая организованную помощь.

В постсоветское время появляется текст, являющийся прецедентным для людей, ответственных за организацию добровольческой деятельности (руководителей волонтерских организаций, составителей уставов волонтерских организаций) – Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 N 135-ФЗ. Он закрепляет права и обязанности волонтеров, условия деятельности волонтерской организации и т. д. Современные русскоязычные прецедентные тексты чаще делают упор на коллективную солидарность, например название благотворительного фонда «Вместе мы справимся!» [2].

Дискурсивные формулы в англоязычном волонтерском дискурсе представлены выражениями «make a difference», «join our team», «we need your help», «every little helps», «find your purpose», «gain experience» и др. В данных дискурсивных формулах прослеживается использование мотивационных слоганов из корпоративной и коучинговой среды. В русскоязычном волонтерском дискурсе можно встретить следующие дискурсивные формулы: «твоя помощь нужна», «присоединяйся к нам», «стань волонтером», «протяни руку

помощи», «неравнодушные люди», «давайте делать добро вместе». Несмотря на определённые пересечения в обоих дискурсах, в русскоязычных дискурсивных формулах прослеживается больше лексики, связанной с понятиями «добро», «неравнодушие», «милосердие», больше апелляции к эмоциям.

Таким образом, установлено, что волонтерский дискурс является институциональным и может быть охарактеризован рядом компонентов. Англоязычный и русскоязычный волонтерские дискурсы обнаруживают общность содержания многих компонентов. Различие заключается в культурных акцентах: англоязычный дискурс через свои прецедентные тексты конструирует образ волонтера как активного гражданина, совершающего осознанный личный выбор для изменения мира, в то время как русскоязычный дискурс чаще формирует образ волонтера как отзывчивого человека, движимого милосердием и коллективной солидарностью, пришедшего на помощь в трудную минуту.

Список источников

1. Благотворительный фонд «Подари шанс». – URL: <https://chance.su/1205-volonter-ili-dobrovollec-v-chem-otlichie.html> (дата обращения: 25.01.2026).
2. Благотворительный фонд помощи детям «Вместе мы справимся!». – URL: <https://вместемысправимся.рф> (дата обращения: 25.01.2026).
3. Волонтер // Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – URL: <https://efremova.slovaronline.com/10710-VOLONTER> (дата обращения: 25.01.2026).
4. Дементьев В. В. Переживательные истории о котиках в Рунете в парадигме жанров волонтерского дискурса / В. В. Дементьев // Жанры речи. – 2021. – № 4 (32). – С. 305–326.
5. Жевачевская К. И. Коммуникативные стратегии волонтерского движения и их языковое выражение в американском варианте английского языка / К. И. Жевачевская. – Москва, 2020. – 26 с.
6. Илова А. В. Языковая репрезентация ценностей в англоязычном волонтерском дискурсе / А. В. Илова // Креативная лингвистика. – Астрахань, 2023. – С. 32–36.
7. Ильина Ю. Н. Значение и употребление слов ДОБРОВОЛЕЦ и ВОЛОНТЕР в русском языке (по данным Национального корпуса русского языка) / Ю. Н. Ильина // Научный диалог. – 2019. – № 10. – С. 159–171.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва: Гнозис, 2004. – 390 с.
9. Оберемко О. А. Дискурсивные практики самоопределения участников российского волонтерского движения / О. А. Оберемко, Т. В. Оберемко // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2014. – Т. 10, № 4. – С. 91–100.
10. Филиппова Т. А. Лингвосомиотика англоязычного волонтерского дискурса / Т. А. Филиппова. – Волгоград, 2014. – 23 с.
11. Янушкевич И. Ф. Хронотопические характеристики англоязычного волонтерского дискурса / И. Ф. Янушкевич, Т. А. Филиппова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 2, ч. 1. – С. 220–223.
12. President John F. Kennedy's Inaugural Address (1961) // National Archives. – URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/president-john-f-kennedys-inaugural-address> (дата обращения: 25.01.2026).

References

1. *Blagotvoritelnyy fond "Podari shans"* = *Charitable Foundation "Give a Chance"*. URL: <https://chance.su/1205-volonter-ili-dobrovollec-v-chem-otlichie.html> (accessed: 25.01.2026).
2. *Blagotvoritelnyy fond pomoshchi detyam "Vmeste my spravimsya!"* = *Charitable Foundation for Children "Together We Can Do It!"*. URL: <https://вместемысправимся.рф> (accessed: 25.01.2026).
3. *Volunteer. Efremova T. F. Novyy tolkovo-slovoobrazovatelnyy slovar russkogo yazyka* = *Efremova T. F. New Explanatory and Word-Formation Dictionary of the Russian*

Language. URL: <https://efremova.slovaronline.com/10710-VOLONTER> (accessed: 25.01.2026).

4. Dementyev V. V. Heart-moving stories about kitties in Runet in the paradigm of the genres of volunteer discourse. *Zhanny rech'i = Speech Genres*. 2021;4(32):305–326.

5. Zhevachevskaya K. I. *Kommunikativnyye strategii volonterskogo dvizheniya i ikh yazykovoye vyrazheniye v amerikanskom variante angliyskogo yazyka = Communicative Strategies of the Volunteer Movement and Their Linguistic Expression in the American English*. Moscow; 2020:26 p.

6. Ilova A. V. Linguistic representation of values in english-language volunteer discourse. *Kreativnaya lingvistika = Creative Linguistics*. Astrakhan; 2023:32–36.

7. Ilyina Yu. N. Meaning and use of the words DOBROVOLETS and VOLUNTEER in the Russian language (according to the Russian National Corpus). *Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue*. 2019;10:159–171.

8. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs = The Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Moscow: Gnozis; 2004:390 p.

9. Oberemko O. A., Oberemko T. V. Discursive practices of self-determination of the Russian participants of the volunteer movement. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKh = Political Expertise: POLITEX*. 2014;10(4):91–100.

10. Filippova T. A. *Lingvosemiotika angloyazychnogo volonterskogo diskursa = Lingua Semiotics of English-Language Volunteer Discourse*. Volgograd; 2014:23 p.

11. Yanushkevich I. F., Filippova T. A. Khronotopicheskiye kharakteristiki angloyazychnogo volonter-skogo diskursa = Chronotopic characteristics of English-language volunteer discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2014;2(1):220–223.

12. President John F. Kennedy's Inaugural Address (1961). *National Archives*. URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/president-john-f-kennedys-inaugural-address> (accessed: 25.01.2026).

Информация об авторах

М. С. Воробьева – аспирант, ассистент кафедры английской филологии, лингводидактики и перевода;

Е. Н. Шеховцева – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, лингводидактики и перевода.

Information about the authors

M. S. Vorobeva – postgraduate student, Assistant of the Department of English Philology, Linguodidactics and Translation;

E. N. Shekhovtseva – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of English Philology, Linguodidactics and Translation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 15.02.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 14.01.2026; approved after reviewing 15.02.2026; accepted for publication 17.02.2026.

Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 30–37.
Humanitarian Researches. 2026;1(97):30–37.

Научная статья
УДК 81'27

**ГИБРИДИЗАЦИЯ ЖАНРОВ «ДЕМОНСТРАТИВ» И «НАРРАТИВ»
В СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ**

Дмитрий Павлович Грыгрышев

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, grigrishev@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу гибридации жанров «демонстратив» и «нарратив» в сетевом дискурсе. Исследование исходит из положения о том, что сетевая коммуникация характеризуется возрастающей мультимодальностью и размыванием традиционных жанровых границ, вследствие чего визуальные, вербальные и паравербальные элементы объединяются в единую коммуникативную структуру. На материале показано, что визуальная демонстрация в пользовательских постах утрачивает автономность и включается в повествовательную рамку, задающую интерпретацию события, объекта или субъекта. В работе уточняется понятие сетевого жанра «демонстратив» как мультимодальной формы презентации, а также описываются механизмы его взаимодействия с нарративной стратегией: от интеграции визуального ряда в событийную последовательность до форм создания метанарратива. Выделены три устойчивые модели гибридной структуры – нарратив-иницирующая, демонстративно-иницирующая и рефлексивно-повествовательная, различающиеся степенью доминирования визуального или вербального планов. Показано, что лингвистические маркеры гибридации (деиктические и темпоральные средства, интроспективные элементы, устно-разговорные конструкции) и визуальные приёмы (серии «до – после», композиционная эстетизация, монтажность, визуальные парадеиксисы) обеспечивают когерентность мультимодального высказывания. Полученные результаты позволяют трактовать гибридную форму жанров «демонстратив-нарратив» как устойчивый коммуникативный механизм, направленный на когнитивную экономию и усиление перформативности самопрезентации. Исследование вносит вклад в теоретическое осмысление сетевых жанров и демонстрирует, что визуально-нарративная гибридация является системообразующим принципом современной сетевой коммуникации.

Ключевые слова: сетевой дискурс, мультимодальность, демонстратив, нарратив, гибридные жанры, презентация, визуально-вербальная интеграция, сетевая коммуникация

Для цитирования: Грыгрышев Д. П. Гибридация жанров «демонстратив» и «нарратив» в сетевом дискурсе // Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 30–37.

Original article

**HYBRIDIZATION OF THE “DEMONSTRATIVE” AND “NARRATIVE”
GENRES IN ONLINE DISCOURSE**

Dmitrii P. Grigrishev

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, grigrishev@gmail.com

Abstract. The article examines the hybridisation of the genres “demonstrativeness” and “narrative” in online discourse. The study proceeds from the assumption that digital communication is characterised by increasing multimodality and the blurring of traditional genre boundaries, as a result of which visual, verbal and paraverbal elements are integrated into a single communicative structure. The analysis demonstrates that visual display in user-generated posts loses its autonomy and becomes embedded in a narrative frame that

structures the interpretation of an event, object or subject. The article clarifies the concept of the online genre “demonstrativeness” as a multimodal form of presentation and describes the mechanisms of its interaction with narrative strategy – from the integration of the visual sequence into an event structure to the creation of metanarrative forms. Three stable models of hybrid structure are identified: the narrative-initiating, the demonstrative-initiating, and the reflexive-narrative model, which differ in the degree of dominance of visual or verbal modes. It is shown that linguistic markers of hybridisation (deictic and temporal means, introspective elements, conversational constructions) and visual techniques (“before – after” sequences, compositional aestheticisation, montage and framing, visual paradeixis) ensure the coherence of multimodal utterances. The findings make it possible to interpret the hybrid genre form “demonstrativeness-narrative” as a stable communicative mechanism aimed at cognitive economy and enhancing the performativity of self-presentation. The study contributes to the theoretical understanding of online genres and demonstrates that visual-narrative hybridisation is a system-forming principle of contemporary digital communication.

Keywords: network discourse, multimodality, demonstrativeness, narrative, hybrid genres, presentation, visual-verbal integration, online communication.

For citation: Grigrishev D. P. Hybridization of the “demonstrative” and “narrative” genres in online discourse. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2026; 1(97):30–37 (In Russ.).

Современный сетевой дискурс характеризуется усилением мультимодальности и динамическим размыванием жанровых границ, что проявляется в совмещении визуальных и вербальных стратегий коммуникации. Публикации в социальных сетях оперируют не только текстовой информацией, но и визуальными, паравербальными и интерактивными элементами, благодаря чему формируются новые гибридные формы самопрезентации. Одной из таких форм является переходная жанровая структура, объединяющая перформативность демонстративного показа – презентации, и нарративное осмысление опыта. При этом важно разграничивать собственно акт демонстрации и сетевой жанр «демонстратив». В данном исследовании демонстратив понимается как мультимодальный речевой жанр сетевой самопрезентации, в котором визуальный компонент, вербальное сопровождение и паравербальные средства интегрируются в единую коммуникативную конструкцию, ориентированную на предъявление субъекта, объекта или субъекта и объекта одновременно.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью визуально-нарративных форм презентации в цифровой коммуникации, а также недостаточной разработанностью теоретического описания гибридной формы жанров, формирующихся на стыке демонстратива и нарратива. В условиях медиатизации повседневной жизни и интенсификации процессов самопрезентации в социальных сетях визуальные и вербальные компоненты всё чаще функционируют не изолированно, а в тесной взаимосвязи, формируя целостные мультимодальные конструкции, направленные на конструирование индивидуальной и социальной идентичности. При этом демонстративный показ объектов, событий и состояний всё в большей степени сопровождается их интерпретацией, оценкой и включением в субъективный жизненный нарратив автора, что приводит к трансформации традиционных жанровых моделей сетевого общения. Несмотря на наличие обширных работ по мультимодальности и сетевым дискурсивным практикам, остаётся неясным, каким образом визуальная демонстрация и повествовательная интерпретация интегрируются в единую коммуникативную структуру, какие семиотические, прагматические и когнитивные механизмы обеспечивают её целостность и устойчивость, а также каким образом данные процессы соотносятся с типами самопрезентации и коммуникативными установками пользователей. В этой связи возникает необходимость системного анализа гибридных жанровых форм, позволяющего выявить закономерности их функционирования и место в современной экосистеме цифровой коммуникации.

Степень разработанности проблемы связана с исследованиями жанровой динамики М. М. Бахтина [1], коммуникативных моделей цифровой среды В. И. Карасика [6; 7], мультимодальных цифровых нарративов Р. Пейджа [11], а также теорий медиации субъективности Н. Колдри [9] и нарративной идентичности Д. Брунера [8]. Однако существующие подходы преимущественно описывают изменения жанровых форм в целом и не выделяют системно переходные структуры, в которых демонстративный акт показа, реализующий сетевой жанр «демонстратив», функционирует как часть повествовательной стратегии.

Целью исследования является выявление лингвистических, визуальных и медиасемиотических механизмов гибридизации жанров «демонстратив» и «нарратив» в русскоязычном сетевом дискурсе, а также установление их роли в формировании целостных мультимодальных форм самопрезентации. В рамках поставленной цели решаются задачи по описанию структурных, прагматических и интерпретационных особенностей гибридных публикаций, выявлению доминирующих моделей взаимодействия визуального и вербального компонентов, а также определению факторов, влияющих на степень нарративизации демонстративного показа. Материалом исследования служит корпус из ста русскоязычных публикаций социальной сети VK, отобранных по признаку сочетания визуальной демонстрации и вербальной нарративизации событий. В выборку включались посты, размещённые на личных аккаунтах пользователей и относящиеся к сфере повседневной самопрезентации, отражающие индивидуальный опыт, профессиональное становление, творческую деятельность и повседневные практики. Коммерческие, новостные, рекламные и профессионально-проектные публикации исключались, поскольку их коммуникативная направленность, институциональная обусловленность и стратегическая ориентация на внешнего адресата существенно отличаются от индивидуальных актов сетевой саморепрезентации. Такой подбор и ограничение материала позволяет рассматривать анализируемые публикации как репрезентативную модель типичного пользовательского взаимодействия и выявлять устойчивые закономерности жанровой гибридизации в естественной цифровой среде.

Анализ корпуса публикаций позволил установить, что в современном сетевом дискурсе формируется устойчивая гибридная жанровая форма, возникающая в зоне пересечения демонстративного и нарративного способов презентации и характеризующаяся высокой степенью мультимодальной интеграции. В исследуемых текстах визуальное предъявление событий, объектов или субъектов выступает не автономным элементом, а частью событийной и интерпретационной рамки, организуемой нарративом и задающей способы осмысления представленного опыта. Изображения и визуальные серии не только фиксируют результат действия или состояние субъекта, но и включаются в логически и прагматически выстроенную последовательность, в рамках которой они приобретают сюжетную, оценочную и символическую нагрузку. Вербальный компонент, в свою очередь, выполняет функции контекстуализации, интерпретации и эмоциональной маркировки визуального материала, направляя восприятие адресата и формируя заданную автором перспективу понимания. Это подтверждает, что демонстративный акт «показывания» и повествовательная стратегия «рассказывания» объединяются в едином коммуникативном механизме, обеспечивающем целостность сетевого высказывания, его когнитивную связность и прагматическую направленность. В результате гибридная публикация функционирует как комплексное мультимодальное высказывание, в котором визуальные и нарративные средства взаимно усиливают друг друга, способствуя более эффективной репрезентации субъективного опыта и конструированию образа автора в цифровом пространстве.

Визуальный компонент выполняет не только функцию фиксации факта или результата, но и становится структурообразующим элементом повествования. В публикациях наблюдается несколько моделей интеграции модальностей:

1. Нарратив-иницирующая модель, при которой текст предшествует визуальному ряду и задаёт интерпретационную рамку восприятия демонстрируемого материала. В таких случаях автор сначала вводит историю, мотив или контекст, формирует причинно-следственные связи и обозначает субъективную позицию, а затем подтверждает или иллюстрирует её с помощью изображения. Вербальный компонент выполняет функцию смыслового «настроя» аудитории, направляя интерпретацию визуального ряда в заданном автором направлении. Например, в одном из постов мастер перманентного макияжа начинает с ретроспективного рассказа о том, как *«ещё год назад была клиенткой»* и почему решила стать профессионалом, после чего направляет читателя к сторис *«Брови»*, *«Отзывы»*, *«До / после»* как визуальным доказательствам сказанного. В данном случае изображение функционирует как аргумент, конкретизирующий и легитимирующий вербальный нарратив, усиливая его убедительность и перформативный эффект. Подобная модель способствует формированию доверия к автору и выстраиванию последовательной истории профессионального или личностного становления.

2. Демонстративно-иницирующая модель, при которой визуальный импульс выступает отправной точкой коммуникации, а текст лишь сопровождает и комментирует увиденное, минимально развивая сюжетную линию. В данной модели доминирует логика показа, ориентированная на непосредственное визуальное впечатление и эстетическое воздействие на адресата. Так, в постах тату-мастеров демонстративность задаётся отсылкой к портфолио (*«ознакомиться с примерами моих работ»*), а текст выполняет функцию краткого пояснения, уточняя стиль (*«ботаника, ч/б графика, аниметатуировки»*), технические особенности или выражая эмоциональную реакцию автора (*«кайфую от того, чем занимаюсь»*). Публикация структурируется как «комментируемый показ», где визуальный компонент выступает смысловым и композиционным центром, а вербальный слой приобретает вспомогательный, репликативный характер. Такая модель ориентирована прежде всего на демонстрацию результата и формирование визуального имиджа автора.

3. Рефлексивно-повествовательная модель, в которой акцент смещён на осмысление самого акта демонстрации и процессов, предшествующих созданию визуального материала. Автор подробно описывает обстоятельства работы, этапы подготовки, творческие решения и коммуникативное взаимодействие с клиентом или аудиторией, превращая публикацию в «историю о том, как создавалась история». Например, мастер татуировки последовательно проговаривает процесс: обсуждение желаний клиента, разработку эскиза, примерку, выполнение работы и рекомендации по уходу, тем самым формируя метанарратив о производстве будущих изображений. Визуальная часть здесь выступает итоговым результатом описанного процесса, а текст – пространством его аналитической и эмоциональной рефлексии. Данная модель способствует углублению коммуникативного контакта с аудиторией, демонстрирует профессиональную компетентность автора и формирует образ ответственного и осмысленно действующего субъекта сетевой коммуникации.

Эти модели различаются степенью доминирования визуального или вербального плана, характером их взаимодействия и распределением коммуникативных функций между модальностями, однако объединены общей прагматической установкой – сформировать убедительную, связную и социально значимую презентацию субъективного опыта. Независимо от преобладающего кода, каждая из моделей ориентирована на достижение эффекта

достоверности, вовлечённости адресата и формирования позитивного образа автора в цифровом пространстве. Полученные данные подтверждают, что единицей анализа в рамках настоящего исследования выступает не отдельное изображение, видеоматериал или текстовый фрагмент, а целостное мультимодальное высказывание, в котором визуальные, вербальные и паравербальные компоненты находятся в отношениях функционального взаимодействия и семантической согласованности и в совокупности реализуют жанровую специфику демонстратива. Демонстратив при этом трактуется как жанр сетевого дискурса, в котором акт визуального предъявления является обязательным, но не единственным структурообразующим элементом: он дополняется вербальным и паравербальным уровнями, обеспечивающими интерпретацию, оценку и прагматическую направленность предъявленного опыта, а также задающими способы его социального и символического осмысления. В результате демонстратив предстает не как простая форма показа, а как комплексный коммуникативный механизм, интегрирующий репрезентативные, нарративные и перформативные стратегии самопрезентации в современной цифровой среде.

Лингвистические маркеры гибридизации проявляются в совмещении демонстративных и повествовательных стратегий, что выражается в систематическом использовании деиктических форм («здесь», «сейчас», «вот так», «сегодня», «мы», «я»), обеспечивающих соотнесённость вербального высказывания с визуальным планом и актуальной коммуникативной ситуацией, а также темпоральных средств («потом», «после этого», «в итоге»), организуемых последовательность событий и формирующих элементарную сюжетную логику публикации. Существенную роль в построении гибридного высказывания играют интроспективные элементы, передающие эмоции, ожидания и мотивационные установки автора, и устно-разговорные конструкции, создающие эффект непосредственного присутствия, диалогичности и сопresутствия адресанта и адресата в едином коммуникативном пространстве, что способствует усилению перформативного потенциала публикации. Паравербальные маркеры (эмодзи, символы, креолизованный текст) функционируют как дополнительные семиотические ресурсы, усиливающие эмоционально-оценочный компонент сообщения, структурирующие его ритмику и поддерживающие мультимодальный характер коммуникации. Визуальный анализ демонстрирует типичные способы включения изображения в структуру нарратива: хронологические серии («до – после»), формирующие визуальный сюжет и задающие вектор интерпретации; эстетизацию результата за счёт композиционного подчёркивания деталей, светотеневых акцентов и цветовых решений; монтажность и кадрирование, создающие смысловые и эмоциональные фокусы повествования; а также встроенные текстовые метки (даты, геолокации, подписи, хештеги), функционирующие как визуальные парадеиктические элементы и обеспечивающие соотнесение изображения с конкретным пространственно-временным контекстом. В результате визуальный ряд приобретает свойства сюжетности, интерпретируемости и семантической связности, тогда как нарратив получает фактичность, наглядность и доказательность, что свидетельствует о взаимном усилении двух жанровых планов и формировании целостной мультимодальной стратегии самопрезентации в цифровом дискурсе.

Корреляция между визуальностью и нарративизацией демонстрирует более сложную динамику, чем предполагает традиционная установка о том, что увеличение числа изображений приводит к сокращению текста: анализ показал, что в гибридных публикациях визуальная насыщенность нередко сопровождается усилившейся потребностью автора интерпретировать увиденное, что, в свою очередь, активизирует нарративный компонент. Это наблюдение согласуется с типологией демонстративов [5, с. 26–30]:

в субъектном демонстративе автор фокусируется на собственных переживаниях и мотивах, что естественным образом расширяет вербальную часть; в объектном демонстративе, напротив, преобладает фиксация результата, и текст минимален; смешанный тип объединяет оба начала, добавляя к показу элементы повествовательной рефлексии. Таким образом, часть визуально насыщенных публикаций действительно воспроизводит объектный или субъектный демонстратив с минимальным текстом, тогда как другая часть обращается к расширенному комментарию и формирует смешанную модель. Установлено, что ключевым фактором корреляции выступает не количество изображений, а тип презентационной установки автора – ориентированность либо на фиксацию результата, либо на осмысление опыта, что определяет степень нарративизации визуального ряда.

Типология гибридных структур демонстрирует, что на основе анализа материала выделяются три устойчивые модели гибридной формы жанров «демонстратив-нарратив»: **контекстуализирующий демонстратив-нарратив**, при котором текст предваряет изображение и задаёт сюжетную рамку, тогда как визуальный ряд развивает повествование и интерпретирует результат действия; **комментирующий демонстратив-нарратив**, где изображение выступает первоначальным импульсом, а текст дополняет его смысл, поясняя фрагмент визуального опыта; и **рефлексивный демонстратив-нарратив**, в котором автор осмысляет сам процесс создания визуального материала, формируя метанарратив – «историю появления истории». Эти модели показывают, что гибридизация не размывает жанровые границы, а функционирует как осмысленный механизм мультимодальной презентации. Проведённое исследование подтверждает, что современный сетевой дискурс формирует устойчивую гибридную композицию, возникающую в точке пересечения демонстративной и нарративной стратегий: визуальный компонент обеспечивает фактичность и материализует событие, тогда как нарративный компонент интерпретирует опыт и формирует субъектную перспективу. Таким образом, гибридный формат жанров «демонстратив-нарратив» не является стихийным наложением визуального и вербального кодов; его структура определяется коммуникативной задачей автора – представить объект, субъект или субъект и объект одновременно, чтобы визуал усиливал повествовательность, а текст достраивал смысловой контекст, недоступный изображению. Гибридизация в этом случае выступает механизмом когнитивной и коммуникативной оптимизации, позволяя автору одновременно фиксировать факт, интерпретировать переживание и конструировать образ себя.

Проведённое исследование показало, что сетевой дискурс формирует устойчивую гибридную жанровую структуру, возникающую в зоне пересечения демонстративной и нарративной модальностей презентации и характеризующуюся высокой степенью мультимодальной согласованности. Визуальное предъявление в этих публикациях не существует изолированно, а интегрируется в повествовательный контекст, приобретая интерпретационную, оценочную и прагматическую насыщенность, тогда как нарратив, в свою очередь, опирается на визуальные данные как на доказательственный, фактологический и эмоционально-экспрессивный ресурс. Взаимодействие визуального и вербального компонентов формирует целостное коммуникативное пространство, в рамках которого осуществляется не только передача информации, но и конструирование авторской идентичности, социального статуса и ценностных ориентаций. Установленные модели интеграции, лингвистические маркеры гибридизации и типология демонстративно-нарративных структур подтверждают, что гибридная форма жанров представляет собой не случайную комбинацию разнородных элементов, а стабильный коммуникативный механизм, обеспечивающий когнитивную экономию, усиление перформативности и более точную репрезентацию субъективного опыта в условиях

цифровой коммуникации. Тем самым визуально-нарративная гибридизация выступает системным принципом организации сетевого высказывания, отражающим современные процессы медиатизации повседневности, символизации личного опыта и трансформации форм публичного самовыражения. Гибридная форма жанров «демонстратив-нарратив» в этом контексте может рассматриваться как индикатор глубинных изменений коммуникативного сознания пользователей, ориентированного на синтез фактической демонстрации, рефлексивного осмысления и стратегического самоконструирования в цифровой среде. Полученные результаты открывают перспективы дальнейших исследований в области межплатформенного сопоставления, динамики жанровых трансформаций и педагогического применения анализа мультимодальных текстов в практике гуманитарного образования.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Собрание сочинений: в 7 т. – Москва : Русские словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940–1960 гг. – С. 159–206.
2. Галичкина Е. Н. Виртуальная личность как объект изучения антропологической лингвистики / Е. Н. Галичкина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 2. – С. 28–38. – URL: https://philjournal.ru/vypuski/arkhiv-nomerov/section.php?ELEMENT_ID=2050 (дата обращения: 03.02.2026).
3. Галичкина Е. Н. Лингвосомиотические параметры компьютерной коммуникации / Е. Н. Галичкина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Сер. «Филология». – 2010. – № 3, т. 1. – С. 179–186. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvosemioticheskie-parametry-kompyuternoy-kommunikatsii> (дата обращения: 01.02.2026).
4. Галичкина Е. Н. Типология речевых жанров сетевой компьютерной коммуникации / Е. Н. Галичкина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2 (135). – С. 97–100. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-rechevyh-zhanrov-setevoy-kompyuternoy-kommunikatsii> (дата обращения: 10.02.2026).
5. Грыгышев Д. П. Вектор демонстративности как характеристика композиции сетевого демонстратива / Д. П. Грыгышев // Гуманитарные исследования. – 2022. – № 3. – С. 26–30.
6. Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса / В. И. Карасик // Жанры речи. – 2019. – № 1 (21). – С. 49–55. – doi: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55. – URL: <https://zhanry-rechi.sgu.ru/ru/articles/zhanry-setevogo-diskursa> (дата обращения: 02.02.2026).
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
8. Bruner J. Acts of Meaning / J. Bruner. – Cambridge : Harvard University Press, 1990.
9. Couldry N. Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice / N. Couldry. – Cambridge: Polity Press, 2012.
10. Finnemann N. O. Hypertext configurations: genres in networked digital media / N. O. Finnemann // Journal of the Association for Information Science and Technology. – 2017. – Vol. 68, № 3. – P. 662–680. – doi: 10.1002/asi.23709
11. Page R. Narratives Online: Shared Stories in Social Media / R. Page. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018.

References

1. Bakhtin M. M. The Problem of Speech Genres. *Sobranie sochineni: v semi tomakh = Collected Works: in 7 vols.* Moscow: Russkie slovari; 1996;5:159–206.
2. Galichkina E. N. Virtual Personality as an Object of Study in Anthropological Linguistics. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki = Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics.* 2021;2:28–38. URL: https://philjournal.ru/vypuski/arkhiv-nomerov/section.php?ELEMENT_ID=2050 (accessed: 02.03.2026).

3. Galichkina E. N. Lingvosemiotic Parameters of Computer-Mediated Communication. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. Seriya "Filologiya" = Bulletin of the Leningrad State University Named after A. S. Pushkin. Series "Philology"*. 2010;3(1):179–186. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvosemioticheskie-parametry-kompyuternoy-kommunikatsii> (accessed: 01.02.2026).
4. Galichkina E. N. Typology of Speech Genres in Networked Computer-Mediated Communication. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*. 2019;2(135):97–100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-rechevyh-zhanrov-setevoy-kompyuternoy-kommunikatsii> (accessed: 10.02.2026).
5. Grigrishev D. P. The Vector of Demonstrativeness as a Characteristic of the Composition of Network Demonstratives. *Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian Studies*. 2022;3:26–30.
6. Karasik V. I. Genres of Network Discourse. *Zhany rechii = Speech Genres*. 2019;1(21):49–55. doi: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55. URL: <https://zhany-rechii.sgu.ru/ru/articles/zhany-setevogo-diskursa> (accessed: 02.02.2026).
7. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs = Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena; 2002:477 p.
8. Bruner J. *Acts of Meaning*. Cambridge: Harvard University Press; 1990.
9. Couldry N. *Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice*. Cambridge: Polity Press; 2012.
10. Finnemann N. O. Hypertext configurations: genres in networked digital media. *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2017;68(3):662–680. doi: 10.1002/asi.23709.
11. Page R. *Narratives Online: Shared Stories in Social Media*. Cambridge: Cambridge University Press; 2018.

Информация об авторе

Д. П. Грыгрышев – доцент кафедры восточных языков.

Information about the author

D. P. Grigrishev – Associate Professor of Department of Oriental Languages.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 06.03.2026; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted 12.02.2026; approved after review 06.03.2026; accepted for publication 20.03.2026.

Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 38–46.
Humanitarian Researches. 2026;1(97):38–46.

Научная статья
УДК 81'42
doi 10.54398/1818-4936.2026.97.1.001

**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В АВТОРСКОМ ПРЕДИСЛОВИИ
К НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМУ ИЗДАНИЮ**

Татьяна Валерьевна Духовная

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
tdukhovnaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8328-0532>

Аннотация. Данная работа посвящена изучению авторского предисловия как прагматически значимой паратекстовой составляющей научно-популярного издания. Целью исследования является изучение коммуникативных стратегий, актуализируемых в авторском предисловии к научно-популярному произведению. Объектом исследования выступает предисловие к научно-популярному тексту, предметом исследования – коммуникативные стратегии и тактики. Материалом анализа является предисловие к книге «Rationality: what it is, why it seems scarce, why it matters» учёного и популяризатора науки С. Пинкера. Методы исследования включают коммуникативно-прагматический и дискурсивный анализ. Результаты анализа показали, что в тексте предисловия реализуются стратегия самопрезентации через тактики прямого и косвенного информирования, стратегия диалогизации через тактики установления контакта, интимизации коммуникации и привлечения внимания, стратегия аргументации, комиссивная стратегия, стратегия вежливости через тактику выражения благодарности. Исследование выявило, что в жанре предисловия к научно-популярному тексту автор выстраивает эффективную коммуникацию с читателем, применяя ряд стратегий и тактик для достижения основной прагматической установки – заинтересовать адресата в прочтении всего текста. Диалогичная структура дискурса способствует доступному и кооперативному стилю изложения информации, а посредством стратегий самопрезентации и вежливости формируется положительный и авторитетный образ автора в сознании читателя.

Ключевые слова: предисловие, научно-популярный дискурс, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, стратегия самопрезентации, стратегия диалогизации

Для цитирования: Духовная Т. В. Дискурсивные стратегии и тактики в авторском предисловии к научно-популярному изданию // Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 38–46. <https://doi.org/10.54398/1818-4936.2026.97.1.001>.

Original article

**COMMUNICATIVE STRATEGIES IN AUTHOR'S PREFACE
OF A POPULAR SCIENCE BOOK**

Tatiana V. Dukhovnaya

Kuban State University, Krasnodar, Russia, tdukhovnaya@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8328-0532>

Abstract. The paper discusses an author's preface as a pragmatically significant paratext component of a popular science text. The purpose of the research is to study communicative strategies applied by the author of the preface to a popular science book. The object of research is preface, the subject are communication strategies and tactics. The material of the analysis is the preface to the book "Rationality: what it is, why it seems scary, why it matters" by the scientist and science popularizer, S. Pinker. The research methods include communicative-pragmatic and discursive analysis. The results of the study show that

the author implements self-presentation strategy through direct and indirect informing tactics, dialogization strategy through tactics of establishing a contact, intimatization of communication and attracting attention, argumentation, politeness strategy by the tactic of expressing gratitude, commissive strategy in the preface. The research concludes that the author of a preface to a popular science text effectively communicates with their reader, applying a number of strategies and tactics to achieve the main pragmatic goal – to motivate the addressee to read the whole book. The dialogical structure of the discourse promotes an accessible and cooperative style of presenting information. Politeness strategy contributes into building a positive image of the author in the reader's mind.

Keywords: preface, popular science discourse, communicative strategy, communicative tactics, self-presentation strategy, dialogization strategy

For citations: Dukhovnaya T. V. Communicative Strategies in Author's Preface of a Popular Science Book. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2026;1(97):38–46. <https://doi.org/10.54398/1818-4936.2026.97.1.001> (In Russ.).

Научно-популярный дискурс является производным от научного дискурса, совмещающая в себе научный и публицистический стили изложения информации. Основной целью данного жанра служит популяризация научного знания среди широкой читательской аудитории, которая не обладает профессиональной компетентностью в освещаемой научной области. В роли адресанта может выступать как учёный, производитель научного знания, так и журналист, который такое знание не производит, но распространяет. При производстве научно-популярного дискурса важную роль для автора приобретает коммуникативная компетенция, способствующая продвижению научного знания в доступной форме. В связи с этим научно-популярный стиль характеризуется высокой информативностью, логичностью, точностью и ясностью. Как отмечают исследователи, на первый план в научно-популярном дискурсе наряду с информативной выходит воздействующая, или персуазивная, функция [10]. Персуазивное речевое действие выступает одной из основных коммуникативных стратегий, сущность которой заключается в воздействии на адресата с целью убеждения в чем-либо [7].

Целью данной научной статьи является изучение коммуникативных стратегий и тактик, актуализируемых в авторском предисловии к научно-популярному произведению. Предисловие представляет собой предваряющий какое-либо произведение пояснительный или критический текст, который принадлежит к жанру паратекстового дискурса [6]. Предисловие может быть написано автором, редактором, издателем, экспертом (критиком, учёным). Предисловие к научно-популярному изданию помогает автору установить диалог с читателем, ввести его в тематику проблемного поля, объяснить актуальность, новизну, ценность написанного произведения. Текст предисловия отличается лаконичностью и обычно занимает от одной до нескольких страниц. Таким образом, ограниченный объёмом, автор предисловия стремится раскрыть суть и глубину основного научно-популярного текста. Стиль написания предисловия во многом может предопределить решение адресата относительно прочтения всего произведения.

Структурно-композиционные и функциональные характеристики авторского предисловия являются предметом изучения во многих лингвистических исследованиях. Жанры произведений включают художественную литературу, детскую литературу, научные тексты, энциклопедические издания и т. д. Однако в жанре научно-популярного дискурса анализ предисловий ограничивается небольшим кругом работ, например Т. А. Воронцовой и Д. В. Нургалеевой [4]. Теоретической основой настоящего исследования служат работы, посвящённые выявлению дискурсивных и коммуникативных стратегий в текстовом жанре предисловия А. Ю. Дайнеко [5], О. И. Короленко [6], М. А. Кулинич, М. В. Покалюхиной [8].

Материалом анализа выступает предисловие к книге «Rationality: what it is, why it seems scarce, why it matters» («Рациональность: Что это, почему нам

её не хватает и чем она важна», 2021) Стивена Пинкера, популяризатора науки, выдающегося канадско-американского учёного, специализирующегося в области лингвистики, психологии, когнитивных наук. Автор изучает природу рационального мышления, приводя доказательства его критической важности для достижения прогресса. Методы исследования включают коммуникативно-прагматический и дискурсивный анализ.

Л. Г. Викулова подчёркивает, что способность и подготовленность реципиента взаимодействовать с адресантом посредством текста выступают ключевыми факторами успешного функционирования книги в общественном пространстве [3]. Как отмечает А. Ю. Дайнеко, будучи периферийным текстом с коммуникативно-прагматической ориентацией к информированию о содержании основного текста, предисловие демонстрирует открытую адресованность читателю. Исследователь указывает на важность выбора автором эффективных коммуникативных стратегий и тактик для установления связи с читателем в дистантных условиях [5]. Под коммуникативной стратегией мы понимаем совокупность речевых действий, которые направлены на достижение цели коммуникации. В роли коммуникативной тактики выступает конкретное речевое действие или приём, способствующий реализации коммуникативной стратегии.

Коммуникативная стратегия самопрезентации выступает одним из основных инструментов формирования у читателя мнения об авторе. Согласно О. И. Короленко, в текстах предисловий автор сигнализирует о своём присутствии в эксплицитной манере [6]. Реализация данной стратегии может быть достигнута через применение различных тактик.

В предисловии к книге «Rationality: what it is, why it seems scarce, why it matters» С. Пинкер представляет себя читателю, заявляя о своём профессиональном статусе когнитивного психолога посредством тактики прямого информирования: «*Yet as a cognitive scientist I cannot accept the cynical view that human brain is a basket of delusions*» (источник примера здесь и далее – [13]) («Но я, как когнитивный психолог, не могу согласиться с циничным утверждением, будто человеческий разум – просто ящик с бредовыми идеями») (источник перевода здесь и далее – [9]). Также автор указывает на свою профессию косвенно через сравнение, идентифицируя себя с определённой профессиональной группой – психологами: «*Like many psychologists, I love to teach the arresting, Nobel Prize-winning discoveries*» («Как и многие другие психологи, я обожаю рассказывать студентам об удивительных Нобелевских премиях поразительных открытиях»). Благодаря тактике косвенного указания на свою профессиональную деятельность, С. Пинкер сообщает читателю о том, что является профессором Гарвардского университета: «*This book grew out a course that I taught at Harvard*» («Эта книга выросла из курса лекций, которые я читаю в Гарварде»), «*My standard lecture bullet points like “the gambler’s fallacy” and “base-rate neglect” offered little insight into new territories*» («Ключевые тезисы моих лекций вроде “ошибка игрока” и “пренебрежение базовой оценкой” не позволяют разгадать те самые загадки»). С помощью реализации данных тактик автор предисловия конструирует свой образ как авторитетного эксперта, обладающего высоким уровнем компетентности. Примечательно, что авторская манера повествования оказывается непринуждённой, что позволяет не возвышать адресанта над адресатом, но в то же время заручиться доверием последнего.

Согласно утверждению И. А. Бондарчук, научно-популярный дискурс принадлежит к институциональному, или статусно-ориентированному, типу общения, которое предполагает взаимодействие между индивидами не как отдельными личностями, а как представителями определённых институтов или социальных групп. В связи с этим социальный статус автора научно-популярного дискурса, его принадлежность к конкретному общественному

институту играет ключевую роль в коммуникации с читателем [2]. Таким образом, С. Пинкер в предисловии к своей книге выступает перед читателем не как личность во всём богатстве своего внутреннего мира, а как член социальной группы и института.

Сущность стратегии диалогизации заключается в том, что адресант научно-популярного текста выстраивает монологичную речь таким образом, что она приобретает черты диалога. Это происходит с целью вовлечения адресата в процесс коммуникации. В общении между автором и читателем предисловия, по мнению И. В. Черниговой, среди тактик, выстраивающих стратегию диалогизации, применяются тактики установления контакта, интимизации коммуникации и привлечения внимания [12].

С. Пинкер устанавливает контакт с читателем через обращение к нему с прямым вопросом, включающим местоимение «you» («ты»). В следующем примере мы можем видеть, как, используя «ты»-обращение, автор вовлекает читателя во взаимодействие и создаёт эффект беседы в своём тексте: *«If you disagree, are your objections rational?»* («Если вы не согласны, рациональны ли ваши возражения?»). Необходимо отметить, что задействуя тактику установления контакта, адресант делает акцент на важной роли читателя в коммуникативном процессе.

Существенную роль в выстраивании диалогичности в предисловии книги играют «мы»-формы («our», «we»), задействованные в тактике интимизации. Например, *«our species has the intellectual wherewithal to find them»* («у нашего биологического вида достаточно для этого смекалки»), *«A list of the ways in which we're stupid can't explain why we're so smart»* («Список свойственных нам типов глупостей не может объяснить, почему мы так умны»), *«But the world to which our minds are adapted is not just the Pleistocene savannah»* («Однако наш разум приспособлен не к одной только саванне плейстоценовой эпохи»). Объединения себя и других автор также достигает через конструкцию со сравнительным словом «like»: *«And like many I believe that the benchmarks of rationality that people so often fail to measure up to should be a goal of education and popular science»* («Как и многие, я верю, что соответствие стандартам рациональности, до которых люди так часто не дотягивают, должно быть задачей системы образования и популяризаторов науки»). Создание «мы»-группы, по мнению И. Ю. Рябовой, является психолингвистическим приёмом, который обладает иллюкутивной силой и высоким прагматическим потенциалом [11].

Помимо «мы»-форм тактика интимизации также предполагает включение в повествование и «я»-высказываний, например: *«Those enigmas drew me into new territories»* («Поиск ответов привёл меня к новым темам»), *«To be sure, I am among the first to insist that we can understand human nature only by considering»* («Конечно, я сам один из первых буду настаивать, что понять природу человека можно, лишь принимая во внимание»). За счёт введения личных местоимений первого лица С. Пинкер сокращает дистанцию между собой и аудиторией, интимизируя пространство. Общение при этом приобретает доверительный характер и перестаёт быть простым обменом информацией.

Следуя тактике привлечения внимания, автор использует риторические приёмы, например *«How can we make sense of making sense – and its opposite?»* («Как нам постичь постижение истины – и его противоположность?»). В рамках данной стратегии диалогичности тексту добавляют и личные комментарии автора, вставленные в скобках и адресованные читателю, например: *«Some people pursue the opposite paradox, citing reasons (presumably rational ones, or why would we listen?) that rationality is overrated»* («Вокруг достаточно людей, взявших на вооружение противоположный парадоксальный подход, – они приводят аргументы (предположительно

рациональные, а иначе зачем нам их выслушивать?) за то, что рациональность переоценена»).

Как замечают М. А. Кулинич и М. В. Покалюхина, авторы научно-популярных произведений в первую очередь стремятся доступно изложить сложный материал, убедив адресата в том, что находятся с ним на одном интеллектуальном уровне и погружены с ним в одинаковый социальный контекст. При этом диалогичность основана на описании знакомых реалий, ситуаций, переживаний или впечатлений, которые будут сближать адресанта и читателя [8]. Примеры, иллюстрирующие такого рода диалогичность, мы находим в предисловии книги С. Пинкера, где он описывает текущую обстановку и характеризует общественное пространство: «*the public sphere is infested with fake news, quack cures, conspiracy theories, and “post-truth” rhetoric*» («общественное пространство кишит фальшивыми новостями, медицинским шарлатанством, теориями заговора и риторикой “пост-правды”»), «*in the third decade of the third millennium we face deadly threats to our health, our democracy, and the livability of our planet*» («в третьем десятилетии третьего тысячелетия человечество столкнулось со смертельными угрозами своему здоровью, демократии и самому существованию нашей планеты»).

Анализируя реализацию стратегии диалогичности в рассматриваемом предисловии, мы замечаем, что автор-популяризатор выстраивает горизонтальную модель коммуникации с читателем, вовлекая его в активное участие в обсуждении проблемы и поиске ответов. Рассмотренные примеры тактик реализации стратегии диалогичности указывают на сочетание в научно-популярном стиле признаков других стилей – публицистического, художественного, рекламного. По мнению Т. А. Воронцовой и Д. В. Нургалеевой, авторскому предисловию к научно-популярному тексту, которое ориентировано на горизонтальную модель взаимодействия с адресатом, присущи персонализация, интимизация, а также рекламность изложения [4].

Обосновывая причины написания книги, С. Пинкер выстраивает стратегию аргументации. Во-первых, автор указывает на личные мотивы, которые побудили его к написанию этого научно-популярного труда: «*The other inspiration for this book was my realization that for all its fascination, the cognitive psychology curriculum left me ill equipped to answer the questions I was mostly frequently asked when I told people I was teaching a course of rationality*» («Взяться за такой труд заставило меня осознание ещё одной вещи: при всей своей увлекательности учебная программа предмета “когнитивная психология” не помогает мне отвечать на вопросы, которые я чаще всего слышу от людей, которые они задают, когда узнают, что я читаю курс лекций о рациональности»).

Во-вторых, учёный приводит аксиологическую аргументацию, чтобы убедить читателя в ценности своего произведения: «*Many act as if rationality is obsolete – as if the point of argumentation is to discredit one’s adversaries rather than collectively reason our way to the most defensive beliefs. In an era in which rationality seems both more threatened and more essential than ever, Rationality is, above all, an affirmation of rationality*» («Многие ведут себя так, будто рациональность устарела, будто смысл любой дискуссии – дискредитировать противника, а не прийти в процессе совместного рассуждения к максимально обоснованным выводам. В эпоху, когда рациональность кажется более важной, чем когда-либо прежде, и одновременно находящейся под самой серьёзной угрозой, “Рациональность” – в первую очередь прославление самой рациональности»).

Как пишет О. И. Короленко, аргументация является диалогом, в котором адресант применяет не только тактику убеждения, но и размышления [6]. В следующем примере С. Пинкер через приведение примеров практической

значимости инструментов рациональности стимулирует адресата осмыслить их необходимое присутствие в нашей жизни: «*These tools of reasoning are indispensable in avoiding folly in our personal lives and public policies. They help us to calibrate risky choices, evaluate dubious claims, understand baffling paradoxes, and gain insight into life's vicissitudes and tragedies*» («Если мы не хотим наломать дров в частной жизни и государственном управлении, без этих инструментов нам не обойтись. Они помогают взвешивать риски, оценивать спорные суждения, не путаться в парадоксах и осознавать причины жизненных трагедий и невзгод»). Допуская, что кому-то из читателей идея приведения рациональной аргументации в пользу самой рациональности покажется парадоксальной, автор подчёркивает остроту и своевременность обсуждения данной темы: «*Finally, though it may seem paradoxical to lay out rational arguments for rationality itself, it's a timely assignment*» («Хотя кому-то покажется парадоксальным приводить рациональные аргументы в пользу самой рациональности, нам пора бы этим заняться»).

Обозначая новизну и уникальность своей книги, автор опирается на личный опыт и использует «я»-выражение: «*But I knew of no book that tried to explain them all*» («Но я не слышал, чтобы кто-нибудь написал книгу, где рассказывалось бы обо всех этих инструментах сразу»). Рассмотренный вне контекста предисловия данный аргумент, может показаться неубедительным и даже наивным. Однако успешно выстроив стратегию самопрезентации как авторитетного учёного и приводя серьёзные доводы к обсуждению проблемы рациональности в современном контексте, читатель может быть уверен в том, что автор провёл тщательный поиск литературы по теме и, убедившись в отсутствии подобной работы, может заявить о том, что не знает о таких трудах.

Выявленные тактики, реализуемые в рамках выстраивания стратегии аргументации, демонстрируют апеллирование автора к научным ценностям, основу которых составляют поиск истины, постижение явлений и объектов действительности, приумножение знания, объективное доказательство фактов, ясность мышления и т. д. Однако сделанное наблюдение скорее свидетельствует не об индивидуальном стиле изложения, а о типичной характеристике рассматриваемого вида дискурса. Анализируя научно-популярный дискурс как подтип научного, исследователь А. Ю. Багиян приходит к выводу о том, что ценностные характеристики научно-популярного дискурса тождественны научному [1].

Характерная для рекламного и политического дискурса комиссивная стратегия реализуется в научно-популярном тексте предисловия через промиссив (обещание). В следующем предложении С. Пинкер уверяет читателя в том, что далее в работе будут продемонстрированы бытовые примеры применения рационального мышления: «*As we shall see, when people are given problems that are closer to their lived reality and framed in the ways in which they naturally encounter the world, they are not that witless as they appear*» («Как мы увидим далее, когда перед нами ставят задачи, имеющие более прямое отношение к нашей повседневной реальности, причём подают их в том виде, в каком они предстают перед нами в жизни, выясняется, что мы не настолько безмозглы, как кажется»). Модальный глагол «shall», который используется в современном английском языке в официальном стиле, выражает обещание с оттенком долженствования, взятия обязательства по совершению действия. Прибегая к использованию данной тактики, автор стремится к достижению главной цели текста предисловия – мотивированию читателя к дальнейшему прочтению произведения. О. И. Короленко усматривает черты маркетингового дискурса в предисловии, сближая его с продвигающим текстом, который служит для эффективного воздействия на аудиторию.

Предисловие как паратекст, по мнению исследователя, служит для автора периферийным путём убеждения [6].

Стратегия вежливости в дискурсе предисловия реализуется с помощью тактики выражения благодарности. Автор выражает признательность кругу лиц, оказавших помощь и поддержку в создании произведения. С. Пинкер благодарит мыслителей, профессионалов, студентов и преподавателей, редактора, коррективовщика, литературного агента, сотрудников издательства, иллюстратора, членов своей семьи. Наряду с упоминанием всех причастных к написанию книги персон, уточняется, за что именно их благодарит автор: *«reviewed chapters in their areas of expertise»* («просмотрели главы, относящиеся к сферам их профессиональной компетенции»), *«I counted on the expert transcription, fact-checking, and reference hunting by...»* («в том, что касается расшифровки записей, проверки фактов и поиска ссылок, я полностью положился на...»), *«many questions were answered by»* («передо мной вставали вопросы, на которые ответили»), *«appreciated were the questions and suggestions from the students and the teaching staff»* («я признателен за вопросы и предложения студентам и преподавательскому составу»), *«I appreciate as well the support over many years»* («я признателен за многолетнее сотрудничество»), *«for his encouragement and advice»* («за моральную поддержку и советы»), *«played a special role in the conception of this book»* («сыграла особую роль в зарождении замысла этой книги»). Очевидно, что благодарность в данном случае выступает не просто формальной, этикетной формулой вежливости, а коммуникативным актом признания индивидуального вклада каждого, без которого данный труд бы не состоялся. Тактика благодарности здесь используется как эффективный инструмент, закрепляющий социальные связи через признание ценности других людей. Таким образом, читатель может воспринимать автора как воспитанного, добросовестного и внимательного человека.

Проведённое исследование показало, что в жанре предисловия к научно-популярному тексту автор выстраивает эффективную коммуникацию с читателем, применяя ряд стратегий и тактик для достижения основной прагматической установки – заинтересовать адресата в прочтении всего текста. При успешной самопрезентации, на наш взгляд, автор способен расположить к себе читателя и убедить в силе аргументации актуальности и новизны произведения. Диалогичная структура дискурса способствует доступному и кооперативному стилю изложения информации. Стратегия вежливости формирует образ автора в сознании реципиента как человека, наделённого положительными качествами, что позволяет расположить к нему аудиторию.

Список источников

1. Багиян А. Ю. Сущностные свойства и основные характеристики научно-популярного дискурса / А. Ю. Багиян // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 3. – С. 81–86.
2. Бондарчук И. А. Основные подходы к типологии дискурса / И. А. Бондарчук // Филология. – 2017. – № 5 (11). – С. 8–13.
3. Викулова Л. Г. Издательский дискурс в системе общения «автор – издатель – читатель» / Л. Г. Викулова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 2 (18). – С. 63–69.
4. Воронцова Т. А. Тактика опровержения когнитивного стереотипа о жанре и стиле научно-популярного текста в авторских предисловиях / Т. А. Воронцова, Д. В. Нургалева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2025. – № 6 (500). – С. 70–77.
5. Дайнеко А. Ю. Диалогические стратегии в дискурсивном жанре «Предисловие» / А. Ю. Дайнеко // Вестник Московского городского педагогического университета.

Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2020. – № 3 (39). – С. 141–146.

6. Короленко О. И. Авторское предисловие как продвигающий текст / О. И. Короленко // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. – 2022. – № 1. – С. 141–155.

7. Кузьминых Ж. О. Научно-популярный дискурс как коммуникативный феномен: сущность и основные характеристики / Ж. О. Кузьминых, Н. В. Красильникова // *Universum: филология и искусствоведение*. – 2022. – № 7 (97). – С. 12–14.

8. Кулинич М. А. О диалогичности паратекстовых элементов «Введение/заключение» в англоязычной научно-популярной литературе / М. А. Кулинич, М. В. Покалюхина // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. – 2013. – № 15. (2-3). – С. 766–770.

9. Пинкер С. Рациональность: Что это, почему нам ее не хватает и чем она важна : пер. с англ. / С. Пинкер. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2023. – 386 с.

10. Пономарева Е. Ю. Дискурсивные стратегии и тактики убеждения в научно-популярном дискурсе по изменению климата / Е. Ю. Пономарева // *Вестник Томского государственного университета*. – 2024. – № 506. – С. 33–43.

11. Рябова И. Ю. Персуазивные стратегии, тактики и приемы речевого воздействия судьи в художественно-правовом дискурсе (на материале англоязычного романа И. Макьюэна «Закон о детях») / И. Ю. Рябова // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Лингвистика»*. – 2021. – Т. 18, № 4. – С. 25–33.

12. Чернигова И. В. Коммуникативный потенциал паратекста французских художественных произведений XVI–XVII веков: на материале авторских и издательских предисловий / И. В. Чернигова. – Иркутск, 2006. – 20 с.

13. Pinker S. *Rationality: what it is, why it seems scarce, why it matters* / S. Pinker. – New York : Viking, 2021. – 412 с.

References

1. Bagiyani A. Yu. Essential properties and main characteristics of popular science discourse. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*. 2014;3:81–86.

2. Bondarchuk I. A. Basic approaches to the typology of discourse. *Filologiya = Philology*. 2017;5(11):8–13.

3. Vikulova L. G. The publishing discourse in communication system “author – publisher – reader”. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*. 2012;2:(18):63–69.

4. Vorontsova T. A., Nurgaleeva D. V. Authors' prefaces in linguistic popular science texts: the addresser's factor. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;6:(500):52–58.

5. Dayneko A. Yu. The dialogical strategies in discourse genre «preface». *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie = Moscow State University Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2020;3:(39):141–146.

6. Korolenko O. I. Author's preface as a promotional text. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk = Crede Experto: Transport, Society, Education, Language*. 2022;1:141–155.

7. Kuzminykh Zh. O., Krasilnikova, N. V. Popular science discourse as a communicative phenomenon: essence and main characteristics. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie = Universum: Philology and art History*. 2022;7(97):12–14.

8. Kulinich M. A., Pokalukhina M. V. On the dialogical characteristics of paratextual elements “introduction / conclusion” in popular scientific style. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk = Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2013;15(2–3):766–770.

9. Ponomareva E. Yu. Discourse strategies and tactics of persuasion in popular scientific discourse on climate change. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2024;506:33–43.

10. Pinker S. *Rationality: what it is, why it seems scarce, why it matters*. Moscow: Alpina non-fiction; 2023:386 p.

11. Ryabova I. Y. Persuasive Strategies, Tactics and Techniques of Linguistic Manipulation of Judge in a Literary-legal Discourse (Based on the English Novel “The Children Act” by I. McEwan). *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*.

seriya "Lingvistika" = *Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics"*. 2021;18(4):25–33.

12. Chernigova I. V. *Kommunikativnyy potentsial parateksta francuzskikh khudozhestvennykh proizvedeniy XVI–XVII vekov: na materiale avtorskikh i izdatelskikh predisloviy* = *The Communicative Potential of the Paratext of French Works of the 16th–17th Centuries: On the Material of the Author's and Publisher's Prefaces*. Irkutsk; 2006:22 p.

13. Pinker S. *Rationality: what it is, why it seems scarce, why it matters*. New York: Viking; 2021:412 p.

Информация об авторе

Т. В. Духовная – кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и новых информационных технологий.

Information about the author

T. V. Dukhovnaya – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Applied Linguistics and New Information Technology

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 16.03.2026; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted 16.02.2026; approved after review 16.03.2026; accepted for publication 20.03.2026.

Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 47–54.
Humanitarian Researches. 2026;1(97):47–54.

Научная статья
УДК 81373.43

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
НЕОНОМИНАЦИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Елена Юрьевна Камкова
Волгоградский государственный медицинский университет, Волгоград,
Россия, archebasova1995@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0005-3253-7093>

Аннотация. В статье анализируется функционально-тематическая специфика неониминаций современного русского языка. Значимость исследования определяется интенсивными процессами, связанными с активным пополнением лексического состава языка под влиянием многообразных социокультурных изменений, глобализации и цифровизации. Новые лексические единицы фиксируют изменения во всех сферах современного российского общества, что обуславливает актуальность исследования их тематической дифференциации в комплексе с выполняемыми функциями. Соответственно авторское внимание сосредоточено на функционально-тематическом анализе новой лексики. Основными методами исследования послужили контент-анализ новой лексики и метод систематизации лексических единиц по тематическому принципу. Источниковую базу составил медиаконтент российских СМИ первой четверти XXI в. Полученные результаты свидетельствуют о неологической активности в пределах всех тематических групп, относящихся к основным сферам российского общества: политической, экономической, технологической, социальной и духовной. Рассмотренные тематические группы неониминаций подтверждают доминирующую роль экстралингвистических факторов в формировании новой лексики русского языка указанного периода. Анализ языкового материала российских СМИ демонстрирует тенденцию к распространению узкопрофессиональной терминологии за пределами специализированных сфер, а также её интеграции в составе общеупотребительной лексики. Наряду с этим наблюдается активное использование англицизмов и формирование гибридных лексических единиц. Доказывается, что указанные процессы выступают языковым отражением тенденций цифровизации общества и глобализации коммуникативного пространства. Последовательно проводится мысль о том, что неониминации участвуют в формировании языкового выражения культурно-маркированных концептов и служат инструментом передачи социально-оценочных и эмоциональных реакций общества на глобальные изменения в различных областях общественной жизни. Тематическая систематизация новой лексики позволяет детально проанализировать экстралингвистические детерминанты развития современного русского языка и оценить его способность адаптироваться к непрерывно меняющимся социальным условиям.

Ключевые слова: новое слово, неониминация, заимствование, тематическая группа слов, номинативная лексика, культурно-маркированная лексика, оценочная и экспрессивная лексика, функционирование

Для цитирования: Камкова Е. Ю. Функционально-тематическая специфика неониминаций русского языка // Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 47–54.

Original article

**FUNCTIONAL AND THEMATIC SPECIFICITY
OF THE NEW VOCABULARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE**

Elena Yu. Kamkova

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia, archeba-
sova1995@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-3253-7093>

Abstract. The article analyzes the functional-thematic specifics of the neonominations of the modern Russian language. The significance of the study is determined by the intensive linguistic processes associated with the active replenishment of the lexical composition of the language under the influence of diverse sociocultural changes, globalization and digitalization. New lexical units record changes in all spheres of modern Russian society, which determines the relevance of the study of their thematic differentiation in combination with the functions performed. Accordingly, the author's attention is focused on the functional-thematic analysis of new vocabulary. The main research methods were content analysis of new vocabulary and a method for systematizing lexical units according to the thematic principle. The source base was the media content of the Russian media in the first quarter of the 21st century. The results obtained indicate neological activity within all thematic groups belonging to the main spheres of Russian society: political, economic, technological, social and spiritual. The considered thematic groups of neonominations indicate the dominant role of extralinguistic factors in the formation of a new vocabulary of the Russian language of the specified period. Analysis of the language material of the Russian media demonstrates a tendency towards the spread of narrow professional terminology outside specialized areas, as well as to its integration as part of common vocabulary. Along with this, there is an active growth of anglicisms and the formation of hybrid lexical units. It is proved that these processes are a linguistic reflection of the trends in the digitalization of society and the globalization of the communicative space. It is consistently thought that neonominations participate in the formation of the linguistic expression of culturally marked concepts and serve as a tool for transmitting the socio-evaluative and emotional reactions of society to global changes in various areas of public life. The thematic systematization of new vocabulary allows us to analyze in detail the extralinguistic determinants of the development of the modern Russian language and assess its ability to adapt to continuously changing social conditions.

Keywords: new word, neomination, borrowing, thematic group of words, nominative vocabulary, cultural-marked vocabulary, evaluative and expressive vocabulary, functioning

For citation: Kamkova E. Yu. Functional and thematic specificity of the new vocabulary of the Russian language. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2026;1(97):47–54 (In Russ.).

Современный русский язык находится в состоянии непрерывного динамического развития, что проявляется прежде всего в обновлении лексики. В неологическом пространстве языка, характеризующемся «наличием ряда доминантных зон, сформированных под воздействием интра- и экстралингвистических факторов» [5, с. 78], представлена вся совокупность новых лексических единиц, а также обновлённых значений уже существующих слов и адаптированных иностранных заимствований. Проблема неологизации языковых ресурсов традиционно находится в фокусе научных интересов лингвистов, а существующие научные подходы к её изучению демонстрируют многообразие взглядов. О. А. Бурсина, Е. В. Маринова и другие российские неологи считают, что экстралингвистические предпосылки имеют приоритетную роль в появлении новых слов [1, с. 65; 10, с. 196; 8 и др.]. Некоторые исследователи зафиксировали релевантные факторы возникновения неоминаций в экономической, финансово-коммерческой и технологической сферах общественной жизни [12, с. 255; 4, с. 29 и др.]. Е. В. Маринова проанализировала взаимосвязанное влияние технологической «цифролюции» на все общественные сферы [10, с. 202], Г. М. Васильева – на национально-культурную специфику новых русских слов [2]. В целом исследователи

сходятся во мнении, что неониминации являются отражением новых явлений действительности во всех сферах российского общества и требуют изучения в составе соответствующих тематических групп.

В рамках данной статьи считаем целесообразным сосредоточить внимание на систематизации неониминаций по ведущим сферам современного российского общества, в которых происходит наиболее интенсивная генерация новой лексики с целью «адекватного отображения, воспроизведения и закрепления новых идей и понятий» [5, с. 78]. Значительную роль в закреплении новых слов в лексическом составе русского языка играют современные средства массовой информации, выступающие катализатором языковых изменений. В связи с этим источниковую базу составил медиаконтент российских СМИ первой четверти XXI в. Контент-анализ российских медиа проводят многие исследователи. Например, Л. И. Плотникова выделила их функции в текстах газетных публикаций, относящихся к разным общественным сферам [11]. Л. В. Рацибурская применила многоаспектный подход к интерпретации медийных текстов [13]. В научной литературе представлены различные варианты группировки новой лексики. Так, Е. В. Грудева и Д. О. Горющенко распределили появившиеся в первой четверти XXI века неологизмы по таким тематическим группам, как общественно-политическая; экономическая, бизнес, реклама; информационные технологии, социальные сети; профессиональная лексика; наука и техника; культура, искусство, развлечения и др. [3, с. 39]. С. А. Тихонова, Т. Ю. Данильченко сконцентрировали внимание на сферах косметологии и индустрии красоты, развлечений и гастрономии [16]. Не отрицая ценности новых подходов к изучению и классификации неониминаций, в рамках данного исследования мы отдаём предпочтение классической модели категоризации как наиболее универсальной и апробированной на практике. Она предполагает дифференциацию новых лексических единиц по основным сферам жизни общества: политической, экономической, технологической, социальной и духовной.

В рамках каждой тематической группы нами выделены приоритетные подгруппы, для которых характерно активное формирование и распространение новых номинативных единиц:

- политическая сфера: политическая коммуникация, электронное правительство;
- экономическая сфера: финансовые рынки, цифровая экономика;
- технологическая сфера: техника, информационные технологии, нанотехнологии;
- социальная сфера: социальная защита, социальные сети;
- духовная сфера: религия, культура.

Тематическую дифференциацию новой лексики целесообразно рассматривать в комплексе со сквозными для всех групп функциями. Это обусловлено тем, что любая неониминация одновременно выполняет несколько задач: не только обозначает новый объект или явление, но и несёт культурную информацию, выражает оценку и эмоциональную окраску. Ключевыми функциями, актуальными для неониминаций любой тематической группы, выступают: номинативная, культурно-маркированная, оценочная и экспрессивная. Ведущую роль номинативной функции в идентификации новых реалий подчёркивает большинство исследователей. Например, Н. З. Котелова при анализе новых слов отмечала, что номинативная функция выступает преобладающей, а её реализация чаще всего связана с терминологическим способом словообразования, то есть с точной фиксацией новых понятий в специализированных сферах [7, с. 26]. Многие исследователи отмечают важную роль экспрессивно-оценочной функции в процессе культурной маркировки новой лексики. При этом фиксируется устойчивая тенденция к упрощению и огрублению литературного языка, проявляющаяся в активизации эмоционально

окрашенных единиц. В этом контексте В. Г. Костомаров подчёркивал, что экспрессивная передача информации в СМИ связана с вопросами обращения с языком, в частности с изменениями «языкового знака» и через него национальной традиционной ментальности» [6, с. 9]. Г. М. Васильева уделила особое внимание национально-культурной специфике неологизмов, рассмотрев её связь с культурой, мировоззрением и менталитетом [2]. А. Д. Макеева определила ключевую роль культурно-маркированной лексики «для изучения взаимосвязи языка и культуры» [9, с. 902]. Сопряжённость экспрессивных и оценочных функций неологизмов наряду со спецификой их функционирования в текстах СМИ относится к дискуссионным научным темам. В. А. Торопкина отмечает их тесную взаимосвязь, говоря о том, что оценочность и экспрессивность, являясь самостоятельными языковыми категориями, при этом тесно взаимосвязаны [17, с. 370]. Е. О. Попова фиксирует низкую стилистическую и высокоэмоциональную окраску текстов экономической тематики в СМИ [12]. Л. Н. Ребрина дополняет картину наблюдениями над интернет-коммуникацией, в частности, она установила, что «изобретательную реакцию интернет-пользователей преимущественно вызывают неодобряемые объекты действительности с разнообразными отвергаемыми социально значимыми признаками» [14, с. 6]. В целом тематическую дифференциацию новой лексики целесообразно рассматривать в комплексе со сквозными для всех групп функциями. Это обусловлено тем, что любая неологизация одновременно выполняет несколько задач: не только обозначает новый объект или явление, но и несёт определенную культурную информацию, выражает оценку и эмоциональную окраску. Каждая из функционально-тематических групп новой лексики отражает приоритетные для общества реалии и процессы, позволяет исследовать тренды современной социолингвистической динамики. Рассмотрим их более подробно.

Лексика **политической сферы** – одна из самых динамично развивающихся областей неологического пространства языка, она отражает актуальные геополитические процессы, трансформацию публичной политики, цифровизацию госуправления и др. Политические неологизмы преимущественно образованы путём сложения: *медиаполитика, кибердипломатия, мем-политика*; представлены метафорическими сочетаниями: *лимузинная дипломатия, цифровой суверенитет*; ключевыми для текущего периода аббревиатурами и отаббревиатурными образованиями: *СВО, СВО-контент, СВО-волонтерство*; заимствованиями англоязычных терминов: *инфлюэнсер-лоббизм, фейк-ньюс* и др.

Тексты современных СМИ наглядно демонстрируют активное внедрение неологизмов политической сферы в медийный дискурс: «*Очередная поездка В. Путина с зарубежным коллегой на Airbus стала ещё одним проявлением “лимузинной дипломатии” российского лидера*» (РБК, 2025, 1 сентября); «*Сможет ли **нацмессенджер** от VK повторить успех китайского WeChat*» (Известия, 2025, 4 апреля); «*России нужна новая медиаполитика*» (Русская весна, 2020, 11 апреля).

К особенностям новой лексики **экономической сферы** в приоритетных областях финансовых рынков и цифровой экономики можно отнести несколько ключевых тенденций: преобладание номинативных англоязычных заимствований: *краудфандинг, скам, донат, бро-олигарх*; образование на основе общеупотребительной культурно-маркированной лексики составных терминов: *цифровой рубль, цифровое кочевничество*; гибридных понятий: *ИИ-консультант, смарт-контракт* и др.

Обратимся к примерам из текстов российских медиа: «*Что ждет бухгалтеров в эпоху **цифрового рубля** и **смарт-контрактов***» (РБК, 2025, 19 мая); «*За последние несколько лет сформировался термин «**бро-олигарх**», под которым подразумеваются бизнесмены, инвесторы*

и владельцы компаний высокотехнологичного сегмента» (Дзен, 2025, 18 января); «Подходит ли вам **цифровое кочевничество**: работа без границ» (РБК, 2025, 18 марта).

Современная лексика **технологической сферы** относится преимущественно к областям информационных и нанотехнологий. Она характеризуется преобладанием в своём составе англицизмов: *блокчейн, краудфандинг*; активным использованием аббревиатур и отаббревиатурных производных: *ИТ, ИИ, VR-технологии*; образованием сложных слов: *кибербезопасность, биохакинг*; а также функционированием гибридных терминов: *телемедицина, нанокompозит, саморазмножающийся ИИ* и др. Значительная часть технологических терминов выходит за пределы профессионального употребления, становится частью общеупотребительной лексики: *нанофорум, баг*; может приобретать негативные оценочные и экспрессивные значения: *брейнрот, кибермошенник, цифровая деменция*.

Приведём примеры использования приведенных неологизмов в современных масс-медиа: «**Саморазмножающийся ИИ – это нанопроизводство ИИ с минимальным взаимодействием с человеком**» (РБК, 2025, 16 июля); «По мнению экспертов, **VR-технологии** дают множество возможностей для борьбы с нейродегенеративными болезнями» (Известия, 2023, 5 января); «Компьютерные атаки и шпионаж, **киберпреступления, кибермошенники и киберзащита**, взломы банков, попытки внедрить вредоносное программное обеспечение, использование хакерами **фишинговых рассылок** и социальной инженерии» (Коммерсант, 2025, 26 сентября); «Мем происходит от выражения “**брейнрот**” (от англ. *brainrot*, буквально: заставляющий мозг гнить), означающего интернет-контент низкого качества» (Московские новости, 2025, 18 апреля).

Социальная сфера также демонстрирует значительное обогащение лексического состава. Новые слова этой категории отражают как глобальные языковые тренды, так и специфику российской социокультурной среды. Заимствование неодобряемых оценочных и экспрессивных значений часто несет в себе ироничную окраску, фиксируя новые формы поведения и взаимодействия в цифровой среде. Среди них можно выделить: *гостинг, лайфлоггинг, пруф, кэнселлинг, шейминг, фэйспалм* и др. Вместе с тем данная тематическая группа содержит варианты российской культурно-маркированной лексики в ироничных оценочных и экспрессивных значениях: *каморкинг, индекс холостяка, соцпакет-лайт, соцсеть-сосед, цифровой детокс* и др.

Приведём примеры использования неологизмов социальной направленности в российских СМИ: «Полный разрыв отношений. Учёные объяснили опасность **гостинга**» (РИА Новости, 2023, 9 июня); «**Лайфблогеры** фиксируют на камеру всё, что с ними происходит» (Правда, 2013, 02 января); «**Пруф** – это подтверждение, факт, аргумент» (Дзен, 2021, 26 октября); «Рассчитан майский “**индекс холостяка**”» (Лента.Ру, 2017, 18 мая); «**Каморкинг**: в Сети обсудили “капсульные апартаменты” в Москве» (РИАМО, 2024, 28 декабря).

Современная лексика **духовной сферы** представлена преимущественно в областях «религия» и «культура». Наряду с новыми словами других сфер она богата номинативными англоязычными заимствованиями, такими как: *инфлюенс-арт, NFT-арт, NFT-художник, рилс-мейкер*; гибридными понятиями: *цифровой храм, подкаст-проповедник, онлайн-богослужение, экобогословие, киберкультура, нейроарт, метавселенная-арт* и др. Данная тематическая группа также включает в себя неологизмы с ироничной, оценочной и экспрессивной семантикой: *православный лайфхак, выставочный шум, фотожаба* и др.

Медиатексты позволяют проследить закономерности адаптации новых слов в духовной сфере: «В эпоху пандемии многие верующие познакомились с **«цифровым храмом»**: онлайн-трансляции богослужений стали нормой для десятков тысяч прихожан» (Российская газета, 2022, 8 апреля); «Главная функция **NFT-художника** – это направление и отбор» (РБК, 2025, 11 ноября); «Не только в России умельцы балуются с фотографиями, но и в других странах, однако слово **фотожаба** есть только у нас» (Дзен, 2023, 20 октября).

Таким образом, выделенные нами тематические группы новой лексики, соответствующие основным сферам жизни современного российского общества, демонстрируют приоритетное значение экстралингвистической детерминированности появления новых слов русского языка в первой четверти XXI в. Анализ многообразного языкового материала российских СМИ демонстрирует устойчивую тенденцию к выходу профессиональной терминологии за пределы узкоспециальной сферы употребления. Данное явление наглядно отражает процессы цифровизации общества и глобализации коммуникативного пространства. Функциональная роль новой лексики служит средством языкового оформления культурно-маркированных понятий и позволяет передать оценочное и эмоциональное отношение россиян к глобальным изменениям. Систематизация новых лексических единиц по тематическим группам позволяет осмыслить экстралингвистические предпосылки пополнения словарного состава современного русского языка и оценить его адаптационный потенциал в условиях постоянных социальных изменений.

Список источников

1. Бурсина О. А. Экстралингвистические предпосылки пополнения словаря английского языка (на примере неологизмов синхронического среза: 2020–2021 гг.) / О. А. Бурсина // Вестник Вологодского государственного университета. Сер. «Исторические и филологические науки». – 2021. – № 2 (21). – С. 65–69.
2. Васильева Г. М. Национально-культурная специфика семантических неологизмов: лингвокультурологические основы описания / Г. М. Васильева. – Санкт-Петербург : Сударыня, 2001. – 210 с.
3. Грудева Е. В. Лексические новообразования XXI века (корпусное исследование) / Е. В. Грудева, Д. О. Горющенко // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 35–44.
4. Камкова Е. Ю. Релевантные факторы возникновения неонимаций в современном русском языке / Е. Ю. Камкова // Гуманитарные исследования. – 2024. – № 4 (92). – С. 24–30.
5. Касьянова Л. Ю. Доминантные зоны неологического пространства русского языка / Л. Ю. Касьянова // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 4 (64). – С. 77–81.
6. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи / В. Г. Костомаров. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. – 280 с.
7. Котелова Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов / Н. З. Котелова // Новые слова и словари новых слов. – Ленинград : Наука, 1978. – С. 5–26.
8. Лесниковская И. В. Экстралингвистические и интралингвистические причины возникновения новой лексики / И. В. Лесниковская, С. М. Рзаева // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. – 2016. – № 2. – С. 62–66.
9. Макеева А. Д. Теоретические основы понятия культурно-маркированной лексики в лингвистике / А. Д. Макеева // Вестник науки. – 2024. – Т. 1, № 12 (81). – С. 900–903.
10. Маринова Е. В. Словарь цифрового общества: термины, идеологемы, ярлыки (на материале русского языка) / Е. В. Маринова // XV Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. – Санкт-Петербург : Междунар. ассоциация преподавателей русского языка и литературы, 2024. – С. 308–313.

11. Плотникова Л. И. Лексические новообразования в текстах газетной публицистики: лингвокреативная специфика / Л. И. Плотникова // Человек. Культура. Образование. – 2012. – № 5. – С. 72–82.
12. Попова Е. О. Воздействие экономических публикаций на массового читателя / Е. О. Попова // Массмедиа в постиндустриальную эпоху / отв. ред. Е. В. Мартыненко. – Москва : Российский университет дружбы народов, 2012. – С. 249–255.
13. Рацибурская Л. В. Сложные новообразования в современных медийных текстах / Л. В. Рацибурская // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. – 2011. – № 2. – С. 209–213.
14. Ребрина Л. Н. Неодобряемые / одобряемые фрагменты современной социальной реальности: невузальные неонимации / Л.Н. Ребрина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 «Языкознание». – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 5–22.
15. Сенько Е. В. Калькирование как один из механизмов создания языкового образа / Е. В. Сенько // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 12. – С. 3879–3885.
16. Тихонова С. А. Иноязычные единицы в лексическом составе современного русского языка / С. А. Тихонова, Т. Ю. Данильченко // Вестник Краснодарского государственного института культуры. – 2025. – № 1 (42).
17. Торопкина В. А. Экспрессивно-оценочный потенциал словообразовательных неологизмов в современном медиатексте / В. А. Торопкина // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина). – Нижний Новгород : Деком, 2016. – С. 370–374.

References

1. Bursina O. A. Extralinguistic prerequisites for replenishing the vocabulary of the English language (on the example of synchronic neologisms: 2020–2021). *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istori-cheskiye i filologicheskiye nauki" = Bulletin of the Vologda State University. Series "Historical and Philological Sciences"*. 2021;2(21):65–69.
2. Vasileva G. M. *Natsionalno-kulturnaya spetsifika semanticheskikh neologizmov: lingvokulturologicheskiye osnovy opisaniya = National and Cultural Specificity of Semantic Neologisms: Linguacultural Foundations of Description*. St. Petersburg: Sudarynya; 2001:210 p.
3. Grudeva Ye. V. Lexical neologisms of the 21st century (corpus study). *Gumanitarno-pedagogicheskiye issledovaniya = Humanitarian and Pedagogical Research*. 2021;5(1):35–44.
4. Kamkova Ye. YU. Relevant factors of neonomination emergence in modern Russian language. *Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian Studies*. 2024;4(92):24–30.
5. Kasyanova L. Yu. Dominant zones of the neological space of the Russian language. *Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian Studies*. 2017;4(64):77–81.
6. Kostomarov V. G. *Yazykovoy vkus epokhi = The Linguistic Taste of the Era*. 2nd ed. St. Petersburg: Zlatoust; 1999:280 p.
7. Kotelova N. Z. The first experience of lexicographical description of Russian neologisms. *Novyye slova i slovari novykh slov = New Words and Dictionaries of New Words*. Leningrad: Nauka; 1978:5–26.
8. Lesnikovskaya I. V. Extralinguistic and intralinguistic causes of the emergence of new vocabulary. *Vestnik Gosudar-stvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of the State Humanitarian and Technological University*. 2016;2:62–66.
9. Makeyeva A. D. Theoretical foundations of the concept of culturally marked vocabulary in linguistics. *Vestnik nauki = Science Bulletin*. 2024;1,12(81):900–903.
10. Marinova Ye. V. Dictionary of the Digital Society: Terms, Ideologemes, Labels (based on the Russian language). *XV Kongress Mezhdunarodnoy asso-tsiatsii prepodavateley russkogo yazyka i literatury = 15st Congress of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature*. St. Petersburg: International Association of Teachers of Russian Language and Literature; 2024:308–313.
11. Plotnikova L. I. Lexical neoformations in newspaper journalism texts: linguocreative specificity. *Chelovek. Kultura. Obrazovaniye = Man. Culture. Education*. 2012;5:72–82.
12. Popova Ye. O. The Impact of Economic Publications on the Mass Reader. *Massmedia v postindustrialnuyu epokhu = Mass Media in the Post-Industrial Era*. Ed. by E. V. Martynenko. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia; 2012:249–255.

13. Ratsiburskaya L. V. Complex New Formations in Modern Media Texts. *Interpretatsiya teksta: lingvisticheskiy, literaturovedcheskiy i metodicheskiy aspekty = Text Interpretation: Linguistic, Literary, and Methodological Aspects*. 2011;2:209–213.

14. Rebrina L. N. Disapproved / Approved Fragments of Contemporary Social Reality: Non-Usual Neo-Nominations. *Vestnik Volgograd-skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2 "Yazykoznaniiye" = Bulletin of Volgograd State University. Series 2 "Linguistics"*. 2023;22(2):5–22.

15. Senko Ye. V. Tracing as one of the mechanisms for creating a linguistic image. Philological sciences. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki = Theoretical and Practical Issues*. 2022;15(12):3879–3885.

16. Tikhonova S. A., Danilchenko T. Yu. Foreign-language units in the lexical composition of the modern Russian language. *Vestnik Krasnodarskogo gosudarstvennogo instituta kultury = Bulletin of the Krasnodar State Institute of Culture*. 2025;1(42).

17. Toropkina V. A. Expressive-evaluative potential of word-formation neologisms in a modern media text. *Nauchnoye naslediyе B. N. Golovina v svete aktualnykh problem sovremennogo yazykoznaniiya (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B. N. Golovina) = The scientific legacy of B. N. Golovin in light of current problems of modern linguistics: (on the 100th anniversary of B. N. Golovin's birth)*. Nizhny Novgorod: Dekom; 2016:370–374.

Информация об авторе

Е. Ю. Камкова – преподаватель кафедры русского языка и социокультурной адаптации.

Information about the author

E. Yu. Kamkova – Lecturer, Department of Russian Language and Sociocultural Adaptation.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; одобрена после рецензирования 24.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.

The article was submitted 10.03.2026; approved after reviewing 24.03.2026; accepted for publication 27.03.2026.

Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 55–65.
Humanitarian Researches. 2026;1(97):55–65.

Научная статья
УДК 81.2

**ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ ЛИЦ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО ПОЛА
В СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Ирина Васильевна Лысикова

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, irina_polulyah@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-1368-7749>

Аннотация. Статья посвящена детальному анализу особенностей номинации лиц мужского и женского пола в субстандартной лексике английского языка. Актуальность работы обусловлена антропоцентрической направленностью современной лингвистики, а также тем, что субстандартная лексика, являясь наиболее динамичным пластом языка, чутко реагирует на социальные изменения, включая трансформацию гендерных ролей и стереотипов. Несмотря на наличие фундаментальных трудов в области гендерной лингвистики, вопрос о специфике субстандартных лексических единиц, номинирующих лиц мужского и женского пола, на материале авторитетных лексикографических источников остаётся недостаточно изученным. Целью настоящей статьи является комплексный анализ особенностей номинации лиц мужского и женского пола в субстандартной лексике английского языка. Материалом исследования послужили данные направленной выборки из словарей Дж. Айто «The Oxford Dictionary of Slang» и Т. Торна «Dictionary of Contemporary Slang» (общий объем выборки – 575 субстандартных лексических единиц). В работе применялись методы описательного, компонентного, сравнительного анализа и элементы квантитативного подсчёта. В результате исследования все отобранные субстандартные единицы были классифицированы по трём тематическим группам: «Гендерные и межличностные отношения» (172 ед.), «Атрибуты личности» (264 ед.) и «Социальная стратификация и этическое поведение» (139 ед.). Анализ материала выявил устойчивую гендерную асимметрию. В группе «Гендерные и межличностные отношения» мужчины номинируются как активные субъекты, «охотники» (lady killer, chaser, wolf), тогда как женщины предстают как объекты (skirt, kife) или патологизированные субъекты (nutrpho, vamp). В группе «Атрибуты личности» параметр привлекательности доминирует в женских номинациях, которые описываются через метафоры потребления (peach, cheesecake) либо уничижительные ярлыки (bag, biffa); мужские номинации (beefcake, Barney, beast man) демонстрируют более вариативную картину. В группе «Социальная стратификация и этическое поведение» зафиксирован двойной стандарт: мужские номинации (fanny rat, sack artist) амбивалентны, женские (slag, muff, hag) обладают исключительно негативной коннотацией. Выводы исследования подтверждают, что субстандартная лексика английского языка выступает инструментом закрепления и трансляции патриархальных стереотипов, предписывающих мужчинам роль активного деятеля, а женщинам – объекта оценки и морального осуждения.

Ключевые слова: субстандартная лексика, сленг, гендерная асимметрия, номинация, тематическая классификация, коннотация, английский язык, лексикография

Для цитирования: Лысикова И. В. Особенности номинации лиц мужского и женского пола в субстандартной лексике английского языка // Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 55–65.

Original article

**PECULIARITIES OF NOMINATION OF MALE AND FEMALE GENDER
IN SUBSTANDARD ENGLISH VOCABULARY**

Irina V. Lysikova

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, irina_polulyah@mail.ru;
<https://orcid.org/0009-0009-1368-7749>

Abstract. The article presents a detailed analysis of the peculiarities of nomination of male and female gender in the substandard English vocabulary. The relevance of the work stems from the anthropocentric orientation of modern linguistics, as well as the fact that substandard vocabulary, being the most dynamic layer of language, is highly sensitive to social changes, including the transformation of gender roles and stereotypes. Despite the existence of fundamental works in the field of gender linguistics, the issue of the specific features of substandard lexical units nominating males and females based on authoritative lexicographic sources remains insufficiently studied. The aim of this article is a comprehensive analysis of the peculiarities of nomination of male and female gender in the English substandard lexicon. The research material comprises data from a continuous targeted sampling from "The Oxford Dictionary of Slang" by J. Ayto and "Dictionary of Contemporary Slang" by T. Thorne (total sample size – 575 substandard lexical units). The study employed methods of descriptive, componential, and comparative analysis, as well as elements of quantitative calculation. As a result of the study, all selected substandard units were classified into three thematic groups: "Gender and Interpersonal Relations" (172 units), "Personal Attributes" (264 units), and "Social Stratification and Ethical Behavior" (139 units). The analysis of the material revealed persistent gender asymmetry. In the group "Gender and Interpersonal Relations," men are nominated as active subjects, "hunters" (lady killer, chaser, wolf), whereas women appear as objects (skirt, kife) or pathologized subjects (nympho, vamp). In the group "Personal Attributes," the parameter of attractiveness dominates in female nominations, which are described through metaphors of consumption (peach, cheesecake) or pejorative labels (bag, biffa); male nominations (beefcake, Barney, beast man) demonstrate a more varied picture. In the group "Social Stratification and Ethical Behavior," a double standard is recorded: male nominations (fanny rat, sack artist) are ambivalent, while female ones (slag, muff, hag) possess exclusively negative connotations. The findings of the study confirm that the substandard vocabulary of the English language acts as a tool for reinforcing and transmitting patriarchal stereotypes, prescribing for men the role of an active agent, and for women – the role of an object of evaluation and moral judgment.

Keywords: substandard lexicon, slang, gender asymmetry, nomination, thematic classification, connotation, English language, lexicography

For citation: Lysikova I. V. Peculiarities of Nomination of Male and Female Gender in Substandard English Vocabulary. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2026;1(97):55–65 (In Russ.).

Сегодня учёные-лингвисты отмечают, что язык является не только средством общения, но и «культурным кодом», через который человек погружается в современное мышление и получает представление о мировоззрении своих предшественников, обществе и о самом себе [3].

Язык постоянно эволюционирует, и это наиболее заметно на лексико-семантическом уровне. Некоторые слова выходят из употребления, утрачивая свою прежнюю повседневную значимость. В то же время слова, которые встроились в языковую систему и стали широко используемыми, приобретают новые значения и смыслы, обогащая язык и предоставляя носителям более богатую среду для общения и выражения мыслей. Такие процессы происходят как на уровне общепринятой нормы языка, так и на уровне разговорного. И. А. Бодуэн де Куртенэ отмечал: «Нет неподвижности в языке. В языке, как и вообще в природе, всё живёт, всё движется, всё изменяется» [1, с. 348].

В последние несколько десятилетий особый интерес учёных обращён к изучению стандартного и субстандартного пластов лексики. Но несмотря

на многочисленные исследования, вопрос определения границы между литературной нормой и языковым субстандартом для учёных остаётся сложным и неоднозначным. Отсутствие единого представления в этом вопросе сказывается на разнообразии подходов и точек зрения.

Лингвистический словарь Р. Хартманна «Dictionary of Language and Linguistics» содержит терминологические статьи, посвящённые понятиям «standard», «non-standard» и «substandard» [9]. Автор пишет, что «стандартный язык» («стандарт») в английском языке приравнивается к нормативному литературному пласту языка, в то время как «нонстандарт / субстандарт» – к нелитературному [9, с. 218].

В русском языке термин «стандарт» значительно отличается от английского «standard». Советский и российский лингвист, лексикограф В. Д. Девкин отмечает, что «за неимением лучшего, приходится прибегать к этому термину» [4, с. 206].

Согласно З. Кёстер-Тома, употребление термина «стандарт» обосновано. Учёный пишет: «В какой-то мере аргументом в пользу употребления термина *стандарт* может служить и широкое вхождение самого слова *стандарт* и производных *стандартный*, *стандартно*, *стандартность* в современный русский язык, что способствует быстрому усвоению лингвистического термина» [6]. Так, исследуя социально-культурно ограниченные слои языка, З. Кёстер-Тома выделяет несколько типов языковых элементов. Один из них – «стандарт», который представляет собой системные языковые элементы, присутствующие на всех уровнях языка, другой тип – «субстандарт», который включает языковые элементы с характерными системными свойствами (диалекты, язык фольклора и пр.), третий тип – «нонстандарт», в котором объединены языковые формации, не являющиеся системой, но распространённые на лексико-фразеологическом уровне (жаргон, бранная лексика и пр.). Предлагая данную классификацию, автор подчёркивает, что такое деление может быть довольно условным. Просторечие, согласно его рассмотрению, занимает промежуточную позицию между субстандартом и нонстандартом. Важно отметить, что, несмотря на своё функционирование на всех языковых уровнях, «нонстандарт», по мнению учёного, не обладает признаками системности. Кроме того, автор включает кодифицированную разновидность разговорного языка в стандарт, в то время как его некодифицированная разновидность относится к субстандарту [6].

М. А. Гранкина не согласна с точкой зрения З. Кёстер-Тома о том, что жаргон и обценная лексика не представляют собой систему. Учёный предполагает, что «вполне вероятно, что германоязычный русист, проживавший и работавший вне среды функционирования целевого языка, не имел доступа к эмпирическому материалу, который позволил бы сделать выводы о системности этих феноменов. В настоящее время актуальные речевые практики (прежде всего, тексты интернет-опосредованной коммуникации) демонстрируют масштабность и системный характер функционирования жаргона и обценной лексики» [2, с. 20].

Рассматривая лексические единицы в контексте оппозиции «стандарт – субстандарт», следует отметить, что они могут переходить из одного языкового фонда в другой лишь при определённых социально-психологических условиях [5, с. 267]. С течением времени традиционное понимание нормы языка меняется. Ранее считалось, что норма – это закодированные правила, сохраняющиеся неизменными и имеющие статус авторитетности. Однако в наше время более привлекательным считается то, что считается модным, и, если что-то модно, значит, это является нормой. Таким образом, мы приходим к выводу, что понятие «стандарт» и его нормативность не исчерпывают полностью все нюансы нормативной сферы лексических единиц. Норма присутствует в каждой форме существования языка, и то, что

в настоящее время считается ненормативной лексической единицей (субстандартом), имеет большие перспективы стать новой нормой (стандартом), так как язык постоянно развивается и приспосабливается к изменяющимся потребностям общества.

Таким образом, субстандартная лексика представляет собой живую часть языка, активно используемую и постоянно совершенствующуюся.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть особенности номинации лиц мужского и женского пола в субстандартной лексике английского языка. Интерес к данной проблематике обусловлен тем, что именно субстандартная лексика, являясь подвижным и экспрессивным пластом лексики, чутко реагирует на изменения в социальной структуре общества, отражая существующие стереотипы и культурные ценности.

Как справедливо отмечают А. А. Уфимцева, Э. С. Азнаурова и Е. С. Кубрякова, процесс номинации – это «закрепление за языковым знаком понятия, отражающего определённые признаки предмета» [8, с. 92]. В субстандартной лексике этот процесс приобретает особую специфику, поскольку в основе номинации лежит не стремление к точности, а потребность в экспрессивности, образности и эмоциональной оценке. Так, субстандартная лексика даёт говорящему возможность использовать богатый арсенал средств для выражения отношения к объекту речи.

Настоящая статья ставит своей целью комплексный анализ особенностей номинации лиц мужского и женского пола, зафиксированных в субстандартной лексике английского языка. Достижение указанной цели предполагает решение ряда задач: 1) классифицировать субстандартные лексические единицы, номинирующие лиц мужского и женского пола, по тематическим группам; 2) охарактеризовать лингвистические механизмы формирования мужских и женских образов; 3) установить случаи асимметричной репрезентации лиц мужского и женского пола в субстандарте английского языка.

Актуальность определяется несколькими факторами. Во-первых, антропоцентрическая направленность современной лингвистики обуславливает повышенный интерес к изучению языковой личности и способов её репрезентации в языке. Во-вторых, субстандартная лексика, будучи наиболее динамичным пластом языка, выступает чутким индикатором социальных процессов, происходящих в обществе, включая трансформацию гендерных ролей и стереотипов. В-третьих, несмотря на наличие фундаментальных работ в области гендерной лингвистики, вопрос о специфике номинации лиц мужского и женского пола в английском языковом субстандарте до сих пор не становился предметом специального исследования.

Для анализа особенностей номинации лиц мужского и женского пола в субстандартной лексике английского языка были выбраны два авторитетных лексикографических источника: «The Oxford Dictionary of Slang» Джона Айто [11] и «Dictionary of Contemporary Slang» Тони Торна [10]. Выбор данных словарей неслучаен. Так, оба издания представляют собой фундаментальные труды, фиксирующие значительный объём субстандартных лексических единиц, функционировавших в английском языке на протяжении XX – начала XXI в. Словарь Дж. Айто отличается историческим подходом к описанию материала, что позволяет проследить эволюцию значений и появление новых номинаций. Словарь Т. Торна, напротив, ориентирован на максимально актуальный современный сленг. Также Дж. Айто и Т. Торн являются признанными специалистами в области лексикографии, что гарантирует высокую степень достоверности отобранного материала.

Методика исследования включала несколько последовательных этапов. На первом этапе была осуществлена сплошная выборка субстандартных лексем, номинирующих лиц мужского и женского пола. Далее проводился количественный анализ отобранного материала. Третий этап был посвящён

формулированию обобщающих выводов, касающихся особенностей исследуемых номинаций в субстандартной лексике английского языка.

Материалом для исследования послужила направленная выборка субстандартных лексических единиц (далее – СЛЕ) из указанных словарей, номинирующих лиц мужского и лиц женского пола. Общий объём выборки составил 575 лексических единиц. В ходе анализа применялись методы описательного, компонентного и сравнительного анализа, а также элементы квантитативного подсчёта для выявления тематических групп.

В ходе проведения выборки особое внимание обращалось на пометы, представленные в словаре, поскольку именно этот лексикографический инструмент способствует наиболее полному пониманию семантики лексической единицы и анализу её коннотаций [7].

Все отобранные субстандартные лексемы, номинирующие лиц мужского и женского пола, были классифицированы по трём тематическим группам: 1) гендерные и межличностные отношения (172 СЛЕ); 2) атрибуты личности (264 СЛЕ); 3) социальная стратификация и этическое поведение (139 СЛЕ).

В тематическую группу «Гендерные и межличностные отношения» были отобраны 172 СЛЕ, из которых 85 СЛЕ, номинирующих лиц мужского пола, и 87 СЛЕ, номинирующих лиц женского пола. В ходе анализа отобранных СЛЕ было выявлено, что самыми частотными являются СЛЕ с семантической характеристикой «женщина – сексуальный объект» и «мужчина – сексуально активный деятель». Рассмотрим примеры.

«*Lady killer – applied to a man who is credited with a dangerous power of fascination over women. Rebecca DeMornay plays a confident criminal attorney who wears tight skirts and is easily duped by a lady killer*» [11]. Данная номинация является оксюмороном («убийца дам»). СЛЕ используется для описания мужчины, подчеркивая его физическую агрессию и психологическое воздействие на женщину. Мужчина здесь наделяется деструктивной, но при этом привлекательной харизмой для женщины.

«*Don Juan – applied to a man who has great sexual success with a large number of women; from the name of a legendary dissolute Spanish nobleman, popularized in Britain by Byron's poem Don Juan (1819–24) • W. H. Auden: B ... tries to be a Don Juan seducer in an attempt to compel life to take an interest in him*» [11]. Данная номинация является именем собственным, впоследствии ставшим нарицательным. СЛЕ отсылает к Дон Жуану – легендарному испанскому соблазнителю в поэме Дж. Байрона.

«*Chaser – applied to an amorous pursuer of women • Sam Greenlee: The women thought him an eligible bachelor, if a bit of a chaser*» [11]. Данная номинация образована от глагола «to chase» (преследовать, гнаться). СЛЕ используется для описания мужчины как активного преследователя женщин.

«*Lover boy, lover man – applied to a woman – chaser • Charles Williams: He's a Lover Boy, one of those big, flashy, conceited types that has to give all the girls a break*» [11]. Данная номинация, содержащая комплиментарный компонент (lover), однако дефиниция нейтрализует его, сводя к значению «охотник за женщинами» («woman-chaser»). Пример из словаря («big, flashy, conceited types») добавляет негативную коннотацию (самовлюблённость, показная бравада).

«*Wolf – a predatory male. This word has been used since the early 1900s in the USA to denote an aggressive womanizer*» [10]. Данная СЛЕ является зооморфной метафорой. Дефиниция «predatory male» (хищный самец) и «aggressive womaniser» (агрессивный бабник) эксплицитно отсылает мужчину к архетипу охотника, для которого женщина является добычей.

В приведённых примерах СЛЕ, номинирующие лиц мужского пола, объединены общей семой активного начала, инициативы и завоевания. Мужчина предстаёт как субъект действия, направленного на объект женского пола.

Далее приведём примеры СЛЕ, номинирующих лиц женского пола.

«*Vamp* – applied to a woman who intentionally attracts and exploits men (often as a stock character in plays and films); abbreviation of vampire • *Times: Exotic red flowers like the lips of vamps*» [11]. Данная номинация образована от слова «вампир». Женщина – это хищница, но особого рода. Её оружие – сексуальная привлекательность, а цель – эксплуатация мужчин («attracts and exploits men»). Это зеркальное отражение мужского «хищника» («wolf»), но с более выраженным негативным оттенком (вампир – существо мёртвое, несущее смерть).

«*Nympho* – applied to a sexually voracious woman; short for nymphomaniac • *D. Schwartz: Some girls at school said that Phoebe was a nympho*» [11]. Данная номинация образована сокращением от медицинского термина нимфомания, обозначающего патологическое повышение полового влечения у женщин. СЛЕ используется для описания «сексуально ненасытной женщины» («sexually voracious woman») и переводит женскую активность из нормы в разряд заболевания или отклонения.

«*Mink* – a woman, particularly a provocative, spirited and/or sexually attractive or active woman» [10]. Номинация является зооморфной метафорой («норка»). СЛЕ используется для описания женщины привлекательной для мужчины («provocative, spirited and / or sexually attractive»). Норка ассоциируется с ценным мехом, гладкостью, красотой, то есть женщина – желанный трофей.

«*Kife, kifer, kyf, kyfer, kaifa, khyfer* – a woman as a sexual partner or sex object» [10]. Данная СЛЕ с неясной этимологией, используется для описания женщины исключительно как «сексуального партнера или сексуального объекта» («sexual partner or sex object»). Это наиболее прямолинейная номинация, лишённая каких-либо личностных характеристик.

«*Skirt* – applied to a woman, a female sex object; often in the phrase bit of skirt • *Kate Millett: The two patriarchs, never tired of chasing twenty-year old skirts in their old age*» [11]. Данная номинация является метонимическим переносом (часть одежды – человек). СЛЕ деперсонализирует женщину, сводя её к гендерному маркеру и сексуальному объекту («female sex object»).

Таким образом, анализ тематической группы «Гендерные и межличностные отношения» демонстрирует, что субстандартная лексика выступает не просто средством номинации, но и инструментом закрепления и трансляции патриархальных стереотипов, предписывающих мужчинам активную, а женщинам – объектную или патологизированную роль в межличностных отношениях.

В тематическую группу «Атрибуты личности» были отобраны 264 СЛЕ, из которых 96 СЛЕ, номинирующих лиц мужского пола, и 168 СЛЕ, номинирующих лиц женского пола. В ходе анализа отобранных единиц было выявлено, что самыми частотными субстандартными лексемами являются СЛЕ с семантической характеристикой «привлекательность / непривлекательность». Рассмотрим примеры.

«*Ankle* – an attractive female» [10]. Номинация является метонимией, где часть тела замещает целое. СЛЕ может отсылать к викторианским временам, когда этот участок тела считался эрогенной зоной. Номинация фиксирует женщину как объект эстетического созерцания.

«*Peach* – applied to a female; from the association of the peach with lusciousness • *Richmal Crompton: Now would you think that a peach like her would fall for a fat-headed chump like that?*» [11]. Данная номинация апеллирует к чувственному восприятию женщины (персик – это сочный, сладкий фрукт) и закрепляет за её образом семантику желанного, аппетитного объекта.

«*Tabby* – applied to an (attractive) young woman • *John Wain: 'I said, is it true what Joe says that you've got yourself fitted out with a tabby?' 'My humble roof,' said Robert... 'is shared by a distinguished actress'*» [11]. Данная номинация

применяется к привлекательной молодой женщине («attractive young woman»). Изначально лексическая единица со значением «полосатая кошка / табби». Кошачья грация традиционно ассоциируется с женственностью.

«*Cheesecake – applied to a display of sexually attractive females, especially in photographs, and hence to an individual attractive woman • John Wain: She had a sexy slouch like a Hollywood cheesecake queen*» [11]. Данная номинация является метафорой. СЛЕ описывает образ женщины, подчёркивая её «вкусность», «аппетитность», предназначенность для потребления.

«*Bag – an unattractive and / or unpleasant woman. This usage originated in the early 20th century with the idea of a shapeless, heavy or burdensome female, previously expressed as baggage*» [10]. Уничижительная номинация. Женщина здесь уподобляется неодушевлённому, незстетичному предмету, который является обузой.

«*Biffa, biffer – an ugly or unattractive female*» [10]. Этимология слова неизвестна, номинация носит негативную оценку.

Рассмотрим СЛЕ, номинирующие лиц мужского пола.

«*Beefcake – applied to (a display of) sturdy masculine physique; and hence to an individual muscular man; based jocularly on cheesecake • Guardian: The other poster... shows Albert Finney in a beefcake pose with his shirt slit to the navel*» [11]. СЛЕ образована по аналогии с «cheesecake» как его мужской аналог. Однако значения разные: если «cheesecake» – это «вкусная» девушка, то «beefcake» – это демонстрация «крепкого мужского телосложения» («sturdy masculine physique»). Говядина («beef») символизирует мясо, мышцы, силу, а не сладость и нежность.

«*Bagel – an attractive male. A term, possibly from Jewish usage, employed by young women since 2000, it was recorded in Kent in 2003, defined as denoting 'fit men'*» [10]. Данная номинация маркирована как принадлежащая женской речи («employed by young women») и относится к гастрономической метафоре (бублик). Фиксация Т. Торном этой СЛЕ свидетельствует о развитии женского дискурса в оценке мужской внешности и появлении сленга, ориентированного на «женский взгляд».

«*Barney – an unattractive male. This pejorative term for a boy who is not categorised as a Baldwin was featured in the 1994 US film Clueless. The reason for the choice of proper name is uncertain, but may be inspired by the character Barney Rubble in the cartoon series and film The Flintstones, hence a primitive person. The term was still in use in 2004*» [10]. Прецедентное имя, заимствованное из американского кино («Clueless», 1994) и, возможно, мультфильма о Флинтстоунах («Barney Rubble» – примитивный человек). Номинация служит для обозначения непривлекательного молодого мужчины («unattractive male») и противопоставляется в фильме типу Baldwin (красивый мужчина, по фамилии актеров Болдуин). Интересно, что Т. Торн отмечает актуальность термина вплоть до 2004 г., что говорит о закреплении поп-культурных образов в субстандартной лексике английского языка.

«*Beast man – an ugly or unattractive male*» [10]. Номинация с прозрачной семантикой – «зверь», «чудовище». Если СЛЕ «beefcake» подчёркивает эстетику мускульной силы, то СЛЕ «beast man» акцентирует её уродливую, звериную сторону, отсутствие привлекательности.

Таким образом, субстандартная лексика тематической группы «Атрибуты личности» на примере параметра привлекательности демонстрирует устойчивую тенденцию к объективации женской и более вариативному, хотя и менее детализированному, описанию мужской внешности. Женщина в лингвокультуре английского языка предстает либо «персиком», либо «мешком»; мужчина – либо «мясом», либо «чудовищем».

В тематическую группу «Социальная стратификация и этическое поведение» были отобраны 139 СЛЕ, из которых 71 СЛЕ, номинирующая лиц

мужского пола, и 68 СЛЕ, номинирующих лиц женского пола. В ходе анализа отобранных единиц было выявлено, что самыми частотными субстандартными лексемами являются СЛЕ с семантической характеристикой «женщина – блудница, распутница» и «мужчина – бабник, гуляка». Рассмотрим примеры.

«Poodle – faker – applied to a man who cultivates female society, especially for professional advancement; from the idea of fawning to be petted, like a poodle or lap-dog • Joyce Porter: There's some blooming Parisian couturier coming to see her.... To hear her talk, you'd think a bunch of corn slicers and foreign poodle-fakers was more important than solving the crime of the century» [11]. Данная СЛЕ – зооморфная метафора (пудель – комнатная собачка, которая «льстит, чтобы её ласкали» – «fawning to be petted»). СЛЕ номинирует мужчину, который ищет женское общество ради карьерного продвижения («for professional advancement»). Пример Дж. Портера («foreign poodle-fakers») помещает этот образ в контекст мира моды, где мужчины-модельеры культивируют связи с влиятельными клиентками. Номинация содержит отчётливый оттенок презрения к мужчине, который жертвует маскулинностью и достоинством ради выгоды.

«Gimp – a sexually promiscuous male» [10]. СЛЕ с прозрачной семантикой – «сексуально распущенный мужчина» («sexually promiscuous male»). В словаре не даются дополнительные коннотативные пометы, оставляя оценку контекстуально обусловленной.

«Hormone – a promiscuous, sexually active or successful person. This term, usually applied to males, was popular among adolescents and younger schoolchildren in Britain and Australia in the 1990s. 'He's what we call a raging hormone.' (Australian surfer in Biarritz, Passengers, Channel 4 TV programme, September 1995)» [10]. Интересный пример номинации, основанной на метонимическом переносе (биологически активное вещество – человек). СЛЕ «гормон» используется для описания мужчины как сексуально активного, распущенного человека («promiscuous, sexually active or successful person»). Ироничное «raging hormone» («бушующий гормон») представляет мужскую сексуальность как неконтролируемую, почти патологическую, но при этом естественную силу.

«Fanny rat – a womaniser or seducer. A term used with either contempt or admiration by other men. 'A policeman accused of drowning his wife in a holiday villa's Jacuzzi bath was branded "King Fanny Rat" by his colleagues because of his womanizing.'» (Daily Mirror, 15 April 1989) [10]. Данная СЛЕ – зооморфная метафора, используется для описания мужчины-бабника. Пример из таблоида Daily Mirror («King Fanny Rat») иллюстрирует использование СЛЕ в мужском коллективе, где выполняет двойную функцию: осуждение морального облика коллеги и скрытое восхищение его «успехами».

«Sack artist – a womaniser, seducer, Lothario. In the Literary Review, June 1987, in a review of Intercourse by Andrea Dworkin, Jane Ellison attributed this to Martin Amis. She was wrong. It is North American in origin, in common with other formulations such as 'con artist', spreading to Britain in the 1980s. Sack artist started life with the quite different meaning of a lazy person or idler (who spent most of their time in the sack)» [10]. Данная СЛЕ используется для номинации мужчины как «виртуоза постельных дел». Т. Торн прослеживает эволюцию значения: от «ленивца, бездельника» (тот, кто много времени проводит в постели) до «ловеласа, соблазнителя» («womaniser, seducer»). Эта семантическая эволюция связывает представление о мужчине, проводящем время с женщинами, с представлением о праздности и безделье, однако номинация имеет значение мастерства («artist»), чего лишены женские аналоги СЛЕ.

Далее рассмотрим СЛЕ, номинирующие лиц женского пола.

«Slag – derogatory; a promiscuous woman • Observer. 'Ulrika Jonsson? Bloody slag.' 'Slag? Why?' 'Well – the way she just goes on holiday and flashes

her arse all over the place.» [11]. Одно из самых распространённых СЛЕ для номинации женщины в британском английском. Дефиниция лаконична: «derogatory; a promiscuous woman». Однако приведённый пример из Observer («Ulrika Jonsson? Bloody slag») и реакция («the way she just goes on holiday and flashes her arse») раскрывает механизм стигматизации: женщина осуждается не только за сексуальное поведение, но и за его публичную демонстрацию, за нарушение норм скромности, предписывающихся поведению женщины.

«*Muff – a sexually promiscuous woman • Louis Jackson & C. R. Hellyer: The muffs are cruising on the drag tonight', i.e. soliciting on the street*» [11]. Данная номинация основана на метонимии (предмет – человек). Женщина отождествляется с частью тела и родом занятий.

«*Smok – a flirtatious or unconventional female. Recorded as an item of Sowe-tan slang in the Cape Sunday Times, 29 January 1995. In 19th-century British slang 'smock' could be used to denote a 'loose woman'*» [10]. Данная СЛЕ используется для номинации женщины как блудницы. Пример, приведённый в словаре, интересен с точки зрения лексикографии и социолингвистики. Т. Торн фиксирует единицу из советановского сленга (ЮАР) со значением «flirtatious or unconventional female» («кокетливая или нетрадиционная женщина») и возводит её к британскому сленгу XIX в. («smock» – «распутная женщина»). Эта номинация демонстрирует, как архаичные модели оценки женского поведения (осуждение флирта) воспроизводятся в новом культурном контексте. Противопоставление «unconventional» (не соответствующая условностям женщины) и негативная оценка имплицитно указывает на патриархальный характер этих условностей.

«*Chippie, chippy – a prostitute or promiscuous woman. The etymology of this sense of the word is unclear*» [10]. Данная номинация с неясной этимологией, но устойчивым значением «распутная женщина».

«*Hag – a disreputable, promiscuous and / or irritating female*» [10]. Данная номинация женщины представлена с широкой семантикой, объединяющей несколько негативных характеристик: распущенность (promiscuous) оказывается в одном ряду с раздражительностью и дурной репутацией, формируя собирательный образ женщины, вызывающей неприятие.

Таким образом, анализ отобранных СЛЕ в рамках тематической группы «Социальная стратификация и этическое поведение» показал, что мужское поведение оценивается по бинарной шкале «успех / неуспех», женское поведение оценивается исключительно по морально-этической шкале «прилично / неприлично» и любое отклонение от нормы (или даже подозрение в отклонении) ведёт к стигматизации и навешиванию уничижительного ярлыка. Мужские номинации амбивалентны, в то время как женские такой амбивалентности лишены. Все отобранные СЛЕ, номинирующие лиц женского пола, имеют только негативную коннотацию.

Проведённое исследование особенностей номинации лиц мужского и женского пола в субстандартной лексике английского языка на материале словарей Дж. Айто «The Oxford Dictionary of Slang» и Т. Торна «Dictionary of Contemporary Slang» позволяет сформулировать вывод о том, что субстандартная лексика английского языка выступает не просто средством номинации мужчины или женщины, а мощным инструментом закрепления и трансляции патриархальных стереотипов. Зафиксированная в авторитетных субстандартных лексикографических источниках Дж. Айто и Т. Торна субстандартная лексика отражает асимметричную картину мира, в которой мужчине отводится роль активного деятеля, а женщине – объекта оценки, потребления и морального осуждения.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении источниковедческой базы, а также в сравнительно-сопоставительном анализе субстандартных лексических единиц, номинирующих лиц мужского и женского пола в разноструктурных языках (например, в английском и русском), что позволит выявить универсальные и национально-специфические черты гендерной стереотипизации.

Список источников

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – Москва, 1963. – Т. 1.
2. Гранкина М. А. Субстандартная лексика в речевых произведениях инофонов: функциональная и лексикографический аспекты / М. А. Гранкина. – Ростов-на-Дону, 2023. – 240 с.
3. Гриценко, М. В. Гендер в британской и американской лингвокультурах / Е. С. Гриценко, А. О. Лалетина, М. В. Сергеева, А. А. Бодрова, Л. Г. Дунышева ; под общ. ред. Е. С. Гриценко. – Москва : Флинта, Наука, 2011. – 220 с.
4. Девкин В. Д. Немецкая лексикография / В. Д. Девкин. – Москва : Высшая школа, 2005. – 670 с.
5. Калугина Е. Н. Понятийно-теоретический аспект исследования языкового субстандарт / Е. Н. Калугина // Научный диалог. – 2013. – № 5 (17): Филология. – С. 261.
6. Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нестандарт / З. Кёстер-Тома // Русистика. – 1993. – № 2. – С. 15–31. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/koester-93.htm?ysclid=mm10r2sjm3179730056> (дата обращения: 20.02.2026).
7. Рябичкина Г. В. Типы помет в «Словаре сленга и нестандартного английского языка» Э. Партриджа (социолексикографический анализ) / Г. В. Рябичкина // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». – 2008. – № 11 (67). – С. 220-225.
8. Уфимцева А. А. Языковая номинация (Общие вопросы) / А. А. Уфимцева, Э. С. Азнаурова, Е. С. Кубрякова и др. ; отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – Москва : Наука, 1977. – 359 с.
9. Hartmann R. R. K. Dictionary of language and linguistics / R. R. K. Hartmann, F. C. Stork. – London : Applied Science Publ., 1972. – URL: <https://archive.org/details/dictionaryoflang00hart>.
10. Thorne T. Dictionary of Contemporary Slang / T. Thorne. – 3rd ed. – London : A & C Black Publ. Ltd, 2005. – P. 513.
11. Ayto J. The Oxford Dictionary of Slang / J. Ayto. – New York : Oxford University Press Inc., 1998. – P. 474.

References

1. Boduen de Kurtene I. A. *Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu = Selected Works on General Linguistics*. Moscow; 1963;1.
2. Grankina M. A. *Substandartnaya leksika v rechevykh proizvedeniyakh inofonov: funktsionalnaya i leksikograficheskiy aspekty = Substandard Vocabulary in the Speech Works of Foreign Speakers: Functional and Lexicographical Aspects*. Rostov-on-Don; 2023;240 p.
3. Gritsenko, M. V., Laletina A. O., Sergeeva M. V., Bodrova A. A., Dunyasheva L. G. *Gender v britanskoy i amerikanskoy lingvokulturakh = Gender in British and American Linguistic Cultures*. Ed. by E. S. Gritsenko. Moscow: Flinta, Nauka; 2011:220 p.
4. Devkin V. D. *Nemetskaya leksikografiya = German Lexicography*. Moscow: Vysshaya shkola; 2005:670 p.
5. Kalugina E. N. Conceptual and Theoretical Aspect of the Study of the Language Sub-Standard. *Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue*. 2013;5(17):261.
6. Koester-Thoma Z. Standard, Substandard, Non-Standard. *Rusistika = Russian Studies*. 1993;2:15–31. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/koester-93.htm?ysclid=mm10r2sjm3179730056> (accessed: 20.02.2026).
7. Ryabichkina G. V. Types of Labels in E. Partridge's "Dictionary of Slang and Non-Standard English" (a sociolexicographic analysis)". *Vestnik Tambovskogo universiteta*.

Seriya "Gumanitarnye nauki" = Bulletin of Tambov University. Series "Humanities". 2008;11(67):220–225.

8. Ufimtseva A. A., Kubryakova E. S., Aznaurova E. S. et al. *Yazykovaya nominatsiya (Obshchie voprosy) = Language Nomination (General Issues)*. Ed. by B. A. Serebrennikov, A. A. Ufimtseva. Moscow: Nauka; 1977:359 p.

9. Hartmann R. R. K., Stork F. C. *Dictionary of language and linguistics*. London: Applied Science Publ.; 1972. URL: <https://archive.org/details/dictionaryoflang00hart>.

10. Thorne T. *Dictionary of Contemporary Slang*. 3rd ed. London: A&C Black Publ. Ltd; 2005:513.

11. Ayto J. *The Oxford Dictionary of Slang*. New York: Oxford University Press Inc.; 1998:474.

Информация об авторе

И. В. Лысикова – ассистент кафедры английского языка и профессиональных коммуникаций

Information about the author

I.V. Lysikova – Assistant at the Department of English and Professional Communications

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена после рецензирования 16.03.2026; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted 25.02.2026; approved after reviewing 16.03.2026; accepted for publication 20.03.2026.

Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 66–74.
Humanitarian Researches. 2026;1(97):66–74.

Научная статья
УДК 395.6

**РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ И СИСТЕМА ОБРАЩЕНИЙ В РУССКОМ И МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Татьяна Михайловна Терещенко^{1✉}, Ирина Викторовна Шиндряева²

^{1, 2}Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Волгоград, Россия

¹tertm@yandex.ru✉

²i.shindryaeva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена лингвокультурологическому анализу обращения как ключевого компонента речевого этикета в межкультурной коммуникации. В разных культурах и языках системы обращений устроены по-разному. Актуальность темы обусловлена её междисциплинарностью и прагматической востребованностью. Исследование лежит на стыке лингвистики, культурологии, социологии и методики преподавания. Оно необходимо не только для углубления теоретических знаний о взаимосвязи языка и культуры, но и для решения сугубо практических образовательных задач. Цель исследования – провести комплексный сопоставительный анализ систем речевого этикета и обращений в современном русском и монгольском языках с целью выявления их структурно-семантических, прагматических и культурно-обусловленных сходств и различий. Авторы исходят из определения речевого этикета как национально-специфичной, исторически изменчивой, но устойчивой системы правил речевого поведения, регламентирующих вежливые отношения между коммуникантами. Предмет исследования – система обращений (именных и местоименных). Основное внимание уделяется контактной функции обращения, служащего для установления и поддержания коммуникативной связи между адресантом и адресатом. Подчеркивается, что выбор конкретных средств выражения обращения детерминирован как лингвистическими особенностями языка, так и экстралингвистическими факторами, включая национально-культурную специфику, менталитет, традиции и систему ценностей социума. В каждом языке существуют свои нормы и правила, которые отражают социальные отношения, культурные традиции и ценности общества. Понимание этих особенностей помогает не только наладить более эффективную коммуникацию, но и уважать и ценить культуру другого народа. Таким образом, статья акцентирует необходимость учета культурного контекста для успешной интерпретации и применения этикетных норм в межкультурном взаимодействии.

Ключевые слова: обращение, речевого этикет, межкультурная коммуникация, национально-культурная специфика, экстралингвистические факторы

Для цитирования: Терещенко Т. М., Шиндряева И. В. Речевого этикет и система обращений в русском и монгольском языках: сопоставительный анализ // Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 66–74.

Original article

**SPEECH ETIQUETTE AND THE SYSTEM OF ADDRESSES IN RUSSIAN AND MONGOLIAN:
A COMPARATIVE ANALYSIS**

Tatyana M. Tereshchenko^{1✉}, Irina V. Shindryaeva²

^{1, 2}Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russia

¹tertm@yandex.ru✉

²i.shindryaeva@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the linguocultural analysis of address as a key component of speech etiquette in intercultural communication. In different cultures and

languages, systems of address are structured in different ways. The relevance of the topic is due to its interdisciplinary nature and pragmatic relevance. The research lies at the intersection of linguistics, cultural studies, sociology, and teaching methods. It is necessary not only to deepen theoretical knowledge about the relationship between language and culture, but also to solve purely practical educational tasks. The purpose of this study is to conduct a comprehensive comparative analysis of the systems of speech etiquette and addresses in modern Russian and Mongolian languages in order to identify their structural, semantic, pragmatic, and culturally-based similarities and differences. The authors proceed from the definition of speech etiquette as a nationally specific, historically variable, but stable system of rules of speech behavior that regulate polite relations between communicants. The subject of the study is the system of addresses (nominative and pronominal). The main focus is on the contact function of the address, which serves to establish and maintain a communicative link between the addresser and the addressee. It is emphasized that the choice of specific means of expressing an address is determined both by the linguistic features of the language and by extralinguistic factors, including national and cultural specifics, mentality, traditions, and the value system of the society. Each language has its own norms and rules that reflect the social relationships, cultural traditions, and values of the society. Understanding these characteristics not only helps to establish more effective communication, but also to respect and appreciate the culture of another nation. Thus, the article emphasizes the importance of considering the cultural context for successful interpretation and application of etiquette norms in intercultural interactions.

Keywords: address, speech etiquette, intercultural communication, national and cultural specifics, extralinguistic factors

For citation: Tereshchenko T. M., Shindryaeva I. V. Speech Etiquette and the System Of Addresses in Russian and Mongolian: A Comparative Analysis. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2026;1(97):66–74 (In Russ.).

В лингвистической науке обращение изучается с разных сторон – с точки зрения синтаксиса, прагматики, социолингвистики и исторической лингвистики. В монгольском языке обращение рассматривалось в работах этнолингвистов и социолингвистов, таких как, например, Д. Цэдэв, Ж. Саруулбуян и др. [3]. Русский речевой этикет и систему обращений рассматривали Б. А. Успенский [7], В. М. Живов [1], Т. В. Шмелёва [9] и др.

Речевой этикет играет значимую роль в процессе установления коммуникативных отношений между людьми, является одним из базовых элементов в сфере межкультурной коммуникации. «Речевой этикет – это совокупность правил речевого поведения людей, определяемых взаимоотношениями говорящих и отражающих вежливые отношения между людьми» [6, с. 10].

Речевой этикет отличается несомненной национально-культурной спецификой, которая обуславливается менталитетом, традициями, культурно-историческими ценностями социума; это правила речевого поведения, «...обязательные для членов общества, национально специфичные, устойчиво закреплённые в речевых формулах, в то же время исторически изменчивые» [8, с. 36].

Обращение в акте коммуникации выполняет функции установления и поддержания контакта между адресатом и адресантом. Выбор средств выражения обращения зависит от специфики языка, на котором осуществляется коммуникация, от особенностей национального речевого этикета. Обращение – это один из важнейших элементов общения, который помогает установить контакт между собеседниками, выразить уважение, привязанность, благорасположение или, наоборот, дистанцированность, нежелание продолжать общение. Выбор формы обращения, использование его на разных этапах коммуникации или, наоборот, желание избежать этой составляющей речевого этикета даёт возможность коммуникантам определить свою роль в процессе общения. В разных языках и культурах существуют свои особенности обращения, которые отражают социальную, традиционную и культурную специфику общества. Анализ этикетного выражения обращения в русском и монгольском речевом поведении с точки зрения пересечения европейской

и азиатской культур является актуальной задачей в свете диалога культур и межкультурной коммуникации.

Речевой этикет реализуется посредством совокупности языковых средств различных уровней: интонационных, морфологических, лексических и синтаксических. Их согласованное или конфликтное взаимодействие в речевом акте детерминирует эффективность или дефектность коммуникативного поведения участников общения.

Монголия представляет собой социокультурный ареал, в котором этикет традиционно занимает и продолжает сохранять статус значимой регулятивной системы. В древнемонгольском обществе этикетные нормы формировались на основе архаических ритуальных практик, включавших комплекс табу, поведенческих ограничений и предписанных ритуальных действий. В процессе социальной эволюции происходила трансформация данного комплекса вербальных и невербальных норм в направлении их упорядочения и систематизации, при этом глубинные, многовековые основы этикетной системы оставались инвариантными.

Для монгольской культуры этикетные предписания обладают характером социального закона, формировавшегося на протяжении столетий и отражающего специфику национальной картины мира. Нарушение этикетной нормы интерпретируется как акт неуважения к коммуниканту и подвергается активному социальному осуждению. Трансляция этикетных норм осуществляется по каналам межпоколенческой преемственности, что обеспечивает их функционирование в качестве основы общественного менталитета. Данные нормы выполняют дифференцирующую функцию, маркируя статус, возраст, степень родства, социальную позицию и иные параметры участников коммуникации.

Именно в таких стандартных ситуациях проявляются многовековые культурно-нравственные традиции, которые чтятся и не нарушаются. Основы монгольского вербального и невербального общения составляют уважение, доброжелательность, благорасположение. При изучении любой национальной культуры необходимо учитывать традиционные правила поведения, потому что в них сосредоточена социальная, историческая, философская, психологическая, биологическая, этническая информация.

Монгольское этикетное вербальное и невербальное поведение имеет уникальные особенности в системе обращений. В традиционном монгольском обществе значение обращения невозможно переоценить, так как оно связано с различными культурными и социальными нормами, сформированными веками, которые определялись бытом и укладом жизни.

В лексике монгольского языка нет термина «обращение», который был бы характерен для определения предикатов в монгольском языке, но существует слово *нэрийдэ*, которое означает «дать какое-то название или человеческое имя», что является приблизительным эквивалентом русскому слову «обращение».

Как и в любом языке, имеющем многовековую историю развития, существует несколько форм обращений: формальное и неформальное. В официальных контекстах используются полные имена со званиями, например *Сайд* (премьер-министр) *Баттулга*, тогда как в неофициальной обстановке могут использоваться только имена, например *Анар*. В монгольском этикетном поле обращения наиболее важным является уважительное отношение коммуникантов друг к другу с соблюдением всех веками выстроенных этикетных позиций, основанных на этикетных формах вежливости. В монгольском языке большое внимание уделяется подчеркнuto уважительному отношению к старшим и значимым людям. Использование форм обращения, таких как *Ага* (брат) или *Эгч* (сестра) позволяет установить более доверительные отношения. Это также показывает уважение к возрасту и положению собеседника. Обращения, связанные с социальным или профессиональным

статусом, имеют определённую нормативность, которая указывает на профессиональную идентичность собеседника, например *багша* для преподавателей или *эмч* для врачей [2, с. 58].

Обращения в монгольской культуре часто сопровождаются дополнительными словами, которые подчёркивают добрые намерения или проявления уважения. Например, фраза *Сайн байна уу? (Как дела?)* может использоваться как форма приветствия и обращения одновременно.

В отличие от русского языка в монгольской семье обращение по имени используется не очень часто, их заменяют или ласковыми прозвищами, или специальными обращениями, что связано с древним представлением о табуировании личных имён, о нежелании привлечь злых духов к человеку.

В монгольском обществе мужчина по социальному статусу и положению выше женщины, что откладывает отпечаток на все стороны общественной и личной жизни. В речевой этикете это особенно наглядно проявляется в обращениях. При обращении к замужней женщине сначала называют имя её мужа, при обращении к незамужней девушке имя отца предшествует её имени. При отсутствии отца к девушке обращаются по имени её старшего брата, если нет брата, то имя матери предшествует имени дочери.

Существует строгая иерархия поведенческого этикета между старшими и младшими: младшие должны подчиняться старшим – это положение даже закреплено в монгольской пословице: «Когда отца нет дома, надо слушать старшего брата, когда матери нет дома, надо слушать старшую сестру». Понятие «родственники» в монгольском языке может обозначаться пятью словами – *Удам, Угсаа, Ураг, Торол, Садан*, которые соответствуют родственным отношениям по крови или браку. Эти слова объединяют понятия «семья», «род», «родственники» и т. д.

Функционирует очень сложная и веками закреплённая иерархия обращения в клане родственников. Семейное сообщество, родство делится на несколько блоков или подсистем, которые определяются рядом критериев: во-первых, родство по крови (родственники мамы), по кости (родственники папы), точка отсчёта сам индивид, два поколения старше и два поколения младше; во-вторых, выделяется линия родства по браку; в-третьих, в зависимости от принадлежности к родству выделяются прямая и боковая линии. В зависимости от ситуации общения в монгольском языке выделяют прямое обращение («лицом к лицу»), когда общение происходит непосредственно между коммуникантами, и опосредованное общение («спина к спине»), когда речь идёт о человеке, не присутствующем при разговоре.

Семейные узы разделены на родственников матери и родственников отца, что определяет сложную систему родственных отношений; соответственно, обращение ко всем им будет отличаться. Кроме того, обращение к родственникам будет зависеть от их возраста. Именно в таких строго иерархических отношениях проявляются многовековые культурно-нравственные традиции. В частности, регуляция форм обращения на «ты» и «Вы» к двоюродным братьям и сёстрам осуществляется с учётом двух факторов: поколенной позиции родителя субъекта речи (*эго*) и возрастного соотношения самих родственников. Если родитель *эго* обращается к своему старшему брату или старшей сестре (родному дяде или родной тете *эго*), то их дети, являясь двоюродными братьями / сестрами *эго*, вне зависимости от хронологического возраста, концептуализируются как «старшие» и требуют обращения на «Вы». В случае, когда родитель *эго* младше своего родного брата или сестры, определяющим становится абсолютный возраст кузенов: старшие кузены получают обращение на «Вы», младшие – на «ты».

Речевые клише в форме обращений не могут быть нарушены при строгом соблюдении родственно-возрастных отношений. Все обращения по линии

отца или матери имеют свое чёткое определение, например: старшая сестра мамы – *Том нагац эгч*, младшая сестра мамы – *Бага нагац эгч*, старшая сестра отца – *Том авга эгч*, младшая сестра отца – *Бага авга эгч*, старший брат мамы – *Том нагац ах*, старший брат отца – *Том авга ах*, младший брат отца – *Бага авгв ах* и т. д. Причём обращения *ах* и *эгч* могут использоваться по отношению к старшим людям, не приходящимися родственниками. В качестве обращений, используемых в официальной форме, встречаются следующие обращения: *нүхэр*, *нүхэд* – товарищ / друг, друзья; *алдартан ноёд* – уважаемые господа; *нутагаархид* – соотечественники, земляки [3, с. 317].

Все этикетные ситуации общения построены на почтительном и уважительном обращении людей друг к другу, особенно ярко это проявляется при обращении младших к старшим. Дети в разговоре с родителями и старшими братьями обращаются к ним почтительно, называют отца *аав* – *папа* вместо общепринятого в быту *эцэг* – *отец*. Мать почтительно называют *эж* – *мама* вместо *эх* – *мать*. Форма обращения *гуай*, которую добавляют к имени старшего человека, подчёркивает уважительное отношение к тому, к кому обращаются; данное слово относится как к мужчинам, так и к женщинам, например: *Намджил-гуай*, *Батэр-гуай* [2, с. 67].

В русском языке местоимения *вы* и *ты* могут использоваться в качестве обращения, например: «Вы не знаете, где улица Мира?», но в монгольском это невозможно: к женщине, которая старше по возрасту, будет закреплено обращение *эгч*, к младшей по возрасту – *духухин*, для мужчины – *ах* (к старшему по возрасту), *дуу* (к младшему по возрасту).

Обращение к незнакомым людям также имеет строгую и регламентированную основу. Если имя человека неизвестно, к нему обращаются: *овгон-гуай* – *почтенный, уважаемый*, если это мужчина; если это женщина, *эмэ* – *бабушка, эгч* – *сестра*, если это женщина средних лет. Детей называют ласково: «*миний дуу, миний хуу*» – «*мой ребёнок, мой сынок*»; «*ах минь*» – «*братец мой*», – так обращается младший мальчик к старшему мальчику; «*эгч минь*» – «*сестрица*», – так обращается девушка к старшей по возрасту женщине.

Юноши-ровесники в обычном разговоре могут называть друг друга *найз* – *приятель, нохор* – *товарищ, овгон* – *старина, найзууд минь* – *друзья мои*. Слова типа *хууш* – «*эй!*» или *нааш ир* – «*иди сюда!*», заменяющие обращение, считаются фамильярными и допустимы лишь между близкими людьми.

Языковая картина мира каждого народа оказывает влияние на функции обращения, главной из которых является функция привлечения внимания, обращение стимулирует, побуждает к общению, но неправильно выбранная речевая формула может привести к коммуникативной неудаче. Обращение, с одной стороны, универсально, т. к. ограничено правилами речевого этикета, принятого в том или ином языковом сообществе, а с другой – уникально, поскольку ориентируется на конкретную ситуацию общения, в которой социальные стереотипы, выраженные формами обращения, оказывают прямое воздействие на коммуникантов. Во всех случаях употребление обращения является стимулирующим, побудительным компонентом высказывания и как формула привлечения внимания собеседника обусловлено спецификой языковой картины мира. С одной стороны, обращение, будучи определяемым правилами речевого этикета, универсально, а с другой – уникально, поскольку является социальным стереотипом, формирующимся параллельно с процессом развития и коррекции языковой картины мира народа.

Этикет является частью культуры народа, развитие которого определено социально-поведенческими нормами, принятыми в том или ином обществе, следовательно, выбор общения определён той ситуацией, в которой происхо-

дит общение, и ролью, которую выбрали коммуниканты или которую им пришлось выполнять в силу различных обстоятельств.

Обращение является важным элементом коммуникации и в русском, и в монгольском языках. В каждом языке существуют свои нормы и правила, которые отражают социальные отношения, культурные традиции и ценности общества. Понимание этих особенностей помогает не только наладить более эффективную коммуникацию, но и уважать и ценить культуру другого народа.

Категория вежливости присуща русскому и монгольскому речевому поведению. Языковая картина мира определяет характер этикетных отношений внутри социума и в отношениях с другими народами. Более стабильная иерархия обращений в монгольском языке, веками сложившаяся субординация отношений между людьми в обществе и в семье делает общение подчёркнуто уважительным и достаточно предсказуемым в плане этикетной формы обращения. Вся система обращений подчёркивает уважительное отношение к собеседнику, что в конечном итоге настраивает коммуникантов на позитивное ведение диалога.

Таким образом, речевой этикет имеет ярко выраженную национальную специфику, которая определяется историей, культурой, нравами и обычаями народа. Изучение этикетных форм обращения в русском и монгольском языках отражают речевое поведение народов, которое обусловлено влиянием европейской культуры, с одной стороны, и восточной, с другой стороны.

Русский речевой этикет претерпел большие изменения, обусловленные историческим развитием страны. Обращение как важная составляющая речевого этикета меняло функции, смысловые нагрузки, лексико-семантическую составляющую: от *сударя* до *гражданина*, причём данное обращение от положительной коннотации перешло к отрицательной; от *барышни* к *девушке*, *женщине* и т. п., что в итоге определяет тональность коммуникации и может влиять на ход коммуникативного акта.

Определённая структурная составляющая в плане систематизации форм обращения в русском языке существует, но, к сожалению, в настоящее время нет единообразия в подходе к решению этой проблемы, к норме употребления обращения. Его формы окончательно не установлены, особенно в плане общения с незнакомыми людьми, что негативно сказывается как на внутриязыковой коммуникации, так и на коммуникативных процессах в свете диалога культур. Рассмотрим некоторые формы обращений, система которых зависит от социокультурного контекста. Основные формы обращения включают:

1. Формальное обращение. В официальных и деловых ситуациях принято использовать фамилии, имена, отчества, например: *господин Иванов, товарищ Иванов* или *Мария Петровна*. В научной литературе ведутся дискуссии о современной норме и узусе по поводу употребления слов *товарищ, господин*. Современные исследователи (такие как Т. В. Маркелова, Е. Г. Малышева) [5, с. 45] анализируют данные обращения как культурные коды, которые по-разному интерпретируются разными поколениями.

2. Обращение по имени. Обращение к человеку по полному имени, как правило, используется в официальной или полуофициальной обстановке. Использование полного имени в неофициальной обстановке, например в семейном кругу, может сигнализировать об определённых претензиях к собеседнику со стороны говорящего: «Андрей, мне надо с тобой серьёзно поговорить по поводу двоек по математике»; краткие формы имени используются в дружески-неофициальной обстановке, в кругу знакомых, родственников, друзей: «Лена, дай мне, пожалуйста, лекции по истории». В дружеской или неформальной обстановке используются уменьшительно-ласкательные формы имени, например: «Светочка, осторожно, здесь высокие ступеньки». Это создаёт атмосферу близости и доверия.

3. Обращение по статусу. В зависимости от статуса собеседника может использоваться соответствующее обращение: например *доктор, профессор*.

4. Титулы и звания. В русском языке распространено использование титулов и званий, которые могут влиять на выбор обращения, – *ректор университета* или *главный врач*.

Часто в русском языке используются обращения без названия конкретно того, к кому обращаются с вопросом: «Скажите, пожалуйста, где здесь остановка автобуса?», «Простите, вы не знаете, где аудитория номер 45?» и т. п.

Таким образом, лингвистика изучает обращение комплексно – не только как грамматическую конструкцию, но и как мощный социальный инструмент, который показывает отношения между людьми, регулирует общение и отражает культурные нормы.

Подводя итоги, можно констатировать: несмотря на наличие уникальных национально-культурных традиций в системе обращений русского и монгольского языков, представляется возможным выявить ряд универсальных структурно-функциональных характеристик.

В русском и монгольском языках существует дихотомия формальных и неформальных обращений, выбор которых регулируется социальными конвенциями.

Оба языка обладают категорией грамматического лица, реализуемой в оппозиции местоимений «*ты / вы*» (рус.) и их монгольских эквивалентов, однако прагматика их употребления демонстрирует культурную специфику. Например, в русском семейном этикете к родителям и сиблингам традиционно применяется местоимение «ты», тогда как в монгольской культуре в аналогичной ситуации к родителям и старшим родственникам предписывается обращение на «Вы».

В рассматриваемых культурах уважительное обращение выступает как значимый социолингвистический маркер, регулирующий межличностные отношения.

В русском и монгольском языках выбор номинации адресата детерминирован комплексом экстралингвистических факторов, включая социальный статус, возраст, степень знакомства и характер отношений между коммуникантами.

Таким образом, при всех типологических и культурных различиях системы обращений в русском и монгольском языках выполняют единую базовую коммуникативную функцию – установление и поддержание социальной связи между участниками диалога, одновременно являясь средством выражения отношения, в первую очередь уважения.

Список источников

1. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века / В. М. Живов. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 591 с.
2. Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов / Н. Л. Жуковская. – Москва : Наука, ГРВЛ, 1988. – 199 с.
3. Киров Е. Ф. Формулы приветствия в русском и монгольском языках / Е. Ф. Киров, Х. Цэцэгмаа // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения / гл. ред. М. Н. Русецкая. – Москва : Гос. ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 317–320.
4. Леонтьев А. А. Национально-культурная специфика речевого поведения = Специфика речевого поведения / А. А. Леонтьев, Е. Ф. Тарасов, Ю. А. Сорокин и др. – Москва : Наука, 1977. – 352 с.

5. Маркелова Т. В. Обращения в семейной коммуникации: культурные коды и межпоколенческие различия / Т. В. Маркелова, Е. Г. Малышева // Социолингвистические исследования. – 2020. – № 3. – С. 45–60.
6. Стернин И. А. Русский речевой этикет / И. А. Стернин. – Воронеж : Воронежский Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, 1996. – 123 с.
7. Успенский Б. А. Историко-филологические очерки / Б. А. Успенский. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 256 с.
8. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст / Н. И. Формановская. – Москва : Русский язык, 2002. – 160 с.
9. Шмелёва Т. В. Обращение в русском речевом этикете / Т. В. Шмелёва // Риторика и речевая культура в современном обществе. – Москва : [Б. и.], 2000. – С. 142–144.

References

1. Zhivov V. M. *Yazyk i kultura v Rossii XVIII veka = Language and Culture in 18th-Century Russia*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury; 1996:591 p.
2. Zhukovskaya N. L. *Kategorii i simbolika traditsionnoy kultury mongolov = Categories and Symbolism of Traditional Mongol Culture*. Moscow: Nauka, GRVL; 1988:199 p.
3. Kirov E. F., Tsetsegmaa Kh. Greeting Formulas in Russian and Mongolian. *Slavyanskaya kultura: istoki, traditsii, vzaimodeystvie. XX Kirillo-Mefodievskie chteniya = Slavic Culture: Origins, Traditions, Interaction. 20th Cyril and Methodius Readings*. Ed. by M. N. Rusetskaya. Moscow: A. S. Pushkin State Russian Language Institute; 2019:317–320.
4. Leontiev A. A., Tarasov E. F., Sorokin Yu. A. et al. *Natsionalno-kulturnaya spetsifika rechevogo povedeniya = Spetsifika rechevogo povedeniya = National-cultural specificity of speech behavior = Specificity of Speech Behavior*. Moscow: Nauka; 1977:352 p.
5. Markelova T. V., Malysheva E. G. Addresses in family communication: cultural codes and intergenerational differences. *Sotsiolingvisticheskie issledovaniya = Sociolinguistic studies*. 2020;3:45–60.
6. Sternin I. A. *Russkiy rechevoy etiket = Russian speech etiquette*. Voronezh: Voronezh Institute for Advanced Training and Retraining of Education Workers; 1996:123 p.
7. Uspensky B. A. *Istoriko-filologicheskie ocherki = Historical and Philological Essays*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury; 2004:256 p.
8. Formanovskaya N. I. *Russkiy rechevoy etiket: normativnyy sotsiokulturnyy kontekst = Russian Speech Etiquette: Normative Sociocultural Context*. Moscow: Russkiy yazyk; 2002:160 p.
9. Shmeleva T. V. Address in Russian Speech Etiquette. *Ritorika i rechevaya kultura v sovremennoy obshchestve = Rhetoric and Speech Culture in Modern Society*. Moscow; 2000:142–144.

Информация об авторах

Т. М. Терещенко – кандидат филологических наук, доцент, преподаватель кафедры русского языка;

И. В. Шиндряева – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой русского языка.

Information about the authors

T. M. Tereshchenko – Candidate of Philology, Associate Professor, Lecturer at the Department of Russian Language;

I. V. Shindryaeva – Candidate of Sociology, Head of the Department of Russian Language.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 16.03.2026.

The article was submitted 12.02.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 75–88.
Humanitarian Researches. 2026;1(97):75–88.

Научная статья
УДК 821.161.1

ПОЭТИКА КНИГИ Б. ШИРЯЕВА «НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА»

Анна Александровна Боровская

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия,

Аннотация. Статья посвящена исследованию художественных особенностей книги Б. Ширяева «Неугасимая лампада», которая представляет собой пограничную в жанровом отношении форму, совмещающую признаки цикла и завершенного целого. Стремление писателя не только изложить историю Соловков и воссоздать полную картину лагерной жизни, но и раскрыть тему духовной свободы и подвижничества позволяет «сцепить» отдельные главы-фрагменты в единую структуру. Сочетание авторской установки на документальность и «фермент недостоверности» является миро-моделирующим принципом в тексте Б. Ширяева. Жанровое многообразие частей и главок внутри книги, включающей элементы летописи, публицистического, сюжетно-бытового и портретного очерков, сказания и предания, способствует всестороннему изображению быта и бытия Соловецких островов. Автор работы фокусирует внимание на циклообразующей функции приёмов монтажа, проспекции и ретроспекции, со-и противопоставления отдельных частей и глав. Становление автобиографического героя – воцерковлённого человека – выступает в качестве «оцеляющего» фактора, служит основой для макросюжета «преображения». Мотив поиска духовного ориентира в лагерьном «антимире», где властвуют «бесы», Б. Ширяев вписывает в евангельский контекст. Траектория экзистенциального путешествия рассказчика повторяет крестный путь Христа: восхождение на Соловецкую Голгофу – испытание веры и искупление – возрождение и обретение Бога. Важную роль в развитии макросюжета, по мнению автора статьи, играет мотив сплетения, «узора» времён. Оппозиция «временное – вечное», полюса которой расположены, соответственно, в начале и конце текста, определяет его аксиологию. Центральный символ в художественной системе цикла-повести «Неугасимая лампада» воплощает авторскую мысль о победе вечного над временным, духа над плотью. В процессе развертывания сюжета литургический предмет перерастает в образ и обретает символично-аллегорический статус. Мифологические аллюзии, выстраиваясь в единую цепь, скрепляют дискретное повествование. Семантика образа Соловков связана с евангельским Гефсиманским садом, горою Голгофой и утопическим градом Китежем.

Ключевые слова: поэтика, книга, циклическое образование, жанр, Б. Ширяев, архитектура, образ-символ, мотив

Для цитирования: Боровская А. А. Поэтика книги Б. Ширяева «Неугасимая лампада» // Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 75–88.

Original article

THE POETICS OF B. SHIRYAEV'S BOOK "THE UNQUENCHABLE LAMP"

Anna A. Borovskaya

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, borovskaya-anna@bk.ru

Abstract. This article explores the artistic characteristics of B. Shiryayev's book "The Unquenchable Lamp," which straddles the genre line, combining elements of a cycle and a complete whole. The writer's desire not only to recount the history of Solovki and recreate a

full picture of camp life but also to explore the theme of spiritual freedom and asceticism allows for the individual chapters and fragments to be “linked” into a unified structure. The combination of the author's focus on documentary style and the “ferment of unreliability” serves as the world-modeling principle in B. Shiryayev's text. The diverse genres of the sections and chapters within the book, which include elements of chronicle, journalistic, narrative, and portrait essays, as well as tales and legends, contribute to a comprehensive depiction of the daily life and existence of the Solovetsky Islands. The author focuses on the cycle-forming function of montage, prospection and retrospection, and the juxtaposition and contrast of individual sections and chapters. The development of the autobiographical hero – a churchgoer – acts as a “healing” factor, serving as the basis for the “transfiguration” macro-plot. B. Shiryayev places the motif of searching for spiritual guidance in the camp “anti-world”, where “demons” reign, within the Gospel context. The trajectory of the narrator's existential journey echoes Christ's Way of the Cross: the ascent to the Solovetsky Golgotha – a test of faith and redemption – rebirth and the discovery of God. According to the author, the motif of the interweaving, the “pattern” of times, plays a key role in the development of the macro-plot. The opposition of “temporal” and “eternal”, whose poles are located at the beginning and end of the text, respectively, defines its axiology. The central symbol in the artistic system of the cycle-story – the Ever-burning Lamp – embodies the author's idea of the victory of the eternal over the temporal, of spirit over flesh. As the plot unfolds, the liturgical object develops into an image and acquires a symbolic and allegorical status. Mythological allusions, woven into a single chain, anchor the discrete narrative. The semantics of the Solovki image are linked to the Gospel's Garden of Gethsemane, Mount Golgotha, and the utopian city of Kitezh.

Keywords: poetics, book, cyclical formation, genre, B. Shiryayev, architectonics, image-symbol, motif

For citation: Borovskaya A. A. The poetics of B. Shiryayev's book “The Unquenchable Lamp”. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2026;1(97):75–88 (In Russ.).

Творчество писателя-эмигранта Б. Ширяева – один из значительных феноменов литературы русского зарубежья. Его книга «Неугасимая лампада» является первым образцом лагерной прозы. Художественно-документальная природа текста привлекает к нему внимание историков. Так, С. Филимонов в своей статье посредством сопоставительного анализа выдвигает гипотезу о возможном прототипе «фрейлины трёх императриц». По его мнению, за безымянной героиней скрывается сестра министра Императорского двора баронесса Фредерикс [7]. Е. Сковорода рассматривает художественные образы сотрудников СЛОНа в книге писателя, привлекая архивные источники, «позволяющие подчеркнуть связь художественного вымысла с реальными историческими событиями» [5, с. 36]. Статья М. Трубицыной посвящена теме подвига «новомучеников XX века» в книге Б. Ширяева. Внимание автора сосредоточено на анализе образа Иллариона (Троицкого). М. Трубицына убедительно доказывает, что «писатель создаёт широкую панораму существования послереволюционной России в лагерном режиме» [6, с. 123]. Художественные особенности повести Б. Ширяева «Неугасимая лампада» становятся предметом исследования в статье В. Захаровой. Автор выявляет основные лейтмотивы, способствующие «оцельнению» «сборника рассказов о российской каторге» – неугасимой лампады духа, свободы, преображения и «контраста временного и вечного» [4, с. 102]. Авторы предшествующих работ, в которых рассматривались отдельные аспекты поэтики произведения, фокусировали своё внимание на документальной составляющей, оставляя ряд проблем, определяющих художественное своеобразие, нерешённым. Такой одномерный взгляд на художественную природу книги Б. Ширяева сужает круг потенциальных интерпретаций.

Дискуссионным по-прежнему остаётся вопрос о жанровом статусе книги Б. Ширяева. В научной литературе сосуществуют различные обозначения жанра – «книга очерков», «сборник рассказов», «философский роман», «цикл воспоминаний», «мемуары». Первые российские издатели называли её «кни-

гой рассказов» (Сретенский монастырь в Москве). Сам автор оформил её как повесть. В. Захарова именует произведение «книгой очерков» [4, с. 101]. На первый взгляд текст писателя-эмигранта представляет собой цикл рассказов или очерков, объединённых общей идеей и авторским замыслом, но при более детальном изучении можно убедиться в том, что «Неугасимая лампада» является более цельным образованием – повестью. На возможность подобной идентификации указывают большая по сравнению с циклом спаянность главок-фрагментов, наличие сквозного автобиографического героя-рассказчика и единый макросюжет.

«Неугасимая лампада» сочетает различные жанрово-стилистические формы, которые формируют сложную архитектуру произведения. Писатель обращается к публицистическому, сюжетно-бытовому и портретному разнообразиям очерка, беллетризованным воспоминаниям, этиологической легенде, летописи, преданию, сказанию, которые взаимодействуют друг с другом, создавая многослойный текст, где звучат голоса разных эпох и культур. Сам автор в первой главе обозначает эту эстетическую установку: «Множество древних сказов записано узорной вязью древнего полуустава на желтых листах соловецких летописей, размётанных налетевшей на Святой остров непогодью и снова собранных по тёмным подклетьям пришедшими в монастырь новыми трудниками. Множество чудесных былей рассказывали и чернецы, оставшиеся на Соловках по скончании монастыря. Многие, уже забытое на Руси, они ещё помнили. Недаром чутко слушавший народную молвь поэт писал: "Господу Богу помолимся, / Древнюю быль возвестим. / Так в Соловках нам рассказывал / Инок честной Питирим..."» [8, с. 10–11].

Книга состоит из пяти частей и тридцати трёх глав, каждая из которых обладает определённой степенью завершённости. Расположение фрагментов в таком порядке представляется не случайным. Кольцевая композиция повести, принципы монтажа, со- и противопоставления служат средством «оцельнения» художественного мира и выражения авторской идеи о духовном преображении.

В первой части кратко изложена история Соловков, на примере которой писатель показывает зарождение и развитие в России инакомыслия, народной вольницы. Глава «Святые ушкуйники» содержит информацию о соловецких монахах. Заглавие символично: ушкуйниками принято было именовать новгородских пиратов, которые помогали князьям расширять свои территории. В книге Б. Ширяева ушкуйниками названы монахи-отшельники, прибывшие на остров для затворничества и искупления грехов. Значимое историческое событие, которое служит отправной точкой в развитии макросюжета книги, – строительство первого храма Господня на Соловках. Для Б. Ширяева было важным провести параллель между послушанием монахов и физическим трудом заключённых, который автор трактует как духовное освобождение и спасение: «Соловецкие монахи – особенные. Других таких по всей Руси не было: не в молитве, а в труде спасались. <...> Так в истинных древнего писания Житиях сказано» [8, с. 26]. Соловки – не столько история Святой обители, сколько «трудничества» в широком смысле слова: на смену монахам приходили ссыльные запорожские атаманы, затем декабристы, наконец, последние свидетели разгромленной русской культуры. Писатель в «Неугасимой лампаде» создаёт сложную художественную систему, в которой переплетаются документальная достоверность и символический подход к отражению объективной действительности.

Б. Ширяев использует приём стилизации, имитируя хроникальный принцип изложения. В главе доминирует безличное повествование, увеличивающее дистанцию между автором и нарратором, что соответствует летописному жанру. Рассказывая о возникновении Соловецкого монастыря, об одном из первых его основоположников – святителе Зосиме, писатель чередует до-

кументальный и религиозный дискурсы: «Соловки – дивный *остров молитвенного созерцания*, слияния духа временного, человеческого с Духом вечным, Господним. <...> *Остров невелик, длиной 22 версты*, шириной 12, а озёр на нём 365, – сколько дней в году. <...> Святитель Зосима вечный пост на неё наложил: убоины всем тварям лесным не вкушать, а волкам, что не могут без горячей крови живыми быть, путь с острова указал по своему новгородскому обычаю» [8, с. 2]. Географическая точность в описании Соловецкого острова, свойственная очерку, сочетается с концептуальностью христианской аксиологии, характерной для проповеди или молитвы. Вместе с тем автор вводит традиционный агиографический мотив – умение святого повелевать животными: «волки послушались слова святителя». Обращение к волкам содержит церковно-приходскую лексику, которая используется в «сказах» и житиях: «– И вы, волки, твари Божие...» [8, с. 2].

Для создания образа священного, волшебного места Б. Ширяев прибегает к реминисценции, отсылающей к «Сказке о царе Салтане» А. С. Пушкина: «Кажется вот-вот и выйдут из пены тридцать три сказочных богатыря и пойдут дозором по берегу» [8, с. 7]. С этой целью автор обращается и к народным легендам, в частности о граде Китеже: «Упал *вечевой* колокол, сорванный грозной рукой Московского царя. Он – *временный, земной, человеческий*. Но пели свою горную песнь звонницы Святой Софии. Они – *вечные, Божеские*. Им отзывались из ясной озёрной глубины *незримые* колокола Преображенного града Китежа» [8, с. 5]. Традиционные для христианской догматики ценностные оппозиции «временное – вечное», «земное – небесное», «человеческое – божественное» определяют художественную картину мира в тексте Б. Ширяева. Писатель нанизывает однородные эпитеты, использует многочисленные повторы, антитезы и инверсии. Такие приёмы сблизжают язык первой главы со стилем «плетения словес», характерным для древнерусской агиографии. Сакрализации пространства способствует перечисление имён побывавших на Соловках исторических личностей – Петра Андреевича Толстого, Бориса Годунова, Петра-императора, трудившихся здесь или делавших монастырю пожертвования. Сведения об этом хранились в записях архимандрита, но после непринятия нового устоя патриарха Никона и несправедливо разрешившейся осады Соловецкой крепости, он увёз большую часть, меньшая оказалась потерянной. Летопись позволяет структурировать повествование, намечая чёткую последовательность событий, которая ведёт читателя от прошлого к настоящему.

Первую главу завершает метаповествовательная формула-реминисценция, которая, с одной стороны, отсылает к «Повести временных лет», с другой – к статье А. Блока «Безвременье»: «О них эта запись безвременных лет» [8, с. 6]. Первая глава выполняет функцию пролога, она отличается от основного повествования своим языком, в котором органично переплетаются архаизмы, церковная лексика, историзмы, создавая «причудливый до невероятия узор», в котором объединяются «прошлое с будущим, уходящее с наступающим». Авторская концепция находит воплощение и в смене названия парохода, который вёз заключённых на Соловки: слова «Глеб Боккий» были бледными, и «сквозь них можно было увидеть старую надпись, “глубоко всосавшуюся” “Святой Савватий”» [8, с. 23].

Образу Святой Руси противостоит Русь Советская, «низвергнувшая крест и звезде поклонившаяся» [8, с. 6]. Остальные главы первой части представляют собой художественное исследование лагерной жизни, в которых подробно описывается быт каторжан. Сюжетную основу большинства отрывков составляет конфликт между «личностями» и «мизерами». Привлекая широкий фактический материал, Б. Ширяев даёт систематический обзор преступлений правящего режима против своего народа: приводит историю всех волн

репрессий, начиная с 1922 г., составляет типологию начальников СЛОНА, прослеживает эволюцию лагерной системы с 1922 по 1937 г.

Рисую целостную картину лагерного бытия, писатель обращается к жанрам портретного очерка, позволяющему создать целую галерею образов соловецких узников, бытовой зарисовки и сценки, описывающих повседневную жизнь каторжан, исторической справки, помогающей сделать обобщающие заключения об антигуманной природе лагерной системы. В главе «Без вины виноватые» Б. Ширяев приводит классификацию заключённых Соловецкого лагеря – уголовников (воров-рецидивистов, бандитов и «мокрытников») и «политических», прежде всего «казров» (осуждённых за контрреволюционную деятельность), включающих офицерство, духовенство, лицеистов, фокстротчиков, матросов-анархистов, профессоров, финансистов, валютчиков, вернувшихся из эмиграции сменовеховцев, заблудившихся в РСФСР иностранцев.

Подробное изображение быта узников лагеря и упоминание исторических документов придаёт произведению реалистичность и правдоподобие. Так, автобиографический герой приводит рассказ об уникальном засоле соловецкой сельди, за которую царь жаловал монастырю щедрые дары из золота и самоцветов, и подтверждает этот факт цитатой из «кладовых» и «рухольных» листов, стоящих за стеклом в бывших палатах архимандрита: «Один лишь он знает стародавнюю тайну засола редкостной соловецкой сельди. Другой такой в мире нет: жирная, нежная, во рту тает, не уступит ни белорыбице, ни осетровой тёшке. В древние времена обоз такой сельди по первопутку из Кеми в Москву уходил – к самому царю. Жаловал Тишайший монастырскую рыбицу и вкушал её на Филипповки...» [8, с. 25]. Историческая точность проявляется в исследовании обычаев и законов блатного мира: «...деревянный ящик, но из него сверху торчит взлохмаченная голова, а с боков – голые руки. Это шпаненок, ухитрившийся на Кемском пересыльном пункте проиграть с себя всё» [8, с. 6]; норм и запретов, регулирующих жизнь в лагере: «Любовь была строжайше запрещена на Соловках, и преступления против этого запрета жестоко карались; Ромео шёл на Секирку, Джульетта – на Зайчики» [8, с. 12]; в приведении разнообразных статистических данных: «Каторжное население Соловков в первые годы их существования колебалось от 15 до 25 тысяч. За зиму тысяч семь-восемь умирало от цинги, туберкулёза и истощения» [8, с. 11]. Вместе с тем Б. Ширяев сопровождает изложение фактов прямой или опосредованной авторской оценкой, он не ограничивается скрупулёзным воспроизведением подробностей лагерной жизни, а особым образом организует повествование, чтобы донести основную идею о пагубном влиянии тоталитарной системы на личность. Так, писатель сопоставляя факты, ставит в один ряд жёсткие законы «урок» и конвоиров: «Блатной закон не знает пощады: проиграл – плати. Не знает пощады и ГПУ: остался голый – мёрзни» [8, с. 6]. Б. Ширяев вводит читателя в тюремный мир, где «динама», «палец», «служба» – элементы воровского кодекса, основанного на обратной по отношению к классической морали логике. В то же время и система лагерных законов показана как искажённый вариант правосудия. Автор делает акцент на антигуманном отношении к заключённым: «Кормили непрерывно и неизменно похлебкой из голов трески. Хлеба, очень плохого – полкило. Жиров не было совсем. Цинга и туберкулёз развивались быстро, и с необычайной силой. Заболевший редко задерживался в лазарете более месяца перед последней путёвкой в “шестнадцатую роту”. Там его ждала всегда разверстая братская могила» [8, с. 51]. Тема выживания в невыносимых условиях является центральной в произведении, писатель поднимает проблему сохранения человечности, милосердия и христианской любви: «в таком месиве, что и брата родного не угадаешь...» [8, с. 86]. Превращению людей в «протоплазму» противостоят в «Неугасимой лампаде»

чувство собственного достоинства, верность неизменным нравственным ценностям, истинный «аристократизм духа».

Вторая часть книги «Неопалимая купина» – собрание литературных портретов узников СЛОНа. В главах изложены факты биографии персонажей, характеры каждого из которых – будь то монах Васька Иванов, снявший в тюрьме постриг, Миша Егоров по кличке «Парижанин», «разгуливающий по монастырским дворам с тою же тростью, в том же шёлковом кашнэ и надетой набекрень фетровой шляпе», или Сергей Арманов, талантливый провинциальный актер и основатель лагерного театра, – в процессе развития сюжета раскрываются. Особую роль в композиционной структуре главок играют внесюжетные элементы. В качестве одного из них выступает житие Зосимы, из которого автор черпает информацию о быте соловецких монахов, о пророчествах святителя, который предвидел кончину новгородских бояр. Б. Ширяев проводит параллель между чудесными предвидениями Зосимы и предсказанием современного рассказчику схимника-молчальника о скорой смерти товарища Ногтева.

Автор изображает, как многие заключённые проходят путь духовного очищения и воскрешения, точно так же, как до них проходили его монахи-схимники, которые возвели храм во славу святого Преображения из валунов и бурелома. Б. Ширяев лаконично и ёмко описывает самих персонажей, их поведенческие стратегии и мотивации, раскрывая противоречивость и неоднозначность их поступков и характеров. Например, «форменная зверюга» Ногтев много пьёт, чтобы забыться и уснуть, поскольку склонен к рефлексии. В сцене встречи «владыки острова» со схимником совесть просыпает в нём, он чувствует свою вину и хочет её искупить: «Ногтев не только оставил схимника в землянке, но на паёк его зачислил и службу к нему из монахов приставил» [8, с. 4]. Все усилия актера Арманова направлены были на исполнение самой заветной мечты, чтобы его фамилия красовалась на афише, написанная крупнейшими буквами. Арманов сделал для этого всё, даже то, что казалось невозможным. Б. Ширяев таким образом поясняет, что стремление организовать театр было связано не с мотивами «насолить» начальству, а с глубинными, потаёнными, почти детскими мечтами. Необычна даже для Соловков история синьора Виоляро, молодого дипломата, женившегося на русской эмигрантке – княжне Чавчавадзе, рискнувшего ради своей жены приехать в СССР за её матерью и очутившегося в лагере.

Центральное положение во второй части занимает глава «ХЛАМ». Эта аббревиатура – название театра, организованного «порядочными» заключёнными на Соловках, которая расшифровывается «Художники. Литераторы. Актеры. Музыканты». Вместе с тем слово «хлам» имеет значение «старое, бесполезное, ненужное». Так иронично «казэры» именуют самих себя, а также русскую культуру, оказавшуюся невостребованной в новой «Руси Советской». Рассказ автобиографического героя о создании лагерного театра, о работе по выпуску газеты «Новые Соловки» и журнала «Соловецкие острова» иллюстрирует парадоксальную мысль о том, что СЛОНа оказался последним островком свободы в Советской России, а также убеждение, что только вера способна подтолкнуть человека к сопротивлению обезличивающей системе: «Прошли десятилетия, и многим казалось, что воля к личному подвигу сокрушена, растёрта в прах тяжким жерновом социалистической обезлички. Казалось, что угасла приглушённой Неугасимая Лампада – душа России... Казалось и мне тогда... Но только казалось» [8, с. 141]. Смысловый потенциал оппозиций «человеческое – звериное», «духовная свобода – конформизм» определяет характеристики руководителей лагеря – Васькова, Когана, Эйманса и Райвы. Васьков был, как говорит сам рассказчик, «редкостным болваном и тупицей», но глупость свою осознавал и восполнял этот пробел, чутко подбирая себе умных помощников и перекладывая на них работу. Райва

прославился как «гонитель любви» на Соловках, однако увидев своего пародийного «двойника» на сцене, принял эту вольность, не мстил за «критику» и давал актеру свою фуражку. Писатель создаёт психологический портрет персонажа, акцентируя внимание на том, что ничто человеческое начальникам не чуждо. Райва обладал достаточной долей самоиронии, в отличие от надсмотрщиков «рабсилы», сатирически изображённых в скетче, которые требовали запрета пьесы и травили её автора и актёров.

В четвёртой части Б. Ширяев создаёт галерею образов соловецких праведников – отца Никодима, Баронессы, фрейлины трёх императриц, Василька, «доктора блатного права», Силина, пожертвовавшего своей жизнью, чтобы другие совершили побег. Начинается часть главой «Преддверие», которая в жанровом отношении представляет собой синтез беллетризованного очерка и бытовой зарисовки. Её сюжет ограничивается одним событием – празднованием в камере-келье заключёнными Рождества Христова. На примере одного эпизода писатель раскрывает тему единения людей различных конфессий (старообрядца, католика, лютеранина, православного, мусульманина, иудея), национальностей (поляка, еврея, русского, турка, немца) и убеждений (атеиста, белогвардейца, большевика), сплотившихся в противостоянии лагерной системе. Такая солидарность объясняется рассказчиком, с одной стороны, общим стремлением к свободе, с другой – таинством веры, «воссиявшей в мире Высшим Разумом». Такие сюжетно-бытовые очерки помогают передать атмосферу места и времени, в котором происходят события, делая текст более живописным и выразительным. Б. Ширяев так монтирует документальный материал, что из него выстраивается некое сюжетное единство: сквозным в первой части становится мотив неугасимого света, духовного восхождения ушкунников, а в финале пятой части такую же роль играют мотивы Преображения Соловецкого Китежа, Вечной жизни Духа. Б. Ширяев выбирает те судьбы, которые свидетельствовали бы о способности человека сохранять в ссылке живую душу. Неслучайно автор в главе «Друг за други положивший» тщательно собирает истории побегов из лагеря.

Третья, центральная часть «Неугасимой лампы», посвящённая «летописи мужицкого царства», представляет собой контаминацию нескольких фольклорных жанров. Рассказчик называет её «повестью», которую пересказал ему его сотоварищ по вязке плотов Алексей Нилович. До лагеря он жил в с. Урени, которое было отрезано от мира лесом и болотом. Этим объясняет автобиографический рассказчик продолжавшуюся там по старым, «крепким, как княжеский дуб», традициям жизнь, не знавшую о коренных переменах. Повествование в этой части меняется на коллективно-сказовое. Особую роль в нём играет речевая манера «сказителя», которая определяет языковые особенности третьей части. Автор прибегает к приёму стилизации: фрагмент книги насыщен просторечными словами, диалектизмами и регионализмами: «Повыли бабы, поголосили да и угомонились. Бывало такое и раньше, но хранил Господь Урени. <...> А хлебушко-то – он не купленный, без него же и мышь не живёт. Пошлёт Господь дождичка во благовременье – сыта земля и радуется, прогневается – Его святая воля, – иссохнет земля в печали и несть человекам на потребу...» [8, с. 52–53]. В произведении присутствуют и характерные для тех краёв присказки: «воду лаптем черпали», оно богато колоритными выражениями, отличающими сказовое повествование: «человекам на услаждение», «зубная хворь», «светлая зоренька». В то же время автор имитирует признаки фольклорных жанров – предания и сказания, повествующих о событиях далёкого прошлого, объединённых установкой на достоверность, в отличие от сказочной прозы. Хронотоп в третьей части организован утопическим дискурсом: жизнь в Урених и «правление» избранного крестьянами «мужицкого» царя Петра Алексеевича идеализированы рассказчиком, а сама его фигура наделяется чертами былинного героя: «Из-за гряды

медленной, осанистой поступью выходит Пётр Алексеевич и подлинным русским богатырем плавною, величавою стопою идёт к берегу» [8, с. 80]. Прототипом образа Петра Алексеевича является первый русский император Пётр I, вольность и стихийность действий которого была непонятна многим и породила легенду о подмене. Неслучайно воинский начальник призыва говорит: «– Стоять бы тебе, ...Алексеев за императорским тронем в золотой броне» [8, с. 59]. Однако автор обращается не к реальной личности Петра I, а к её восприятию в народных исторических преданиях. В образе Петра Алексеевича Б. Ширяев воплощает утопическую мечту русского народа об идеальном царе, что соотносится с представлениями российского общества о Богом избранной власти. Так, Ногтев, разглядывая «мужицкого» царя, говорит: «Кабы такой сидел, вместо Николки, пожалуй, и революции бы не было» [8, с. 78].

Происходящее в Уренях – уменьшенная модель истории России. Эпизации повествования способствует фольклорный зачин: «По-прежнему гукал и ухал в них старый хозяин – леший, пугая припоздавших баб-грибовниц; в ясные майские ночи выходили из своих болотных горниц бесстыжие чарусные девки, плескали лебедиными крыльями жемчужную гладь лесных озёр, а мглистую осень, когда первые утренние заморозки знобили алые нити рябины и завертывали в трубку дубовый лист, уставший за летнюю страду Ярило-Купала отпускал на волю двенадцать сестер-трясовиц, и они плясали в болотном мареве, взмахивали откидными рукавами серых саванов, нагоняли на уренчан огневые лихоманки» [8, с. 51]. Автор воспроизводит особенности национального религиозного сознания, основанного на православно-языческом синкретизме. В русской народной культуре органично соединяются языческие верования (Ярило-Купала, сестры-трясовицы, леший, огневые лихоманки), отражающие гармоничные отношения крестьянина с природой, и христианские постулаты. Так, канонические православные праздники служат основой линейного времени и главных событий в жизни сельчан и самой «повести». В Прощёное Воскресение происходит завязка действия – Фролка Гунявый приводит в село неизвестных людей. Товарищи Фролки изображены карикатурно: в руках у каждого винтовка, под тулупом целые полосы патронов, на поясе «леворверты». После прихода большевиков он обретает власть – сидит в доме священника и закуривает папиросу от «неугасимой лампадки» – первая «трещина» старых устоев. Второе, более явное для всех, падение патриархальной Руси начинается с насильственного изъятия самого дорогого для крестьянина – «хлебушка».

Особую роль в структуре книги играет этиологическая легенда. Сюжетообразующую функцию в тексте выполняет образ-мотив Неугасимой Лампады. Рассказ о том, как литургический предмет перерастает в образ и обретает символический статус, составляет основу соловецкого предания: «Когда в елей Неугасимой Лампады каплет кровь, её пламя вздымается ввысь, блистая и сияя всеми переливами небесной радуги – знака обета Вечной Жизни. Оно, как крыло серафима. Терновый венец сплетается с ветвями Неопалимой Купины и её свет с пламенем горящей в лампаде крови» [8, с. 145]. Элементы этиологической легенды Б. Ширяев использует для создания других образов-символов – креста и леса, которые в сознании рассказчика становятся Соловецкой Голгофой: «Место панихиды? Конечно, “Голгофа” – полянка за святым озером, в лесной глуши, у каменного креста на крови» [8, с. 131]. Этиологическая легенда способствует сакрализации пространства и объектов, помогает укрепить связь между прошлым и настоящим, создавая ощущение преемственности и непрерывного течения времени.

Книга Б. Ширяева «Неугасимая лампада» – сложная конструкция, в которой выделяется несколько смысловых центров. Повествование ведётся от первого лица, структурообразующую функцию выполняет автобиографический герой-рассказчик, жизненный путь которого прослеживается

от Соловков до лагеря для перемещённых лиц в Италии. Находясь в заключении, главный герой испытывает страх утратить веру, однако одновременно чувствует необходимость поддерживать свои духовные искания, именно они определяют особенности макросюжета книги, который организует и связывает различные микроэлементы в сверхтекстовое единство и представляет собой реализацию модели сюжета-становления: «Но поиск теперь превратился в становление, то есть обрёл процессуальность не только внешнюю, но и внутреннюю: в него вошла конкретная ситуативность вместе с историческим временем, благодаря чему и персонаж, и событие стали переменными величинами, а герой и его изменения приобрели сюжетное значение» [1, с. 291–292]. Архетип циклической сюжетной схемы описывает процесс трансформации персонажа, его переход от одного состояния к другому, который включает несколько стадий: отчуждение – персонаж оказывается в ситуации, которая отделяет его от привычного окружения и вынуждает начать поиск новых смыслов; путешествие / поиск – герой отправляется в путешествие или начинает искать ответы на свои вопросы; препятствия и испытания; кульминация – наивысший момент наибольшего напряжения и опасности; разрешение. Автобиографический герой оказывается в положении отчуждения дважды: по прибытии в лагерь и в первые дни после возвращения. Рассказчик начинает своё метафорическое путешествие в поисках сначала своей веры, а затем (по выходу из лагеря) утраченной лампы (смысла жизни). Книга состоит из тридцати трёх глав, что соответствует земному возрасту Христа. Такое деление текста позволяет провести параллель между образом автобиографического рассказчика и Сыном Божиим и символизирует духовный путь, пройденный героем: восхождение на Соловецкую Голгофу – испытание веры и искупление – возрождение и обретение веры в живой «дух Руси».

Рамочное построение основано на повторе образов и ситуаций. В начале книги автор использует летописный слог, который в заключительных фрагментах перерастает в пророчески-визионерский. В первой части автор, рассказывая историю Соловков, противопоставляет Святую Русь, осколком которой является Соловецкая Голгофа, Руси Советской. В финале пророчество о седьмом Ангеле, который оповестит о втором пришествии Христа, продолжает тему торжества света надо тьмой: «Я снова всмотрелся в ушедшее и теми же глазами увидел иное. Дивная, несказанная прелесть Преображенного Китежа засияла из-за рассеянной пелены кровавого, смрадного тумана. Обновлёнными золотыми ризами оделись обгорелые купола Соловецкого Преображенского собора, вознеслись в безмерную высь и запели повергнутые на землю колокола. Неземным светом Вечного Духа засияла поруганная, испепелённая, кровью и слезами омытая пустынь Русских Святителей, обитель Веры и Любви. Стоны родили звоны. Страдание – подвиг. Временное сменилось Вечным» [8, с. 147]. Однако если в первой части преобладали мотивы страха и страдания, то в пятой – очищения и воскрешения. Оппозиция «временное – вечное», полюса которой расположены, соответственно, в начале и конце текста, определяет его аксиологию. Вместе с тем на сюжетном уровне мотивы пути и встречи закольцовывают книгу: в начале произведения автобиографический рассказчик знакомится с заключёнными и начинает свой путь к преображению, в конце – вновь встречает того, с кем вместе отбывал срок, и продолжает своё путешествие. Такая архитектура повести соответствует циклическому мифологическому времени: «Такими я вижу теперь Соловки...» [8, с. 6]; «Прошло двадцать три года, как колючая проволока Кемского пересыльного пункта осталась позади меня» [8, с. 141]. Кольцевое построение реализуется и в субъектной сфере: третья часть, написанная преимущественно в форме сказа, обрамляется перволичным повествованием, а её вступление и окончание, в свою очередь, организованы фигурой

автобиографического рассказчика. Книга Б. Ширяева начинается и заканчивается упоминанием атамана Запорожской сечи Петра Кальнишевского: могила в стенах Соловецкого кремля последнего узника царской России, не захотевшего вернуться в «суетный, ставший чуждым ему мир», превращается в пятой части в «гробницу “святого Кудеяра”». Реминисценция, отсылающая к поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», вводит тему раскаяния, нравственного восхождения и преображения. Принцип кольца, лежащий в основе архитектоники «Неугасимой лампы» Б. Ширяева, способствует усилению эмоционального воздействия на читателя, подчёркивая повторяемость и неизменность человеческого опыта.

Основное повествование в тексте Б. Ширяева прерывается разного рода лирическими отступлениями, включающими воспоминания, размышления автобиографического рассказчика и исторически экскурсы, вставными новеллами, к которым можно отнести «Летопись мужицкого царства», развёрнутым авторским комментарием или примечаниями. Подобные инкорпорации нарушают последовательность развития сюжета, создавая иллюзию дискретности, но на самом деле они служат средством психологизма, с помощью которого Б. Ширяев раскрывает внутреннюю жизнь автора-персонажа. Упоминание главным героем событий прошлых лет разрывают основную сюжетную линию, имитируя дискретный поток его мыслей: сначала он описывает своё знакомство с Утешительным попом, рассказавшим ему притчу о блудном сыне, и только в другой главе приводит историю его «преступления» и заключения. Иногда писатель использует приём проспекции, сообщая, как закончится жизнь того или иного персонажа, а затем повествует о том, как и при каких обстоятельствах произошла встреча рассказчика с ним.

Б. Ширяев выстраивает повествование по принципу мозаики – отдельные эпизоды складываются в единую картину лагерного существования, что позволяет писателю показать различные стороны жизни узников. Б. Ширяев прибегает к со-противопоставлению, организующему архитектонику книги, для создания амбивалентного образа Соловков: «Вот, наконец, они, *страшные* Соловки, рассказам об ужасах которых мы жадно внимали в долгие, тягучие часы бутырской бессонницы. Вот они, *проникновенные, молитвенные* Соловки...» [8, с. 21]. Остров является одновременно замкнутым пространством неволи и смерти, из которого нет выхода, и русской Голгофой, где свершается Преображение Духа. Живописные описания природы, проникнутые библейскими мотивами, противопоставлены лагерной реальности, наполненной жестокостью и страданием.

Композиционно текст делится на две больших части. В первой автор изображает Соловки как «проклятое место», своего рода «вывихнутый мир». Хронотоп в повести приобретает архетипические черты: актуализируется мифологический потенциал образа первой советской каторги, который отождествляется с принципами «маскарада» и «священной территории», где сталкиваются бытие и небытие, жизнь и антижизнь: «И теперь... тянутся сюда новые трудники и тоже со всех концов Руси, но уже не Святой, а поправшей, разметавшей по буйным ветрам свою святую душу, Руси советской, низвергнувшей крест и звезде поклонившейся» [8, с. 22]. «Небытие» авторитарного лагерного режима представлено «свернутым» пространством тюрьмы и «застывшим» временем. Принцип контраста, лежащий в основе как пространственно-временной организации и так и образной системы, находит последовательное воплощение на всех структурных уровнях книги Б. Ширяева и предполагает чёткую дифференциацию персонажей на праведников, демонстрирующих силу духа в условиях тотальной несвободы (герой-рассказчик, отец Никодим, Пётр Алексеевич, Василёк, Владыка Илларион, Баронесса и др.), и «бесов» – чекистов, начальников СЛОНа, одержимых властью (Ногтев, Эйхман, Коган, Райва, Френкель и др.), или приспособленцев

(Васька Иванов – поп-расстрига, читающий лекции об атеизме в лагерном антирелигиозном музее).

Вторая половина книги посвящена художественному исследованию духовной составляющей соловецкой жизни. В этом ключе смысловой потенциал образа острова раскрывается в библейском контексте. Монастырь, превращённый в лагерь, становится пространством испытаний и искупления. Его семантика связана с евангельским Гефсиманским садом, горою Голгофой и утопическим градом Китежем. Центральной становится тема духовного подвига. Герои произведения, несмотря на нечеловеческие условия, сохраняют веру, достоинство и способность к состраданию: «Теперь соловецкий критерий порядочности для нас ясен. Парадоксально, но факт. Вырванные из советской жизни, как враги её основ, осуждённые и заклеимённые на материке множеством позорных кличек, здесь, на острове-каторге мы становимся “порядочными”. Но что сулит нам эта “порядочность”?» [8, с. 39].

Книга Б. Ширяева «Неугасимая лампада» представляет собой хронику, в которой сопряжены документальные свидетельства с их художественным осмыслением. Пространство Соловков – арена столкновения двух миров: прошлого, олицетворенного духовной традицией монастыря, и настоящего, воплощённого в жестоком механизме лагерной системы. Писатель конструирует образ Соловков как пространство пограничного существования, в котором человек вынужден выбирать между духовным падением и внутренним преображением.

Важнейшей проблемой в исследовании поэтики «Неугасимой лампы» представляется соотношение документального и вымышленного в конструировании картины мира, в изображении персонажей-каторжан. Л. Гаранин в работе «Мемуарный жанр советской литературы. Историко-теоретический очерк» вводит понятие «документальный образ», который, по его мнению, позволяет запечатлеть реальную личность в мемуарной литературе [2]. Превращение документального образа-характера в эстетически производный – сложнейший процесс, который определяет своеобразие системы персонажей книги. Рисуя портреты узников, начальников и охранников лагеря, Б. Ширяев подчёркивает подлинность прототипа. «Документальность» характеров большинства героев «Неугасимой лампы» (Френкеля, Глубоковского, Тельнова и др.) обуславливает специфические особенности структуры образа. Если в художественном произведении характер создаётся в процессе синтеза того, что является в той или иной степени отражением действительности и того, что является творческой фантазией художника, то в «Неугасимой лампе» характеры соотнесены с той или иной отчётливо «узнаваемой» конкретной личностью. Специфика взаимодействия между фактической составляющей образа и процессом её творческого переосмысления определяется индуктивным принципом, который достаточно точно обозначила Л. Гинзбург: «Если схематизировать эти отношения, то можно сказать, что в сфере художественного вымысла образа возникает в движении от идеи к выражающему её единичному, в литературе документальной – от данного единичного и конкретного к обобщающей мысли. Это разные типы обобщения и познания и тем самым построения художественной символики» [3, с. 7]. Так, Натан Френкель, «оформитель и конструктор системы концлагерей страны победившего Социализма», назван «убийцей миллионов», «коммерсантом большого стиля» и «человеком своей эпохи». Дистанция между автором и автобиографическим героем в книге сокращается, а граница стирается, их точки зрения совпадают, а использование эмоционально-оценочной лексики служит средством выражения модальности: «Столь же *уродлива* была и его психика (сказать – душа было бы ошибкой)», «...он был *концентратом зла* всех видов», «*Ненависть* превышала в нём все другие чувства, желания и страсти...» [8, с. 46].

Особая форма документальности в книге «Неугасимая лампада» – авторские примечания, которые могут содержать дополнительную информацию о жизни героя после лагеря: «К концу отбывания срока В. Шкловский крестился и не скрывал этого. С Соловков он был отправлен в Восточную Сибирь на “вольную” высылку» [8, с. 90]. Достоверность излагаемым событиям придает нежелание писателя сообщать настоящие фамилии тех персонажей, кто был жив на момент написания текста. Так, рассказчик отказывается называть имя Баронессы, фрейлины трёх императриц, «носившей известную всей России фамилию», образ которой напоминает пушкинских героинь, сохраняющих достоинство даже в тяжелейших условиях. Другим примером подобного умолчания служит история Василия Ивановича, прозванного шпаной «Васильком»: «В эту обработку попал тот, кого я условно называю вымышленным именем Иванович, т. к. не уверен в его смерти и никоим образом не хочу нанести какой-либо вред этому светлому во всех днях его жизни человеку» [8, с. 95].

В произведении Б. Ширяева наряду с документальными выделяется целая группа образов, в структуре которых в той или иной степени усилен так называемый «фермент недоверности». Художественный домысел лежит в основе образа Утешительного попа, фамилию которого рассказчик не помнит, но «она ему была и не нужна». Образ Никодима выходит за рамки хроникального повествования и обретает концептуальность. Портрет Никодима построен на актуализации метонимической детали (эпитет «лучистые глаза», «лучистые морщинки»), ассоциативно связанной с солнцем и теплом, которая перерастает в лейтмотив, а сам образ попа становится символом милосердия, христианской любви и всепрощения: «Вспыхивала радужным светом Надежда. Загоралась пламенем Вера, входили они в чёрное, опустошённое, перегорелое сердце, а из другого, светлого, лучисто улыбалась им Любовь и Мудрость немудрящего русского деревенского Утешительного попа» [8, с. 94]. Радость, которой стремился поделиться с каждым Никодим, автор сравнивает с «водой жизни из сосуда Духа», именно она даровала всем нуждающимся утешение. Образ «мужицкого царя» Петра Алексеевича построен на сочетании документальной и художественной составляющих. «Фермент недоверности» основан на авторском мифотворчестве. Царь Пётр олицетворяет собой идею справедливого правления. Б. Ширяев показывает, что крестьянская жизнь основана на понятиях чести, трудолюбия, религиозности. Именно поэтому образ Петра Алексеевича представляет собой синтез различных фольклорных и мифологических ассоциаций: былинный богатырь – Пётр I – Апостол Павел.

Таким образом, «Неугасимая лампада» Б. Ширяева представляет собой смежное образование, объединяющее признаки цикла и повести. Книга писателя – сложная неоднородная структура, включающая различные жанровые формы и стилизации. Жанровое разнообразие частей и глав воссоздаёт полную картину жизни Соловков, которые в понимании автора являются одновременно сакральным и «проклятым местом». Образ Соловков представляет собой культурно-историческую и социально-политическую модель, объединяющую черты Святой Руси и Советской России. Вариативность жанров, смена типов повествования (перволичное, сказовое) и стилистических регистров (разговорный, публицистический, художественный) формируют сквозные смысловые связи между частями книги и способствуют её «оцельнению». Архитектоника повести Б. Ширяева подчинена двум противоположным принципам – фрагментарности и монтажа. Мозаичная композиция позволяет автору показать множество человеческих судеб, «перемолотых» Соловками, и «вплести» их в общую «узорную вязь» времён – прошлого, настоящего и будущего. Важнейшим способом художественного воплощения авторской концепции служит рамочная композиция повести. Б. Ширяев закольцовывает

книгу на различных уровнях её организации: жанровом (первая и пятая части отличаются в жанровом отношении от основного текста и представляют собой имитацию летописи, жития и проповеди), нарративном (чередование перволичного и сказового типов повествования), языковом (в первой и пятой частях преобладают архаизмы, библеизмы, церковная лексика, соответствующие грамматические формы и синтаксические конструкции). Такое строение книги обусловлено документальным материалом и стремлением писателя вписать историю Соловков в евангельский контекст. Б. Ширяев использует приёмы контраста и сопоставления в расположении частей и глав книги, что помогает раскрыть смысловые оппозиции: «свет – тьма», «человеческое – звериное», «вера – безверие», «духовное восхождение – нравственное падение», «свобода – покорность», «гармония – хаос».

Список источников

1. Бройтман С. Н. Историческая поэтика / С. Н. Бройтман. – Москва : Академия, 2004. – 369 с.
2. Гаранин Л. Я. Мемуарный жанр советской литературы / Л. Я. Гаранин. – Минск : Наука и техника, 1986. – 222 с.
3. Гинзбург Л. Я. О литературном герое / Л. Я. Гинзбург. – Ленинград : Советский писатель. 1979. – 224 с.
4. Захарова В. Т. Лейтмотивная основа повести Б. Н. Ширяева «Неугасимая лампада» / В. Т. Захарова // Пушкинские чтения – 2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст. – Санкт-Петербург : Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2015. – С. 101–106.
5. Сковорода Е. Образы сотрудников Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОНа) в книге очерков Бориса Ширяева / Е. Сковорода // Вестник филологических наук. – 2023. – № 6. – С. 36–45.
6. Трубицына М. Образ священномученика Илариона (Троицкого) в книге «Неугасимая лампада» Б. Н. Ширяева / М. Трубицына // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – № 4, т. 3. – С. 120–124.
7. Филимонов С. Б. Борис Ширяев в оккупированном Крыму: новые материалы в годы Великой Отечественной войны / С. Б. Филимонов // Проблемы национальной безопасности России в XX–XXI вв.: уроки истории и вызовы современности: к 70-летию начала Великой Отечественной войны. – Краснодар, 2011. – С. 360–363.
8. Ширяев Б. Неугасимая лампада / Б. Ширяев. – Москва : Православие и современность, 2023. – 150 с.

References

1. Broytman S. N. *Istoricheskaya poetika = Historical Poetics*. Moscow: Academy; 2004:369 p.
2. Garanin L. Ya. *Memuarnyy zhanr sovetskoy literatury = The memoir genre of Soviet literature*. Minsk: Nauka i tekhnika; 1986:222 p.
3. Ginzburg L. Ya. *O literaturnom geroe = About a literary hero*. Leningrad: Sovetskiy pisatel; 1979:224 p.
4. Zacharova V. T. The leitmotif of B. N. Shiryayev's story "The Unquenchable Lamp". *Pushkinskie chteniya – 2015. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy literatury: zhanr, avtor, tekst = Pushkin readings - 2015. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text*. Saint Petersburg: Leningrad State University named after A. S. Pushkin; 2015:101–106.
5. Skovoroda E. Images of the Solovetsky Special Purpose Camp (SLON) staff in Boris Shiryayev's book of essays. *Vestnik filologicheskikh nauk = Bulletin of Philological Sciences*. 2023;6:36–45.
6. Trubicyna M. The image of the holy martyr Hilarion (Troitsky) in the book "The Unquenchable Lamp" by B. N. Shiryayev. *Vestnik Cherepoveczkogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Cherepovets State University*. 2011;4(3):120–124.
7. Filimonov S. B. Boris Shiryayev in occupied Crimea: new materials during the Great Patriotic War. *Problemy natsionalnoy bezopasnosti Rossii v XX–XXI vv.: uroki istorii i vyzovy*

sovremenosti: k 70-letiyu nachala Velikoy Otechestvennoy voyny = Problems of national security of Russia in the 20th–21st centuries: lessons of history and challenges of modern times: on the 70th anniversary of the beginning of the Great Patriotic War. Krasnodar; 2011:360–363.

8. Shiryayev B. Neugasimaya lampada = The unquenchable lamp. Moscow: Pravoslavie i sovremennost; 2023:150 p.

Информация об авторе

А. А. Боровская – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы.

Information about the author

A. A. Borovskaya – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Literature.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.03.2026; одобрена после рецензирования 23.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.

The article was submitted 12.03.2026; approved after reviewing 23.03.2026; accepted for publication 27.03.2026.

Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 89–97.
Humanitarian Researches. 2026;1(97):89–97.

Научная статья
УДК 821.133.1-32.09

ПОЭТИКА ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА
В НОВЕЛЛИСТИКЕ ФИЛИППА ДЕЛЕРМА

Елена Вениаминовна Кузнецова^{1✉}, Ирина Вячеславовна Богомолова²,
Людмила Васильевна Мосиенко³

^{1,2}Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия

³Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

¹lena_kouznetsova@mail.ru✉

²bogira2014@mail.ru

³lvmosienko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу синтаксических средств, формирующих модернистский тип дискурса в новеллистике современного французского писателя Филиппа Делерма. На материале сборников «La première gorgée de bière et autres plaisirs minuscules» (1997) и «Il avait plu tout le dimanche» (1998) рассматриваются функциональные и структурные особенности безглагольных конструкций, синтаксической неполноты, парцелляции и элементов разговорного синтаксиса. Выявляется роль данных средств в создании эффекта «новеллы-мгновения», субъективации повествования и имитации потока сознания. Методологическую базу исследования составляют структурно-семантический и функционально-стилистический анализ, элементы дискурсивного анализа. Результаты исследования показывают, что синтаксическая организация текста у Делерма становится не только формой, но и смыслопорождающим механизмом, реализующим ключевые принципы модернистской поэтики: фрагментарность, ассоциативность, приоритет субъективного переживания над событийной канвой. Это формируют модель дискурса, типологически родственную модернистской. Особое внимание в статье уделяется текстообразующим функциям безглагольных конструкций в инициальной и финальной позициях, а также их роли в актуализации ремы. Выводы исследования могут быть использованы в курсах по современной французской литературе, лингвистике текста и стилистике, а также в компаративных исследованиях модернистской прозы, в частности при сопоставлении поэтики Делерма с традицией русского зарубежья.

Ключевые слова: Филипп Делерм, модернистский дискурс, новелла, поэтика, синтаксическая неполнота, безглагольные предложения, поток сознания, французский интаксис, субъективация, парцелляция

Для цитирования: Кузнецова Е. В., Богомолова И. В., Мосиенко Л. В. Поэтика экспрессивного синтаксиса в новеллистике Филиппа Делерма // Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 88–97.

Original article

THE POETICS OF EXPRESSIVE SYNTAX IN THE SHORT STORIES OF PHILIPPE DELERME

Elena V. Kuznetsova^{1✉}, Irina V. Bogomolova², Lyudmila V. Mosienko³

^{1, 2}Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

³Russian State Social University, Moscow, Russia

¹lena_kouznetsova@mail.ru✉

²bogira2014@mail.ru

³lvmosienko@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of syntactic means shaping the modernist type of discourse in the short fiction of contemporary French writer Philippe

Delerm. Based on the collections *La première gorgée de bière et autres plaisirs minuscules* (1997) and *Il avait plu tout le dimanche* (1998), the study examines the functional and structural features of verbless constructions, syntactic incompleteness, parcellation, and elements of colloquial syntax. The role of these means in creating the effect of the "moment-instant short story," the subjectivization of narration, and the imitation of the stream of consciousness is revealed. The methodological framework of the research comprises structural-semantic and functional-stylistic analysis, along with elements of discourse analysis. The results of the study demonstrate that the syntactic organization of Delerm's text becomes not merely a form but a meaning-generating mechanism that realizes the key principles of modernist poetics: fragmentation, associativity, and the priority of subjective experience over the event-based narrative framework. This forms a discourse model typologically related to the modernist tradition. Special attention is paid to the text-forming functions of verbless constructions in initial and final positions, as well as their role in the actualization of rheme. The findings of the study can be used in courses on modern French literature, text linguistics and stylistics, as well as in comparative studies of modernist prose, particularly in the comparison of Delerm's poetics with the tradition of Russian émigré literature.

Keywords: Philippe Delerme, modernist discourse, short story, poetics, syntactic incompleteness, verbless sentences, stream of consciousness, French syntax, subjectification, parcellation

For citation: Kuznetsova E. V., Bogomolova I. V., Mosienko L. V. The Poetics of Expressive Syntax in the Short Stories of Philippe Delerme. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2026;1(97):89–97 (In Russ.).

Конец XX в. в западноевропейской культуре ознаменовался фундаментальной сменой парадигмы и становлением новеллы. Классическая модель новеллы XIX в. (Ги де Мопассан), а вслед за ней и трансформированная новелла Проспера Мериме (рассказ в рассказе) в XX столетии уступили место парадигме, в основе которой лежит моделирование субъективной, часто фрагментарной, мозаичной, нелинейной картины мира. Как отмечает Ж.-Ф. Лиотар, постмодернистское состояние характеризуется «недоверием к метанарративам» [5, р. 7], что напрямую отражается на малых жанрах: новелла перестаёт быть историей исключительного события и становится фиксацией единичного, маргинального переживания.

Эта трансформация находит яркое выражение в творчестве французского писателя, минималиста Филиппа Делерма, чьи короткие прозаические тексты, объединённые в сборники «*La première gorgée de bière et autres plaisirs minuscules*» (1997) и «*Il avait plu tout le dimanche*» (1998), предлагают читателю не столько сюжетное развитие, сколько «новеллу-мгновение», зарисовку минутного состояния, а точнее, впечатления от детали. Внимание прозаика обращено к микрособытию: например, первый глоток пива, ощущение эскалатора в метро, воскресный вечер и т. п. Как справедливо замечает исследователь современной французской прозы Д. Вьяр: «Делерм возводит незначительное в ранг поэтического» [6, р. 156]. Писатель фиксирует детали, ускользающие от привычного взгляда, но обладающие исключительной значимостью для внутреннего мира героя, что позволяет говорить о его новеллистике как о микрокосме, в котором отражается макрокосм человеческого восприятия.

Наряду с изменениями на содержательном уровне, в новеллистике этого периода наблюдаются значительные трансформации на уровне синтаксической организации текста. Произведения Ф. Делерма являются показательным примером модернистского (и постмодернистского) текста, ключевым признаком которого является субъективизация повествовательной структуры. Как отмечает В. П. Руднев, «в модернистском тексте главенствует стиль "потока сознания", воспроизводящий ментальную жизнь посредством сцепления ассоциаций, прямолинейности, оборванности синтаксиса... имитирующей устную речь, внутренний монолог» [3, с. 237–241]. Именно синтаксический

уровень оказывается у этого автора основным инструментом создания иллюзии спонтанного мышления.

В данной статье предлагается анализ синтаксических средств, формирующих модернистский тип дискурса в новеллах Филиппа Делерма, с особым акцентом на функционально-семантическом потенциале безглагольных предложений и синтаксической неполноты. Синтаксическая поэтика (экспрессивный синтаксис) Делерма в отечественной и зарубежной лингвистике, где основное внимание уделялось преимущественно тематико-мотивному анализу его прозы, ещё недостаточно изучена литературоведами и лингвистами.

В процессе анализа мы выявили, что подобные приёмы и стиль уже использовались писателями в начале и в первой половине прошлого столетия (например, в прозе малой формы Гайто Газданова). Анализ синтаксиса модернистского текста Делерма, в частности на примере безглагольных конструкций, во французском языке являются не маргинальным отклонением, а санкционированной языковой нормой, особенно в сфере разговорной речи и художественной литературы XX в. Релевантным признаком исследуемых конструкций является именной способ выражения грамматического ядра, в отличие от глагольных предложений, где роль синтаксического организатора выполняет глагол в личной форме.

В лингвистике не существует единого подхода к классификации безглагольных предложений. В русском языкознании эта проблема традиционно связывается с теорией неполных предложений и становится её частью. Во французской лингвистической традиции подобные конструкции чаще включаются в категорию эллиптических предложений (*phrases elliptiques*). При этом, как отмечает Л. И. Илия, «эллипсис во французском языке представляет собой не просто пропуск, но и структурную соотнесенность с полной конструкцией» [1, с. 54]. Безглагольные предложения в составе сложного синтаксического целого во французском языке получили также название зевматических.

Однако мнения лингвистов разделяются: одни учёные отмечают двусоставность этих предложений, усматривая в них нулевую форму бытийного глагола *être*; другие (Л. И. Илия, Ж. Дюбуа) настаивают на их неполносоставности или рассматривают как самостоятельные коммуникативные единицы с особым синтаксическим статусом. Отсутствие единого подхода обусловлено самой природой этих конструкций, которые, функционируя на стыке синтаксиса и прагматики, с трудом поддаются жёсткой таксономии. Мы будем придерживаться широкого понимания безглагольного предложения как предикативной единицы, в которой позиция глагольного сказуемого не замещена, а смысловые отношения выражаются через интонацию, порядок слов и контекстуальное окружение.

Мы относим к признакам экспрессивного синтаксиса создания модернистского типа текста в новеллистике Делерма:

1. Синтаксическая неполнота – намеренный пропуск структурно необходимых элементов высказывания (прежде всего глагола-связки или личной формы глагола).
2. Коммуникативное обособление второстепенных членов – выдвижение на первый план обстоятельств или дополнений, которые приобретают статус самостоятельных высказываний.
3. Повтор – использование лексических и синтаксических повторов для создания ритмического рисунка и смысловых акцентов.
4. Вытеснение сильных синтаксических связей слабыми – предпочтение сочинения подчинению, парцелляции – периоду.
5. Синкретичные формы передачи чужой речи – смешение прямой, косвенной и несобственно-прямой речи, стирающее границы между авторским словом и словом персонажа.

6. Ненормативная пунктуация – использование тире, многоточия, двоеточия как средств выражения актуального членения, имитирующих паузы устной речи.

7. Введение «слабых» разговорно-речевых конструкций в письменный текст (вопросительные частицы *hein, non*, междометия, присоединительные конструкции).

В новелле «*Les mots de la piscine*» Делерм использует цепочку безглагольных конструкций для передачи сенсорного опыта, где глагол оказался бы избыточным: «*L'odeur du chlore. Le bruit des plongeurs. Les lignes bleues au fond de l'eau. Des corps anonymes, flottant entre deux eaux*» [1, p. 44] – «Запах хлора. Синие следы на дне водоёма. Неизвестные предметы, плавающие между двумя слоями воды» (пер. Е. Кузнецовой). Каждая номинативная группа фиксирует отдельный перцептивный фрагмент – запах, звук, визуальный образ. Отсутствие глаголов не только ускоряет темп восприятия, но и симулирует дорефлективную стадию сознания, когда впечатления ещё не оформлены в суждения. Синтаксический параллелизм создаёт ритмическое единство, а парцелляция подчёркивает дискретность ощущений. Следующий пример из новеллы «*La sieste*»: «*La sieste. Une heure, deux heures. Rien. Le bruit du réfrigérateur, parfois. Ou une voiture, dehors. Puis le réveil. Lent. Flottant. Comme si le monde avait suspendu son cours*» [8, p. 27] – «Послеобеденный сон. Час, два часа. Ничего. Иногда слышен звук холодильника. Или машины на улице. Потом пробуждение. Медленное. Тягучее. словно мир остановился» (пер. Е. Кузнецовой). Здесь синтаксическая неполнота сочетается с лексическим повтором временных отрезков (*une heure, deux heures*), а нанизывание именных групп и прилагательных (*lent, flottant*) передаёт состояние пограничного сознания между сном и явью. Фраза *Comme si le monde avait suspendu son cours* вводит гипотетическое сравнение, которое не получает завершения в главном предложении, что усиливает ощущение временной остановки.

Рассмотрим пример синкретизма чужой речи в новелле «*Le petit chat*»: «*On se dit qu'il faudrait peut-être le sortir. Pas tout de suite. Encore un peu. Il est bien là. Ronronne. La vie est douce. Finalement, on ne bouge pas*» [8, p. 41] – «Мы говорим себе, что, может быть, стоит вывести его на улицу. Не сразу. Ещё немного. Здесь ему хорошо. Мурлычет. Жизнь прекрасна. В конце концов, мы остаёмся на месте» (пер. Е. Кузнецовой). В этом примере мы наблюдаем плавное перетекание от несобственно-прямой речи (*On se dit qu'il faudrait...*) к внутреннему монологу, оформленному короткими безглагольными и глагольными конструкциями (*Pas tout de suite. Encore un peu. Il est bien là. Ronronne.*). Отсутствие кавычек и союзов стирает грань между повествователем и персонажем, создавая эффект «двойной субъективности».

Следует отметить, что позиция безглагольного предложения в тексте подчинена определённым функциональным закономерностям. В художественном произведении расположение синтаксических структур неслучайно: оно служит определённой эстетической задаче. В новелле «*Dans un vieux train*» Делерм передаёт разочарование героя, не сумевшего испытать ностальгическое переживание от поездки в старом поезде, через серию отрицательных безглагольных конструкций: «*Pas dans le TGV, non! Ni dans le turbotrain, ni même dans un train corail. Pourquoi? On ne le saura pas*» [7, p. 36] – «Нет, не в скоростном поезде TGV! Ни на турбопоезде, ни даже на поезде Corail. Почему? Мы никогда не узнаем» (пер. Е. Кузнецовой). С точки зрения коммуникативного анализа, безглагольное предложение выступает мощным инструментом актуализации ремы. Если такие приёмы, как парцелляция или сегментация, выделяют рему, сохраняя при этом тему, то синтаксическая неполнота часто устраняет тему вовсе, вербализуя исключительно элемент ремы.

В новелле «Le bruit du café» аналогичный приём используется для передачи эмоциональной оценки: «*On entre. La lumière tamisée. Des tables de bois. Le silence, presque. Pas de musique. Heureusement*» [7, p. 61] – «Мы заходим. Приглушённое освещение. Деревянные столы. Почти тихо. Никакой музыки. К счастью» (пер. Е. Кузнецовой). Восклицание «*Heureusement*» («к счастью») обособлено в отдельное предложение, представляющее собой конденсированную оценку. Безглагольность здесь выполняет не только экономическую, но и экспрессивную функцию: пауза перед финальным словом заставляет читателя разделить облегчение говорящего.

Синтаксические структуры, используемые Делермом, как мы уже отмечали выше, тяготеют к разговорному регистру, что создаёт эффект непосредственного общения с читателем. Это демонстрирует пример из новеллы «*Appeler d'une cabine téléphonique*»: «*C'est juste à ce moment-là qu'on relève la tête. Les premiers mots viennent avec banalité exquise, un faux détachement – «oui c'est moi – oui, ça s'est bien passé – je suis juste à côté du petit café, tu sais, place Saint-Sulpice*» [7, p. 86] – «Именно в этот момент мы поднимаем глаза. Первые слова произносятся с изысканной банальностью, притворной отстранённостью: “Да, это я – да, всё прошло хорошо – я как раз рядом с маленьким кафе, знаете, на площади Сен-Сюльпис”» (пер. Е. Кузнецовой). Тире здесь выполняют функцию графической репрезентации пауз, а синтаксическая фрагментарность воспроизводит ритм естественной диалогической речи.

Одной из ключевых функций синтаксической неполноты является создание иллюзии разговорности и спонтанности высказывания, что придаёт тексту динамизм. Делерм имитирует поток мыслей, где нет места тщательно выстроенным периодам классической французской новеллы. Например, в новелле «*Le trottoir roulant de la station Montparnasse*» синтаксический рисунок передаёт скорость и фрагментарность восприятия: «*Du temps perdu, du temps gagné? ... Mais ici, pas de marches dépliées comme des mâchoires d'alligator. ... Destins happés une seconde, visages presque abstraits, planant sur fond d'espace gris. Plus loin, le couloir réservé aux marcheurs impénitents, dédaigneux des facilités du trottoir mécanique*» [7, p. 53] – «Потерянное время, сэкономленное время? ... Но здесь нет ступеней, разворачивающихся подобно челюстям аллигатора. ... Судьбы застыли на секунду, лица почти абстрактны, паря на фоне серого пространства. Дальше – коридор, предназначенный для неугомонных шагающих, презирающих удобства эскалатора» (пер. Е. Кузнецовой). Именные группы, нанизанные друг на друга без глагольных связей, создают эффект кинематографического монтажа: читатель видит не действия, а их застывшие следы, мгновенные впечатления.

Из новеллы «*La pluie*» (сборник «*Il avait plu tout le dimanche*»): «*Il avait plu tout le dimanche. Une pluie fine, obstinée. Les vitres ruisselantes. Le bruit régulier sur le toit. Et puis, soudain, le silence. Un dimanche soir de pluie. Rien d'autre*» [8, p. 9] – «Всё воскресенье шёл дождь. Мелкий, непрекращающийся дождь. Окна были мокрые. Слышен был монотонный стук по крыше. А потом, внезапно, тишина. Дождливый воскресный вечер. Больше ничего» (пер. Е. Кузнецовой). Здесь каждое предложение фиксирует отдельный слой восприятия: визуальный (*vitres ruisselantes*), акустический (*bruit régulier*), тактильный (*silence*). Безглагольные конструкции работают как кадры, а повтор заглавной темы (*dimanche*) создаёт циклическую структуру, имитирующую заикленность сознания на переживании. Финальная парцелляция «*Rien d'autre*» выполняет функцию смыслового обнуления, подчёркивая тотальность переживания.

Художественно-стилистические функции неполноты здесь совпадают с типологическими признаками модернистского текста: дискретность, фрагментарность, принципиальная незавершенность, требующая соучастия

читателя в достраивании смысла. В этом отношении синтаксическая стратегия Делерма обнаруживает типологическое сходство с поэтикой прозы Гайто Газданова. Как нами было отмечено ранее, в текстах Газданова описываются сенсорно-перцептивные особенности восприятия, осуществляется обращение к бессознательному, внешний мир показан в особом ракурсе видения героя [2, с. 203]. У Делерма, как и у Газданова, синтаксическая структура подчиняется задаче фиксации субъективного опыта: разрывы в повествовании, эллипсисы и номинативные цепочки служат воссозданию «мерцающей» природы сознания.

Безглагольные предложения в прозе Делерма выполняют различные текстообразующие функции. Инициальные номинативные предложения часто служат смысловой и ритмической «шапкой». Начало новеллы «*Monsieur Spitzweg*»: «*Monsieur Spitzweg est seul. Ça s'est fait tout doucement. Une jeunesse en Alsace. L'idylle informulée avec Hélène, la fille de la Winstub Necker. Une idylle lourdement supposée par tous les regards du village, et les petites phrases à la boulangerie*» [8, p. 13] – «Господин Шпицвег одинок. Это произошло постепенно. Юность, проведённая в Эльзасе. Невысказанный роман с Элен, девушкой из Винстуб Неккера. Отношения, которые легко распознаются по каждому взгляду в деревне и о которых шепчутся в пекарне» (пер. Е. Кузнецовой). После первого глагольного предложения следуют три безглагольные конструкции, которые не столько сообщают новую информацию, сколько создают атмосферу, погружают читателя в мир непроявленных чувств. Заглавная новелла «*La première gorgée de bière*» начинается аналогично: «*La première gorgée de bière. Un moment suspendu. La condensation sur le verre. L'amertume légère qui réveille le palais. Et cette sensation de plénitude, fugace, presque rien*» [7, p. 7] – «Первый глоток пива. Застывший момент. Капельки на стакане. Легкая горечь, пробуждающая вкусовые рецепторы. А это мимолетное, почти незаметное чувство насыщения» (пер. Е. Кузнецовой). Заголовок становится первым безглагольным предложением текста, задавая тему. Последующие номинативные группы разворачивают это мгновение в серию перцептивных деталей. Конструкции, расположенные в срединной позиции, используются для введения конкретной детали или переключения регистра. В новелле «*Les parfums*»: «*Elle aimait les parfums. Pas les parfums trop lourds, entêtants. Non. Ceux qui restent légers, en suspens. Un sillage. Une promesse. Un peu de mystère, juste ce qu'il faut*» [8, p. 58] – «Она любила духи. Не слишком тяжёлые, навязчивые. Нет. Те, которые оставляют лёгкий, стойкий аромат. Шлейф. Какое-то обещание. Нотка тайны, именно то, что нужно» (пер. Е. Кузнецовой). Серия безглагольных конструкций (*Un sillage. Une promesse. Un peu de mystère*) переводит повествование из плоскости внешнего описания в плоскость субъективной семантизации.

Формирование смысла безглагольного высказывания в текстах Делерма практически всегда зависит от контекстуальной обусловленности. Безглагольные конструкции часто располагаются группами, что демонстрирует зависимость синтаксического построения от темы и жанра. Автор использует их для экспрессивного и лаконичного описания обстановки, особенно в финальных частях новелл, где требуется смысловая концентрация: «*Tout dans la retenue, pudeur, virilité: une fin sans bavure*» [8, p. 51] – «Сдержанность, скромность, мужественность: безупречный финал» (пер. Е. Кузнецовой). Это предложение из новеллы «*Il avait plu tout le dimanche*» подводит итог жизненного пути персонажа. Назывная конструкция *une fin sans bavure* не только обозначает событие смерти, но и передаёт этическую оценку. Финальная часть новеллы «*Le temps qui passe*»: «*Les heures défilent. Les jours. Les semaines. On ne sait plus très bien. Seulement quelques images. Une lumière d'automne. Un visage. Un mot, longtemps après*» [7, p. 88] – «Часы проходят. Дни. Недели. Уже трудно сосчитать. Всего несколько образов. Осенний свет. Лицо. Слово,

произнесённое много лет спустя» (пер. Е. Кузнецовой). Безглагольные конструкции в финале создают эффект постепенного угасания нарратива. Переход от глагольных форм к именным группам моделирует процесс распада связанного воспоминания на отдельные образы. Синтаксическая редукция становится семантической.

По своей семантике безглагольные конструкции у Делерма могут выражать значения идентификации (*Un opinel n°6*), характеристики (*Une vie inventée*), процессуальности (*Pas dans le TGV, non!*), а также эмоциональной оценки (*Le dimanche soir!*). Как справедливо отмечает Н. А. Слюсарева: «Эллипсис во французском языке – это не аномалия, а один из способов экономии речевых средств, приобретающий в художественном тексте эстетическую значимость» [4, с. 112]. Следовательно, неправомерно рассматривать данную конструкцию как результат простого «пропуска глагола»; это самостоятельное и полноправное средство выражения мысли.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что современный новеллистический текст, каким его представляет Филипп Делерм, функционирует не как классический рассказ с чёткой фабулой, а именно как дискурс в понимании М. Фуко и Э. Бенвениста, то есть как высказывание, ориентированное на субъекта и ситуацию говорения. Для этого дискурса характерны фрагментарность, особая синтаксическая организация, приближающая письменный текст к устному высказыванию, и активное использование конструкций с «нулевым» синтаксическим статусом.

Подобное повествовательное строение обнаруживает типологическую параллель с прозой Гайто Газданова. Как ранее отмечено, в его текстах «выбор повествования в качестве основной формы изложения ... говорит об эпической природе его текстов. Другое дело, что в повествование проникают и ассимилируются в нём элементы, свойственные лирике: растворённость сюжета в эмоциональном переживании, концентрация не на событии, а на чувствах и состояниях» [2, с. 193]. У Газданова, как и у Делерма, синтаксическая организация перестаёт быть нейтральным проводником фабулы: эллипсисы, парцелляция, именные конструкции работают на создание эффекта «растворённости» события в субъективном переживании.

Активное употребление безглагольных конструкций, синтаксической неполноты, элементов разговорной речи служит одной цели – созданию эффекта сиюминутности, комментария отдельного мгновения из повседневной жизни героя. Синтаксическая структура перестаёт быть нейтральной оболочкой содержания: она напрямую участвует в формировании модернистского типа художественного мышления, основанного на субъективации, ассоциативности и принципиальной незавершённости. Финальная цепочка безглагольных конструкций из новеллы «*La première gorgée de bière*» резюмирует эту стратегию: «*Et puis, ce qui compte, ce n'est pas le verre vide, ni la fin de l'après-midi. C'est cette seconde, juste avant. La première gorgée. L'attente. Le plaisir qui naît, fragile, déjà presque passé*» [7, р. 10] – «И кроме того, не пустой бокал и не конец дня. Важно то мгновение, которое предшествует ему. Первый глоток. Предвкушение. Удовольствие, которое рождается, хрупкое, уже почти исчезающее» (пер. Е. Кузнецовой). Отказ от глаголов в финале превращает описание в номинацию чистого бытия, где важнее не действие, а его предчувствие и след.

Синтаксис у Делерма становится не просто формой, но и содержанием, непосредственно передающим философию «мгновения» и субъективного восприятия мира, что является одной из ключевых черт модернистского текста второй половины XX – начала XXI в. Дальнейшие перспективы исследования могут быть связаны с сопоставительным анализом синтаксической организации новеллистики Делерма и других представителей современной французской прозы, а также с более детальным компаративным анализом

поэтики Делерма и Газданова в аспекте синтаксической субъективации повествования.

Список источников

1. Илия Л. И. Очерки по грамматике современного французского языка / Л. И. Илия. – Москва : Высшая школа, 1976. – 176 с.
2. Кузнецова Е. В. Поэтика прозы Гайто Газданова и закономерности ее развития в контексте традиций русской литературы первой трети XX века / Е. В. Кузнецова. – Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2012. – 244 с.
3. Руднев В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – Москва : Аграф, 2009. – 384 с.
4. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка / Н. А. Слюсарева. – Москва : Наука, 1986. – 208 с.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3097>.
6. Viart D. Le roman français au XXe siècle / D. Viart. – Paris : Hachette, 2002. – 256 p.
7. Delerm Ph. La première gorgée de bière et autres plaisirs minuscules / Ph. Delerm. – Paris : Folio, 2002. – 102 с.
8. Delerm Ph. Il avait plu tout le dimanche / Ph. Delerm. – Paris : Gallimard, 2008. – 89 p.

References

1. Ilya L. I. *Ocherki po grammatike sovremennogo frantsuzskogo yazyka = Essays on the Grammar of Modern French*. Moscow: Vysshaya shkola; 1976:176 p.
2. Kuznetsova E. V. *Poetika prozy Gayto Gazdanova i zakonomernosti ee razvitiya v kontekste traditsiy russkoy literatury pervoy trety XX veka = Poetics of Gaito Gazdanov's Prose and the Patterns of its Development in the Context of the Traditions of Russian Literature of the First Third of the Twentieth Century*. Astrakhan: Publisher: Sorokin Roman Vasilievich; 2012:244 p.
3. Rudnev V. P. *Slovar kulturey XX veka = Dictionary of Culture of the 20th Century*. Moscow: Agraf; 2009:384 p.
4. Slyusareva N. A. *Problemy funktsionalnogo sintaksisa sovremennogo angliyskogo yazyka = Problems of Functional Syntax of the Modern English Language*. Moscow: Nauka; 1986:208 p.
5. Lyotard J.-F. *Sostoyanie postmoderna = The State of Postmodernity*. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3097>.
6. Viart D. *Le roman français au XXe siècle = The French Novel in the 20th Century*. Paris: Hachette; 2002:256 p.
7. Delerm Ph. *La première gorgée de bière et autres plaisirs minuscules = The First Sip of Beer and Other Tiny Pleasures*. Paris: Folio; 2002:102 p.
8. Delerm Ph. *Il avait plu tout le dimanche = It Had Rained All Sunday*. Paris: Gallimard; 2008:89 p.

Информация об авторах

Е. В. Кузнецова – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии;

И. В. Богомолова – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романо-германской филологии;

Л. В. Мосиенко – доктор педагогических наук, профессор кафедры современной педагогики, непрерывного образования и персональных треков и кафедры иностранных языков и культуры.

Information about the authors

E. V. Kuznetsova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Romance-Germanic Philology;

I. V. Bogomolova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor in the Department of Romance and Germanic Philology;

L. V. Mosienko – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor in the Department of Modern Pedagogy, Continuous Education, and Personal Tracks and the Department of Foreign Languages and Culture.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; одобрена после рецензирования 24.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.

The article was submitted 10.03.2026; approved after reviewing 24.03.2026; accepted for publication 27.03.2026.

Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 98–105.
Humanitarian Researches. 2026;1(97):98–105.

Научная статья
УДК 82-3

ПРОСТРАНСТВО ДЕТСТВА В РАССКАЗАХ ВАСИЛИЯ БЕЛОВА: ОБРАЗ ДОМА

Марина Владимировна Сорокина^{1✉}, Надежда Евгеньевна Тропкина²

¹Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия

²Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

¹topchieva_nn@mail.ru✉

²netropkina@mail.ru

Аннотация. В современной литературе семантическое ядро пространства детства формируется через комплекс топосов, которые возникают под влиянием множества факторов, включая культурные, социальные и исторические контексты. Одним из ведущих топосов является топос Дома, который служит символом макрокосма и представляет собой важный элемент детского восприятия мира. В русской литературе XX в. образ Дома в контексте детства непосредственно зависит от пространственных и исторических реалий, в которые помещён ребёнок. В данной статье мы исследуем пространство детства в рассказах одного из крупнейших представителей «деревенской» прозы – Василия Белова. Анализ опирается на его ранние произведения, написанные в 1960-е гг., такие как «Скворцы», «Даня» и «Вовка-сатюк», в которых представлены различные концепции образа Дома, сосуществующие в одну временную эпоху. Также рассмотрены связи прозы Белова с русской лирикой XX в. и творчеством таких авторов, как В. П. Астафьев и В. Г. Распутин. В результате исследования были выявлены различные типы домашнего пространства: морбуальное (мир больного ребёнка), орнитологическое, пространство памяти и враждебное пространство (чужой дом и «антидом»). Особенно значимым оказывается мотив «возвращения домой», который присутствует во всех упомянутых рассказах, но каждый раз репрезентирует разные смыслы, отражая сложность и многогранность детских переживаний в контексте родного дома. Данное исследование позволяет глубже понять, как образ Дома формирует детское восприятие и переживание мира, а также выявить разнообразие эмоциональных и культурных слоёв, связанных с этим топосом. Это исследование подчёркивает важность литературоведческого анализа для осмысления детства как многогранного явления, где каждый элемент пространства становится значимым для формирования идентичности и памяти.

Ключевые слова: пространство, топос детства, лирическая проза, образ ребёнка

Для цитирования: Сорокина М. В., Тропкина Н. Е. Пространство детства в рассказах Василия Белова: образ дома // Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 98–105.

Original article

THE SPACE OF CHILDHOOD IN VASILY BELOV'S STORIES: THE IMAGE OF HOME

Marina V. Sorokina^{1✉}, Nadezhda E. Tropkina²

¹Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

²Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russia

¹topchieva_nn@mail.ru✉

²netropkina@mail.ru

Abstract. In contemporary literature, the semantic core of childhood space is formed through a complex of topoi that arise under the influence of numerous factors, including

© Сорокина М. В., Тропкина Н. Е., 2026

cultural, social, and historical contexts. One of the leading topoi is the topos of Home, which serves as a symbol of the macrocosm and represents an important element in children's perception of the world. In 20th-century Russian literature, the image of Home in the context of childhood directly depends on the spatial and historical realities within which the child is placed. In this article, we examine the space of childhood in the stories of one of the leading exponents of "village" prose – Vasily Belov. The analysis draws on his early works written in the 1960^s, such as "Skvortsy," "Danya," and "Vovka-Satuk," which present various concepts of the image of Home coexisting within the same era. We also examine the connections between Belov's prose and 20th-century Russian lyric poetry and the works of authors such as V.P. Astafyev and V. G. Rasputin. The study identified various types of domestic space: morbid (the world of a sick child), ornithological, the space of memory, and hostile space (another person's home and "anti-home"). Particularly significant is the motif of "returning home," present in all the stories mentioned, but each time representing different meanings, reflecting the complexity and multifaceted nature of childhood experiences within the context of home. This study allows for a deeper understanding of how the image of Home shapes children's perceptions and experiences of the world, as well as revealing the diversity of emotional and cultural layers associated with this topos. This study highlights the importance of literary analysis for understanding childhood as a multifaceted phenomenon, where every element of space becomes significant for the formation of identity and memory.

Keywords: space, childhood topos, lyric prose, image of the child

For citation: Sorokina M. V., Tropkina N. E. The Space of childhood in Vasily Belov's Stories: the Image of Home. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2026;1(97):98–105 (In Russ.).

Пространство детства как разновидность антропологического топоса существует в литературном тексте в рамках системы архетипических хронотопов. В этом ряду особой значимостью обладает образ дома, который рассматривается в гуманитарных науках как универсальная категория. Т. В. Цивьян в статье «Архетипический образ дома в народном сознании» отмечает главные функции дома. Одна из основополагающих связана с тем, чтобы «выделить и ограничить в макрокосмосе безопасное пространство, создать микрокосмос» [13, с. 2].

Дом и семья – смысловые доминанты в прозе В. И. Белова, о чем не раз писали исследователи. В частности, можно сослаться на работы И. С. Лето-вальцевой, в которых тема дома у Белова прослеживается на материале исследования его произведений различных жанров [см.: 4; 5]. Всё творчество автора являет собой, по словам исследователя Л. В. Широковой, «глубокое размышление о процессах исторического развития России в XX веке, когда прежний патриархальный уклад ломался новой урбанистической цивилизацией» [14]. Вместе с этим переосмыслиется образ дома, который постепенно перестаёт быть закрытым пространством и не всегда даёт героям чувство защищённости.

В рассказах Белова «Скворцы» (1963), «Даня» (изд. 1973) и «Вовк-сатюк» (1973) дом является ключевым пространством топоса детства, однако в данных произведениях образ дома имеет различную семантику.

Традиционно образ дома как пространства детства наделяется позитивной семантикой, так в статье «Пространство Дома в поэзии Н. Рубцова и прозе Б. Екимова» отмечается, что пространство детских впечатлений хранит приметы идиллического топоса [см.: 9]. Однако в рассказе В. Белова «Скворцы» эта традиционная семантика оборачивается своей противоположностью.

В пространственной структуре рассказа можно отметить сочленение нескольких архетипических топосов: это пространство дома, пространство детства, при этом оно, в свою очередь, наделено чертами патографического (в иной терминологии – морбуального) топоса: это замкнутый в пределах дома мир большого ребёнка. Особую роль в рассказе играет орнитологическое пространство – категория, исследование которой в литературоведении начато сравнительно недавно.

Дом для главного героя рассказа «Скворцы» сопоставим с больничной палатой или даже тюрьмой, ибо выйти из него не представляется возможным уже на протяжении года. Об этом свидетельствует такая деталь, как валенки: «Павлуня помнит, как отец купил ему валенки и принёс домой. Но Павлуня уже тогда болел и в школу не ходил, а валенки тоже всю зиму зря пролежали» [2, с. 157]. При этом пространство не является для ребёнка враждебным, хоть герой и мечтает всё время из него выбраться («Если Павлуня и выздоровеет к теплу, то либо уже снег растает, либо мать все равно не пустит на улицу» [2, с. 157]).

В литературоведческом анализе текста можно выделить несколько ключевых аспектов, касающихся символики пространства и его влияния на внутренний мир главного героя. Граница между мирами Дома и деревни, маркирована образом окна. В рассказе образ окна является одним из ключевых, как это в целом характерно для ситуации больного ребёнка, что отмечено, в частности, в исследовании «Пространство детства в русской литературе XIX – начала XXI века» [6]. Показательно, что само слово «окно» в коротком рассказе В. Белова упоминается шесть раз. Деревенское окно, состоящее из нескольких рам, становится важным элементом повествования: с наступлением тепла мать постепенно убирает по одной раме, что символизирует плавное разрушение барьеров между закрытым пространством дома и открытым миром. Когда последняя рама исчезает, Павлуня оказывается на пороге выхода в свободное пространство, о котором он мечтает. Однако этот выход происходит не в тех обстоятельствах, которые он себе представлял. Примечательно, что в начале рассказа на границе этих двух пространств висит сосулька, напоминающая штык. В рассказе В. Белова эта деталь обретает характер ёмкого символа: путь ребёнку к свободе преграждает предмет, напоминающий оружие. При этом знаменательна двойственность этой художественной детали: угрожающий штык сверкает, отливая золотым светом, а капающая с него вода, символизируя надежду на скорое наступление весны, вызывает радость. Ожидание скорой весны сопряжено с надеждой на исцеление и освобождение.

В начале рассказа описывается субботняя уборка, однако автор не углубляется в детали интерьера комнаты или других частей дома. Дом показан через восприятие ребёнка, внимание мальчика сосредоточено на начищенном до блеска самоваре и шкафе, в который тот был убран. Этот шкаф пробуждает детское воображение: «...наверно, сейчас в шкафу светло от самовара, только ведь как узнаешь?». Такое описание создаёт эффект соучастия читателя в детских размышлениях главного героя.

Таким образом, домашнее пространство Павлуни состоит из кровати, шкафа и многослойного окна. Скромность интерьера подчеркивает одиночество ребёнка и отражает материальное положение семьи. Нехватка средств становится важным фактором, влияющим на скорость выздоровления Павлуни, что добавляет глубину и трагизм внутреннему конфликту произведения.

Другим Домом в тексте предстаёт скворечник – жильё для птиц, которое мальчик с отцом смастерили сами и который должен был скрасить время ребёнка в одиночестве. В рассказе В. Белова скворечник, который строят люди, становится аналогом традиционного образа гнезда, а оно, в свою очередь, является символом дома, семейного очага, что детально рассматривается в исследовании китайского слависта Цзин Цзинши на материале русской литературы [12]. Обретение птицами своего жилища делает Павлуню счастливее. Образы двух Домов-семей, находящихся по разные стороны границы (окна), как бы сопоставляются в произведении. Родители-скворцы трудятся так же, как другие жители деревни: «...они всё время были в работе – такие уж попались скворцы» [2, с. 160–161], и в день трагедии отец семейства так же отсутствовал дома. Отец Павлуни же «целую неделю ... ремонтировал

свой трактор С-80» [2, с. 152]. Так жилище скворцов представляет некую аллегория по отношению к дому главного героя. Автор показывает, что, вынужденно оставаясь в одиночестве, ребёнок не чувствует себя защищённым в собственном Доме.

Василий Белов на примере этих двух семей поднимает важную проблему своего времени и напоминает, что социальный уклад, разобивший детей с их родителями, может обернуться несчастьем. Эту же тему поднимает и В. П. Астафьев в рассказе «Мальчик в белой рубашке»: пока родители вынуждены оставлять детей одних из-за непрекращающейся работы, счастье и жизнь членов семьи находятся под угрозой [1].

В рамках нашего исследования нельзя не отметить особую идейную и духовную близость В. П. Астафьева и В. И. Белова в 1960-е гг. В тот период «Вологодская область в кругах интеллигенции почиталась своеобразным заповедником “русскости”» [8, с. 74], туда же на время перебирается и Астафьев. Тема русской деревни, малой родины, пространство памяти – всё это обобщается в творчестве обоих авторов единым нетленным архетипом «Дом».

В тот момент, когда мальчик с трудом, преодолевая боль, оказывается на улице, скворцов не оказывается поблизости – из упавшего скворечника Павлуня достал лишь «осколки небесной, в пятнышках, тонкой скорлупы скворчиных яичек» [2, с. 162]. Родителей мальчика также не было рядом – главный герой вышел из дома, и «небо с облаками опрокинулось куда-то и поплыло, что-то непоправимое и страшное навалилось на Павлуню» [2, с. 162].

Испокон веку скворцы воспринимались как символ приближающейся весны. Больной ребёнок ждет этих птиц в надежде, что скоро станет тепло и он сможет выйти на улицу. Но вот скворцы покинули дом. Прилетят ли они вновь? Отвезут ли родители мальчика к доктору, как обещали? Вопросы, которые автор оставляет открытыми, а конфликт произведения – неразрешённым, как это в целом характерно для лирической прозы с открытым финалом.

Двойственность домашнего топоса как модели пространства детства мы наблюдаем и в рассказе «Даня». Повествование открывается мотивом возвращения домой: маленький герой двух-трёх лет прибывает в отчий дом на выходные из детского сада с круглосуточным пребыванием. Путь домой не даётся легко: сначала отца останавливает директор совхоза, и мальчик вынужден идти по зимней дороге «ножками», «хотя до дома было ещё порядочно», затем он долго перешагивает уроненную на дорогу жердь и чуть не падает, а в заключение ребёнку нужно попробовать дотянуться до дверной ручки. Описание пути наполнено простыми для малыша испытаниями, подчёркивающими уязвимость ребёнка. В данном эпизоде мальчик сопоставим с маленьким Одиссеем, а преодоление бытовых преград для детсадовца – с борьбой с чудовищами.

Однако и в отчем Доме герой не чувствует защищённости: оказывается, что отцу нельзя мешать, затем ребёнок больно обжигает руку об горячий утюг, а новогодняя ночь, обещавшая стать волшебной, наполнилась чувством горечи и одиночества. Пронзительной является картина спящего на неразобранной родительской постели мальчика, свернувшегося калачиком от боли и холода: «Сколько времени проплакал Даня? Может быть, до самого Нового года, может, не до самого. Измученный тревогой, совсем обессиленный одиночеством, он заснул...» [2, с. 154].

В своих произведениях В. Белов нередко фокусируется на том, как по-разному спят его герои: «Особое внимание при этом уделяет детям, формируя картину созерцательно-счастливого и непосредственного детского восприятия мира» [3, с. 98]. Однако детский сон Дани нельзя рассматривать как состояние покоя – рядом с матерью ребёнок засыпает счастливым,

при этом его уже тревожит страх очередной разлуки («Мама, ты куда не уйдешь?» – хотел спросить Даня, но не успел и сладко заснул» [2, с. 154]) – автор не поднимает открыто проблему вынужденного разрыва семьи, но даёт читателю мощный подтекст для размышления над темой детства в истории 1960–1970-х гг., когда ввиду отсутствия в посёлках и деревнях образовательных учреждений Дом замещался чужими, в частности казёнными стенами со строгим распорядком дня, а сознание ребёнка заполняли мечты о возвращении домой. Эта тема также нашла отражение в рассказах В. П. Астафьева «Без приюта», В. Г. Распутина «Уроки французского» и в других произведениях, однако о разлучении с семьёй настолько маленького ребёнка В. И. Белов говорит одним из первых.

Тревожны и эпизодичные, словно нарезки киноленты, сновидения мальчика, в которых снова детский сад, кот Жмурик, растворившийся в голубом снегу, поломанная ёлочная игрушка-медвежонок с одним глазом... Нехарактерна для домашней атмосферы праздника и звенящая тишина, которая способствует пробуждению героя. Большая родительская спальня, куда устремляется малыш, становится чужим пространством, потому что она пуста и холодна, лишь звук тикающего будильника наполняет его, усиливая атмосферу одиночества и страха: «В одних трусиках, босиком, наткаясь на что-то, он пошел в большую комнату. Но ни мамы, ни папы там не было, лишь белела под луной неразобранная кровать. И он заплакал, сначала тихо, потом всё громче и громче» [2, с. 154]. Продолжительность детских страданий подчёркивается повторяемостью образов, сопровождающих плач ребёнка: «Светила в окошко луна, мерцал иней на стеклах, и кот ходил в темноте...» [2, с. 154].

Художественная оппозиция «день – ночь», репрезентируемая Беловым в рассказе, характерна для русской лирики. Она нашла отражение в творчестве таких поэтов XX в., как М. И. Цветаева, Н. М. Рубцов, Ю. П. Кузнецов и других авторов. Поэтичны и ночные природные образы, к которым обращается В. И. Белов: «призрачный снежный свет», «звездочки инея», «неразобранная кровать», ребёнок, «обессиленный одиночеством».

Мир ночи изначально враждебен человеку [11, с. 10], поэтому ребёнок, находящийся в начале жизненного пути, также остерегается этого закономерного явления природы, в то время как взрослый автор, несмотря на трагическое настроение текста, любит ночными образами. День же связывается в положительными эмоциями главного героя («Хорошо дома»). Светлое время суток, в отличие от ночи, делает для ребёнка образы, наполняющие домашнее пространство, зримыми и осязаемыми: половики, новые занавески, затопленная печь. Таким образом, описание дня и ночи в рассказе соответствует традиционному христианскому пониманию действительности: «Ночь есть печаль и несчастье, день – счастье и радость» [7, с. 191]. Кроме того, перечисленные тёплые образы противопоставляются внешнему миру, где даже солнце холодное, а снег сверкает так, что на него «глядеть нельзя».

Итак, в рассказе В. И. Белова «Даня» нашли отражение такие пространственно-временные оппозиции, как «дом – антидом (детский сад)», «дом – улица», «день – ночь». Также имеет место и тема гармонии мира. Для автора она осуществима в триединстве «природа – семья – дом (деревня)», которое раскрывается через художественный мотив «возвращения домой», то есть обретения своего пространства, равного гармонии. Однако природа человека, и вместе с тем природа самого детства растворяется в мировом порядке и социальном укладе, независимых от воли человека. Счастливый финал произведения (приход родителей и обретение ребёнком утраченного покоя) даёт читателю надежду на будущее воссоединение семьи – восстановление единого Дома, в котором нет места страхам и одиночеству.

Наиболее широкое понимание архетипа «Дом» нашло отражение в рассказе «Вовка-сатюк», где домашним пространством становится вся деревня,

в которую впервые приезжает семилетний мальчик. Как мы уже отмечали, данный текст относится к собственно эпическому повествованию, однако пейзажные зарисовки, отсутствие линейности в развитии действия и тёплые образы, наполняющие художественное пространство рассказа, вносят лирическое содержание.

В рассказе «Вовка-сатюк» центральным мотивом становится тема обретения Дома, которая пронизывает текст и формирует его эмоциональную и смысловую структуру. Деревня, куда приезжает ребёнок на каникулы, предстаёт не просто новым местом, а пространством, где на генетическом уровне прорастают корни его рода. Это возвращение к истокам позволяет герою быстро адаптироваться к окружающей среде, что подчёркивает глубинную связь между личностью и её исторической памятью.

Образы деревенского быта – широкий дом, большая поленница, широкие лопухи, тяжёлый медный ковшик – контрастируют с образом мальчика, акцентируя его «маленькость» и изначальную уязвимость в этом широком, мощном мире русской деревни. В данном контексте В. И. Белова можно рассматривать как продолжателя традиции И. С. Тургенева, который в рассказе «Муму» также акцентирует внимание на прочности и надёжности предметов быта, окружающих главного героя. Описание «кровати из дубовых досок на четырёх чурбанах», «дюжего сундука» и «столика крепкого свойства» создаёт образ мира, в котором предметы быта отражают внутреннюю силу и устойчивость Герасима.

В рассказе Белова наблюдается и поэтизация деревенского быта, который предстаёт новым и привлекательным для городского ребёнка. Автор углубляется в детали повседневной жизни, акцентируя внимание на таких элементах, как деревенский туалет, медный рукомойник, изгороди и способы учёта продажи молока. Эти подробности создают образ целостного миропорядка, в котором каждый элемент имеет своё значение. Центральными фигурами этого мира становятся бабушка и дедушка, представляющие собой хранителей Дома и семейных традиций.

Бабушка Катя как хранительница очага олицетворяет народную, суеверную сторону жизни, а её речи наполнены назидательным характером. В этом аспекте она сопоставима с образом Катерины Петровны из «Последнего поклона» В. П. Астафьева, где также подчёркивается роль женщины как защитницы традиций и духовных ценностей. При этом дедушки в рассказах обоих писателей-деревенщиков остаются безымянными и выполняют в основном оценочную функцию, что подчёркивает их второстепенную роль в детском топосе. Однако в то же время именно дедушка становится творцом домашнего пространства в тексте В. И. Белова: всё, что окружает избу, принадлежит ему и сделано его руками. Так автор подчёркивая важность мужского начала в формировании устойчивости и целостности домашнего мира.

Отметим, что в произведении нашла отражение и тема одиночества, которая анализируется нами в рассказах «Скворцы» и «Даня». Однако Вовка, в отличие от других мальчиков, ощущает себя в домашней среде свободно и непринуждённо. Его активность и шалости, такие как написание своего имени углём на стене и обрезание усов коту, создают контраст с чувством изоляции, характерным для других персонажей. Таким образом, в рассказе «Вовка-сатюк» пространство детства соотносится с позднее введённым В. И. Беловым топосом лада. «В этой целостности время – вечность, бесконечная смена циклов, жизненный ритм, не зависящий от человека» [10, с. 5], именно поэтому время, проведённое у истоков своего рода, сливается в один красочный день. Летние каникулы в деревне обретают идиллические черты, пронизанные исконно русским бытом. Деревня, представленная как гармоничный мир, заочно противопоставляется городу, что находит свое выражение в предложении: «...дни побежали быстро и слились в один красочный,

богатый день, который запомнит Вовка на всю жизнь». Это утверждение подчёркивает не только насыщенность детских воспоминаний о деревенской жизни, но и создаёт контраст между гармонией сельского существования и суетой городской реальности, что усиливает ощущение утраченной простоты, потерянного в результате урбанизации Рая.

Список источников

1. Астафьев В. П. Сочинения : в 2 т. / В. П. Астафьев. – Екатеринбург : У-Фактория, 2003. – Т. 1: Последний поклон: Повести. Рассказы. – 720 с.
2. Белов В. И. Душа бессмертна / В. И. Белов. – Вологда : Книжное наследие, 2007. – 320 с.
3. Головкина С. Х. Сны и сновидения в художественном восприятии В. И. Белова (на материале повести «Привычное дело») / С. Х. Головкина, А. В. Федорова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2017. – № 5. – С. 95–103.
4. Летовальцева И. С. Образ дома в трилогии В. И. Белова «Час шестый» / И. С. Летовальцева // Молодые исследователи – регионам : в 3 т. / отв. ред. А. А. Синицын. – Вологда : Вологодский гос. ун-т, 2018. – Т. 3. – С. 205–206.
5. Летовальцева И. С. Образ дома в романе В. Белова «Кануны» / И. С. Летовальцева // Беловский сборник. – Вологда : Вологодский научный центр РАН, 2017. – Вып. 3. – С. 131–135.
6. Перевалова С. В. Пространство детства в русской литературе XIX – начала XXI века / С. В. Перевалова, Л. Н. Савина, Н. Е. Тропкина. – Волгоград : Перемена, 2018. – 191 с.
7. Потебня А. А. «О доле и сродных с нею существах» / А. А. Потебня. – Харьков : Мирный труд, 1914. – 243 с.
8. Розанов Ю. В. Василий Белов и Виктор Астафьев: к истории личных и творческих отношений / Ю. В. Розанов // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – № 7. – С. 72–77.
9. Савина Л. Н. Пространство дома в поэзии Н. Рубцова и прозе Б. Екимова Л. Н. Савина, Н. Е. Тропкина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – Т. 44, № 10. – С. 147–150.
10. Сальникова Я. В. Художественная картина мира в прозе В. Белова (пространственно-временные координаты) / Я. В. Сальникова. – Воронеж, 2011. – 22 с.
11. Тихомирова Л. Н. «Ночная» поэзия в русской романтической традиции: генезис, онтология, поэтика / Л. Н. Тихомирова. – Екатеринбург, 2010. – 24 с.
12. Цзин Цзинши. Орнитологические образы в поэзии Арсения Тарковского: истоки и художественная семантика / Цзин Цзинши. – Волгоград, 2021. – 173 с.
13. Цивьян Т. В. Архетипический образ дома в народном сознании / Т. В. Цивьян // Живая старина. – 2000. – № 2 (26). – С. 2–5.
14. Широкова Л. В. Образ дома в лирической прозе В. И. Белова / Л. В. Широкова // Вологодский литератор. – 2017. – URL: <https://literator35.ru/2017/10/theme/lyudmila-shroкова-obraz-doma-v-liricheski/> (дата обращения 19.09.2025).

References

1. Astafyev V. P. *Sochineniya : v dvukh tomakh = Essays: in 2 vols.* Yekaterinburg: U-Faktoriya; 2003;1:720 p.
2. Belov V. I. *Dusha bessmertna = The Soul is Immortal.* Vologda: Knizhnoe nasledie; 2007:320 p.
3. Golovkina S. Kh., Fedorov A. V. Dreams and dreams in the artistic perception of V. I. Belov (based on the story “The Usual thing”). *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Cherepovets State University.* 2017;5:95–103.
4. Letovaltseva I. S. The image of the house in V. I. Belov's trilogy “The Sixth Hour”. *Molodye issledovateli – regionam : v trekh tomakh = Young researchers for regions: in 3 vols.* Ed. by A. A. Sinityn. Vologda: Vologda State University; 2018;2:205–206.
5. Letovaltseva I. S. The image of a house in V. Belov's novel “The Eve”. *Belovskiy sbornik = Belovsky Collection.* Vologda: Vologda Scientific Center of the RAS; 2017;3: 131–135.

6. Perevalova S. V., Savina L. N., Tropkina N. E. *Prostranstvo detstva v russkoy literature XIX – nachala XXI veka = The space of childhood in Russian literature of the 19th – early 21st century*. Volgograd: Peremena; 2018:191 p.
7. Potebnya A. A. "O dole i srodnykh s neyu sushchestvakh" = "On the share and beings related to it". Kharkov: Mirny trud; 1914:243 p.
8. Rozanov Yu. V. Vasily Belov and Viktor Astafyev: towards the history of personal and creative relations. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes of Petrozavodsk State University*. 2020;7:72–77.
9. Savina L. N., Tropkina N. E. The space of the house in the poetry of N. Rubtsov and the prose of B. Ekimov. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*. 2009;44(10): 147–150.
10. Salnikova Ya. V. *Khudozhestvennaya kartina mira v proze V. Belova (prostranstvenno-vremennye koordinaty) = An artistic picture of the world in V. Belov's prose (space-time coordinates)*. Voronezh; 2011:22 p.
11. Tikhomirova L. N. "Nochnaya" poeziya v russkoy romanticheskoy traditsii: genezis, ontologiya, poetika = "Night" Poetry in the Russian Romantic Tradition: Genesis, Ontology, Poetics. Yekaterinburg; 2010:24 p.
12. Jing Jingshi. *Ornitologicheskie obrazy v poezii Arseniya Tarkovskogo: is-toki i khudozhestvennaya semantika = Ornithological Images in Arseny Tarkovsky's poetry: Origins and Artistic Semantics*. Volgograd; 2021:173 p.
13. Tsivyan T. V. The archetypal image of the house in the national consciousness. *Zhivaya starina = Living Antiquity*. 2000;2(26):2–5.
14. Shirokova L. V. The image of a house in the lyrical prose of V. I. Belov. *Vologodskiy literator = Vologda literat*. 2017. URL: <https://literator35.ru/2017/10/theme/lyudmila-shirokova-obraz-doma-v-liricheskiy> / (accessed: 19.09.2025).

Информация об авторах

Н. Е. Тропкина – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики её преподавания;

М. В. Сорокина – преподаватель кафедры «Русский язык».

Information about the authors

N. E. Tropkina – Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature and Teaching Methods;

M.V. Sorokina – Lecturer of the Russian Language Department.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.02.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 05.03.2026.

The article was submitted 05.02.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 05.03.2026.

Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 106–113.
Humanitarian Researches. 2026;1(97):106–113.

Научная статья
УДК 316.77, 070

МЕДИАПРОДУКТ КАК ОСНОВА ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА В АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ ЖУРНАЛИСТИКИ

Галина Сергеевна Белолипская^{2✉}, Гульфия Хайдаровна Кадырова²

^{1, 2}Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия

¹gbelolipskaya@yandex.ru ✉

²ghkadyrova@yandex.ru

Аннотация. Трансформация современной медиасреды привела к изменению вектора восприятия журналистского текста: в профессиональной практике он всё чаще рассматривается не только как медиатекст, но как медиапродукт. Этот сдвиг в профессии закономерно повлиял на академическую парадигму журналистики, актуализировав продуктивное мышление и проектные форматы обучения. В данной статье раскрыта специфика проектного обучения в подготовке бакалавров по направлению «Журналистика» в контексте продуктивного мышления. На основе опыта реализации образовательных программ по медианавышению в Астраханском государственном университете им. В. Н. Татищева показано, что проектное обучение выступает механизмом интеграции теоретических дисциплин, цифровых компетенций, командной редакционной работы и духовно-нравственных ориентиров профессии. Цель исследования заключается в уточнении роли медиапродукта как ядра проектной модели обучения и в описании образовательной парадигмы, при которой продуктивный подход не редуцирует гуманитарную миссию журналистики до метрик, а обеспечивает проверяемое качество материала. Используются методы структурно-функционального анализа, сопоставления с профессиональными стандартами и кейс-анализа образовательных практик. Показано, что медиапродукт в учебном процессе выполняет интегративную функцию: связывает теорию массовой коммуникации, историю журналистики и типологию СМИ с цифровыми дисциплинами, фактчекингом, правом и этикой, а командные проекты моделируют деятельность конвергентной редакции. Отдельно рассмотрена встроенность духовно-нравственных ценностей в задания через критерии достоверности, уважения к личности, недопущения вреда и правовой корректности. Выявлено, что расширение форматов выпускных квалификационных работ в сторону портфолио и профессионального медиапроекта повышает доказательность результата обучения и позволяет оценивать готовность выпускника по полному производственному циклу. Практическая значимость работы состоит в предложении ориентиров для проектирования заданий и системы оценивания. Опыт регионального университета демонстрирует воспроизводимую модель, сочетающую гибкость образовательных траекторий, цифровизацию и ценностный аспект подготовки в медиасфере России.

Ключевые слова: медиапродукт, конвергентная редакция, журналистское образование, медиаобразование, проектное обучение, продуктивное мышление, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Для цитирования: Белолипская Г. С., Кадырова Г. Х. Медиапродукт как основа проектного подхода в академической парадигме журналистики // Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 106–113.

Original article

MEDIA PRODUCT AS THE BASIS OF A PROJECT APPROACH IN THE ACADEMIC PARADIGM OF JOURNALISM

Galina S. Belolipskaya^{1✉}, Gulfiya Kh. Kadyrova²

^{1, 2}Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

¹gbelolipskaya@yandex.ru✉

²ghkadyrova@yandex.ru

Abstract. The transformation of the modern media environment has led to a shift in the perception of journalistic text: in professional practice, it is increasingly viewed not only as a media text but also as a media product. This shift in the profession has naturally influenced the academic paradigm of journalism, reinforcing product-based thinking and project-based learning formats. This article explores the specifics of project-based learning in bachelor's degree programs in Journalism within the context of product-based thinking. Based on the experience of implementing educational programs in media fields at Astrakhan Tatishchev State University, it is shown that project-based learning serves as a mechanism for integrating theoretical disciplines, digital competencies, team editorial work, and the spiritual and moral guidelines of the profession. The purpose of this study is to clarify the role of the media product as the core of the project-based learning model and to describe an educational paradigm in which the product-based approach does not reduce the humanitarian mission of journalism to metrics, but rather ensures verifiable quality of the material. The study utilizes methods of structural and functional analysis, comparison with professional standards, and case studies of educational practices. This research demonstrates that media products serve an integrative function in the educational process: they link mass communication theory, the history of journalism, and media typology with digital disciplines, fact-checking, law, and ethics, while team projects model the activities of a convergent editorial office. The integration of spiritual and moral values into assignments is examined separately, utilizing criteria such as credibility, respect for individuals, avoidance of harm, and legal correctness. It is found that expanding the format of final qualification projects to include a portfolio and a professional media project enhances the validity of learning outcomes and allows for the assessment of graduate readiness across the entire production cycle. The practical significance of this study lies in its proposed guidelines for designing assignments and an assessment system. The experience of a regional university demonstrates a replicable model that combines flexible educational pathways, digitalization, and the value-based aspect of training in the Russian media sphere.

Keywords: media product, convergent editorial, journalism education, media education, project-based learning, product thinking, Astrakhan Tatishchev State University

For citation: Belolipskaya G. S., Kadyrova G. Kh. Media product as the basis of a project approach in the academic paradigm of journalism. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2026;1(97):106–113 (In Russ).

В проблемном поле журналистики и медиакоммуникаций в последние годы заметно активизировались дискуссии о трансформации современного медиадискурса: меняются коммуникативные условия, платформенные особенности производства и потребления контента, критерии доверия к информации и формы участия аудитории. На этом фоне существенно сдвигается и научно-профессиональное восприятие журналистского текста: от традиционного понимания его как «произведения» к рассмотрению его как медиапродукта, то есть результата редакционного цикла, ориентированного на конкретную аудиторию, канал распространения и измеряемую эффективность.

Такой поворот характерен и для высшей школы журналистики. В целом продуктивное мышление в образовании можно определить как ориентацию на создание ценности для конкретной аудитории через понятный результат, который можно предъявить, протестировать, улучшить и воспроизвести. В образовательной парадигме журналистики это особенно значимо, поскольку современный медиаспециалист работает не только с текстом, но и с форматом, платформой, сценарием потребления, дистрибуцией и обратной

связью. Материал должен быть не просто написан, а сделан как продукт: с ясной задачей, адресатом, редакционными критериями качества, доказательной базой, этическими ограничениями и ожидаемым эффектом. Трансформация восприятия журналистского материала в качества продукта хорошо обозначена К. В. Киуру: «Теоретизирование относительно природы журналистского текста / журналистского дискурса центрируется, как правило, вокруг трех главных категорий: журналистское произведение (ранее), медиатекст (как промежуточная категория) и медиапродукт (в настоящее время)» [7, с. 25]. Тем самым продуктивное мышление становится не внешним заимствованием из менеджмента, а отражением реальной эволюции самой профессиональной и научной оптики. В этом же контексте важно учитывать предложенную К. В. Киуру классификацию, в которой он выделяет такие типы, как визуальный медиапродукт, медийный тейнмент-продукт и просьюмерский, поскольку она помогает видеть различия не только в жанре, но и в логике производства и потребления контента.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что восприятие информации как продукта не сводится только к экономическим показателям, таким как охваты, просмотры или комментарии. Эти метрики важны для управляемости и оценки результата, но профессиональная сущность журналистики остаётся гуманитарной: ответственность за слово, сохранение и передача духовно-нравственных ценностей, недопущение вреда, уважение к человеку и обществу. Однако меняется контекст предъявления этой ответственности: от абстрактного влияния журналистики на массы к доказуемой результативности конкретных публикаций, точности, адресности, соблюдению стандартов и прозрачности работы с источниками.

Показательно, что разговор о продуктивном подходе к журналистике целесообразно начинать ещё на дисциплинах исторического цикла, прежде всего на истории отечественной и зарубежной журналистики. Ретроспективные методы здесь позволяют анализировать газету, журнал, телепередачу или радиопрограмму как продукт своего времени: кто целевая аудитория, какая редакционная политика, как устроена жанровая матрица, как выстроена дистрибуция, какие технологические ограничения влияли на форму, какие социальные задачи решались. Такой подход не упрощает историю до маркетинга, а делает её оперативно-производственной: студент учится видеть, как ценности и идеология эпохи превращаются в редакционные решения и формат, а затем переносит эту логику в современную конвергентную медиасреду. В частности, нестандартные практические задания по соответствующим историческим предметам позволяют развить проектные навыки и сформировать продуктивное мышление по отношению к журналистскому материалу: «Опыт преподавания таких дисциплин, как “История астраханской журналистики”, “Информационное пространство региона”, “История отечественной журналистики” побуждают искать методы и формы работы, которые позволили бы вовлечь студентов в активное производство знания под руководством преподавателя. При организации обучения используется метод проектов, например, создание медиакарты Астраханской губернии и разработка концепции виртуального музея истории астраханской журналистики» [4, с. 120]. Тем самым проектная деятельность оказывается не отдельным модулем «про управление проектами», а сквозным принципом, который может запускаться уже на ранних этапах подготовки.

Необходимость системного проектного обучения обусловлена тем, что в современных реалиях стремительной трансформации медиаиндустрии требования к журналисту в профессиональных навыках и технических знаниях существенно возрастают, что диктует важность применения новых подходов к медийному образованию [1, с. 43]. Именно поэтому проектное обучение в журналистике целесообразно соотносить с профессиональными

стандартами по должностям «Корреспондент» и «Редактор средств массовой информации». В обобщённом виде эти стандарты фиксируют круг трудовых функций, которые трудно сформировать только лекционным способом: поиск и отбор информации, работа с источниками, проверка достоверности, подготовка материала под требования редакции и платформы, соблюдение правовых норм и этики, взаимодействие в редакционной команде. Для редактора дополнительно значимы функции редактирования и обеспечения качества, планирования и координации, управления тематикой и выпуском, контроля соответствия материалов редакционной политике и стандартам. Именно проектный формат позволяет обучать этим функциям как связному циклу, а не как набору разрозненных навыков. Студент в проекте вынужден действовать в логике профессиональной роли: брать ответственность за результат, учитывать ограничения, фиксировать критерии качества и проходить этапы, аналогичные редакционному производству.

Обращение к опыту Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева представляется важным по нескольким причинам. Во-первых, региональные университеты в России часто выступают площадками, где особенно заметна необходимость готовить универсального журналиста для многозадачной медиасреды, совмещающего создание контента, цифровые навыки и проектную деятельность. Во-вторых, в условиях усиливающейся практико-ориентированности высшего образования именно региональные модели позволяют увидеть, как теоретические основания и реальные запросы редакций и пресс-служб связываются через проектные форматы и практики.

В образовательной программе бакалавров по направлению «Журналистика» Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева отчётливо прослеживается практико-ориентированная модель: фундаментальные дисциплины (теория журналистики, теория массовой коммуникации, система и типология СМИ, история журналистики, социология и психология журналистики, правовые основы и этика) дополняются технологическими модулями (цифровая грамотность, информационные технологии, системы искусственного интеллекта, интернет-журналистика, фотожурналистика, дизайн СМИ, работа в конвергентной редакции). При этом проектный подход закрепляется в учебном плане через модуль «Управление проектами» и дисциплины, ориентированные на медиапроектирование и выпуск медиапродукта.

Специфика журналистского проектного обучения здесь состоит в том, что продуктом выступает абстрактный проектный отчёт, а медиапродукт, который должен соответствовать одновременно редакционным, технологическим, правовым и этическим требованиям. Это делает проектную деятельность естественной формой интеграции компетенций.

Следующий элемент, который логично вытекает из продуктовой логики, – это организация командной работы. Проектные дисциплины и практико-ориентированные курсы реализуют командные форматы, где студенты учатся распределять роли, планировать этапы, оценивать риски и презентовать результаты. Для журналистики это принципиально: современная редакция функционирует как система ролей (автор, редактор, фотограф, дизайнер, SMM, аналитик данных), и освоение профессии требует не только индивидуального письма, но и навыков взаимодействия. Такой подход создаёт условия для формирования профессиональной идентичности: студент начинает мыслить себя не исполнителем задания, а участником производства медиапродукта.

Значимая особенность описанной модели заключается в системном использовании кейсов и проблемного обучения в дисциплинах, связанных с ответственностью и критическим анализом информации (манипулятивные технологии, фактчекинг, этика, правовые основы). В проектной логике это

означает, что гуманитарная составляющая не вынесена в отдельный теоретический блок, а встроена в производство продукта как постоянный критерий качества: нельзя сделать хороший материал, если он нарушает право, этику или стандарты проверки фактов. Тем самым формируется практическая нравственность профессии: ценности проявляются не в декларациях на лекциях, а в конкретных редакционных решениях.

Данный аспект особенно важен в настоящее время. В современных учебных планах журналистики нередко существует риск «растворения» ценностной составляющей в технологическом тренде, когда цифровые инструменты, мультимедийность и скорость выпуска контента начинают восприниматься как главные критерии качества. Однако в реальной профессиональной среде качество журналистики определяется не только производственной эффективностью, но и общественной полезностью, результативностью и этической корректностью [5]. По сути, духовно-нравственные ценности в подготовке журналиста проявляются не как часть воспитательной программы, а как профессиональная технология предотвращения вреда, снижения конфликтности и повышения доверия аудитории. Таким образом, в рамках проектного обучения ценности становятся не темой «разговора о высоком», а системой ограничений и критериев качества медиапродукта. Например, при подготовке новостного материала или лонгрида студент должен не просто собрать фактуру, а выполнить профессиональное действие ответственно: исключить клевету и нарушение презумпции невиновности, соблюдать требования к обработке персональных данных, не допускать разжигания ненависти, различать факт и оценку, не подменять доказательство эмоциональной риторикой. В проектной логике эти требования не выглядят внешним контролем, они становятся частью продуктового восприятия медиа и напрямую влияют на итоговый результат.

Важную роль здесь играет дисциплинарная связка: социология и психология журналистики дают понимание аудитории и социальной чувствительности тем, теория массовой коммуникации объясняет механизмы влияния и манипуляции, история журналистики позволяет увидеть, как редакционные практики в разные эпохи были связаны с идеями общественного служения, просвещения и моральной ответственности. Это позволяет формировать у студента профессиональную рефлексию: журналистский продукт создаётся не в вакууме, а внутри общественных отношений, конфликтов интересов и ценностных выборов. Уместно подчеркнуть, что интеграция ценностей в подготовку журналиста особенно значима в цифровом контексте, где резко выросли скорость распространения информации и риск её искажения [3, с. 18].

Таким образом, ключевая специфика проектного обучения и продуктового подхода в журналистике состоит в том, что они позволяют соединить три уровня подготовки, которые часто существуют отдельно: знания о профессии, навыки производства и ценностно-нормативную ответственность. В проекте студент вынужден совместить эти компоненты, потому что иначе продукт не будет жизнеспособным. Сильная идея без фактчекинга и правовой корректности превращается в репутационный риск. Технически качественная подача без гуманитарного основания может привести к цинизму, агрессии и потере доверия. Наконец, высокие постулаты без продуктовой логики часто не доходят до аудитории и не дают результата.

Характерный пример такой социализации задан в образовательных проектах «Школа парламентской журналистики», «Школа научной журналистики», «Школа театральной журналистики» в рамках отдельных дисциплин [2, с. 52]. Здесь особенно очевидна связь ценностей и продукта: аналитический материал требует уважения к фактам, нейтральности, способности отделять оценку от доказательства и понимания общественных последствий

публикации. Проектный подход позволяет закрепить эти требования не как теорию, а как редакционный стандарт.

Встроенность дисциплин по цифровой грамотности, информационным технологиям и системам искусственного интеллекта создаёт технологическую основу для проектов. Специфика здесь в том, что цифровые инструменты становятся не отдельным предметом, а средством производства и организации командной работы: поиск и анализ информации, визуализация, мультимедийная упаковка, медиабезопасность, работа в онлайн-сервисах. Электронная образовательная среда и портфолио на платформе университета поддерживают проектную логику фиксации результатов: продукт сохраняется, демонстрируется, сравнивается по качеству на разных этапах обучения [6, с. 136].

В образовательную программу направления подготовки бакалавров «Журналистика» введён также блок общефакультетских элективов, которые реализуют разные кафедры факультета филологии и журналистики: цифровая лингвистика, медиакультура в условиях цифровизации, литературное редактирование текста, академическое письмо. Это изменение даёт студентам несколько практических преимуществ: больше гибкости в учебной траектории, набор прикладных навыков под реальный рынок и возможность усилить свою специализацию (или закрыть пробелы) за счёт курсов разных кафедр. Межкафедральность определяет более широкий профессиональный кругозор, когда студент видит разные стандарты и подходы к тексту и медиаматериалу, иной язык профессионального обсуждения, потенциально новые научные или проектные связи. В проектном обучении это важно, поскольку медиапродукты требуют разных профилей компетентности, а индивидуализация повышает качество командной работы и конкурентоспособность выпускника.

Существенным изменением в логике современного журналистского образования становится расширение формата выпускной квалификационной работы. Итоговая аттестационная работа всё чаще может выполняться не только как исследовательский текст, но и как профессиональный проект или портфолио, подтверждающие готовность выпускника к реальной деятельности. Для проектного обучения это выглядит естественным: если обучение построено вокруг производства медиапродуктов и командных проектов, то итогом образовательной траектории логично становится «выпускной продукт», демонстрирующий профессиональную зрелость.

Формат выпускной квалификационной работы в виде портфолио позволяет собрать и системно представить результаты обучения: опубликованные или подготовленные к публикации материалы разных жанров и платформ, кейсы по фактчекингу, примеры редактирования, мультимедийные проекты, элементы дизайна, аналитические заметки о целевой аудитории и эффективности. Важно, что такое портфолио не должно быть простым архивом. Его научно-профессиональная состоятельность обеспечивается структурой и рефлексивно-аналитической частью: обоснованием темы и редакционной концепции, описанием методов работы с источниками, объяснением этических решений, анализом рисков, оценкой результата и предложениями по улучшению.

Формат профессионального проекта как итоговой аттестационной работы может включать запуск и выпуск серии материалов, спецпроекта, подкаста, документального мини-фильма, лонгрида с визуализацией данных, работу редакционной команды в конвергентном режиме, создание и тестирование контент-модели, разработку редакционной политики и стандартов качества. При этом принципиально, что выпускной квалификационный проект не отменяет академичности, а переводит её в иной формат доказательности. Академическая составляющая проявляется в корректной постановке проблемы, обзоре источников и подходов, выборе методик, аналитике аудитории,

описании производственного процесса и верификации, оценке эффективности и ограничений.

Такой подход напрямую соотносится с профессиональными стандартами в сфере журналистики, поскольку демонстрирует не фрагментарное владение навыками, а способность выполнить полный цикл: от идеи и планирования до выпуска и редактирования, от работы с источниками до юридической и этической экспертизы, от упаковки продукта до оценки результата. И здесь вновь важно, что продуктовый подход не сводится к метрикам. В проектной выпускной работе по-прежнему важным остаётся ценностный анализ и профессиональная саморефлексия: как обеспечивалась достоверность, как соблюдались нормы права, какие принципы уважения к человеку были приняты, как предотвращались манипуляции, как учитывались духовно-нравственные ценности в языке и подаче.

Итоговая аттестационная работа в форме портфолио или профессионального медиапроекта становится в этой модели закономерным итогом получения профессии, где выпускник демонстрирует не только умение производить контент, но и способность отвечать за его общественный смысл, корректность и действенность. В этом заключается одна из ключевых специфических черт проектного обучения журналистов: оно учит делать продукт, который одновременно измерим по результату и оправдан по ценностям.

Итак, специфика проектного обучения в подготовке бакалавров-журналистов заключается в ориентации на выпуск медиапродукта как интегратора компетенций. Продуктовое мышление позволяет удерживать баланс между рыночной логикой современного медиапроизводства и гуманитарной миссией журналистики: качество материала определяется не только востребованностью, но и доказательностью, этичностью, правовой корректностью и социальной результативностью конкретных публикаций.

Данный опыт Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева в сфере подготовки журналистов на уровне бакалавриата представляет интерес в контексте текущей трансформации высшего образования в России, включая дискуссии об укрупнении специальностей. В условиях возможной унификации образовательных программ особенно ценными становятся модели, которые сохраняют профессиональную конкретику и демонстрируют, как через проектные форматы можно обеспечивать одновременно универсальность компетенций и соответствие реальным профстандартам журналистской деятельности.

Список источников

1. Белолипская Г. С. Активные методы обучения в контексте журналистского образования / Г. С. Белолипская, Н. В. Максимова // *Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете.* – Астрахань : Астраханский университет, 2017. – С. 43–44.
2. Белолипская Г. С. Использование проектных технологий в обучении студентов направления подготовки бакалавров «Журналистика» / Г. С. Белолипская, Н. В. Максимова // *Медиапространство многополярного мира.* – Москва : Российский ун-т дружбы народов, 2017. – С. 51–59.
3. Белолипская Г. С. Опыт актуализации междисциплинарных связей при изучении «Истории отечественной журналистики» и «Основ журналистской деятельности» / Г. С. Белолипская, Н. В. Максимова // *Гуманитарные исследования.* – 2017. – № 1 (61). – С. 18–22.
4. Белолипская Г. С. Проектные технологии в преподавании истории региональной журналистики / Г. С. Белолипская, Н. В. Максимова // *Мировая журналистика: единство многообразия.* – Москва : Российский ун-т дружбы народов, 2018. – Т. 1. – С. 119–126.

5. Кадырова Г. Х. Категориальная динамика действенности медиа: социально-регулятивный и информационно-жанровый аспекты / Г. Х. Кадырова. – Краснодар, 2020. – 206 с.

6. Касьянова Л. Ю. Цифровые технологии в современном гуманитарном образовании / Л. Ю. Касьянова, Г. С. Белолипская, Е. В. Лазуткина // Актуальные проблемы инновационного сотрудничества в повышении качества высшего образования. – Навоий : Навоий Давлат педагогика институти, 2020. – С. 136–139.

7. Киуру К. В. Медиапродукт: определение и типология / К. В. Киуру // Российская пиарология: тренды и драйверы. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. экономический ун-т, 2020. – Вып. 9. – С. 25–27.

References

1. Belolipskaya G. S., Maksimova N. V. Active teaching methods in the context of journalism education. *Elity i lidery: strategii formirovaniya v sovremennom universitete = Elites and Leaders: Strategies of Formation in the Modern University*. Astrakhan; 2017: 43–44.

2. Belolipskaya G. S., Maksimova N. V. Using project technologies in teaching students in the bachelor's degree program Journalism. *Mediaprostranstvo mnogopolyarnogo mira = Media space of the multipolar world*. Moscow; 2017:51–59.

3. Belolipskaya G. S., Maksimova N. V. Experience updating interdisciplinary connections with the study of "History of Russian journalism" and "Fundamentals of creative activities of journalists". *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2017;1(61):18–22.

4. Belolipskaya G. S., Maksimova N. V. Project technologies in teaching the history of regional journalism. *Mirovaya zhurnalistika: edinstvo mnogoobraziya = World journalism: unity of diversity*. Moscow; 2018:119–126.

5. Kadyrova G. Kh. *Kategorialnaya dinamika deystvennosti media: sotsialno-regulyativnyy i informatsionno-zhanrovyy aspekty = Categorical dynamics of media effectiveness: social-regulatory and information-genre aspects*. Krasnodar, 2020:206 p.

6. Kasyanova L. Yu., Belolipskaya G. S., Lazutkina E. V. Digital technologies in modern humanitarian education. *Aktualnye problemy innovatsionnogo sotrudnichestva v povyshenii kachestva vysshego obrazovaniya = Actual problems of innovative cooperation in improving the quality of higher education*. Navoi; 2020:136–139.

7. Kiuru K. V. Media product: definition and typology. *Rossiyskaya piarologiya: trendy i drajvery = Russian PR: trends and drivers*. St. Petersburg; 2020;9:25–27.

Информация об авторах

Г. С. Белолипская – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой журналистики и медиакоммуникаций;

Г. Х. Кадырова – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций.

Information about the authors

G. S. Belolipskaya – Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of journalism and media communications;

Kadyrova G. Kh. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of journalism and media communications.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; одобрена после рецензирования 24.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.

The article was submitted 10.03.2026; approved after reviewing 24.03.2026; accepted for publication 27.03.2026.

Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 114–123.
Humanitarian Researches. 2026;1(97):114–123.

Научная статья
УДК 659.123

**ТИПОЛОГИЯ МЕДИЙНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
РОССИЙСКИХ ПАРФЮМЕРНЫХ ПРАГМАТОНИМОВ**

Екатерина Валерьевна Лазуткина

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, evlazutkina@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0646-3490>

Аннотация. В статье представлен результат исследования стратегий нейминга в контексте структурной трансформации парфюмерного рынка, проведённый на материале российских парфюмерных прагматонимов, функционирующих в 2023–2026 гг. Актуальность работы обусловлена усилением роли локальной идентичности в продвижении отечественных брендов и переходом нейминга из разряда идентифицирующих маркеров в инструмент смыслового позиционирования. Эмпирическую базу составили наименования парфюмерной продукции российских брендов, представленных в трёх ценовых сегментах: массмаркет, средний и нишевый (премиальный). Источниками также выступили официальные сайты компаний, специализированные порталы *Aromo.ru*, *Fragrantica*, *Flacon* (2023–2026), интернет-издания РБК, *Beautyinsider*, рекламные и блогерские материалы. Методология исследования базируется на сочетании лексико-семантического, морфологического, синтаксического и дискурсивного анализа, что позволило выявить пять доминирующих стратегий нейминга: гиперреалистическую (объектную), эмоционально-нарративную, культурно-историческую, философско-концептуальную и имиджевую. В рамках каждой стратегии охарактеризованы лексико-грамматические средства реализации, включая явления натуралистической абстракции, реминисцентного нейминга, неогурманики и минималистичного концептуализма. На основе дискурс-анализа предложена типология медийной репрезентации названий, дифференцирующая информационно-событийные, развлекательно-виральные, ценностно-интегративные, имиджевые и повествовательные типы. Установлено, что современный российский парфюмерный нейминг развивается в двух разнонаправленных векторах: гиперреалистической прозрачности и сложной метафоричности, при этом метафорический перенос сохраняет статус ведущего смыслообразующего приёма. Показано, что выявленные стратегии и типы медийной репрезентации обеспечивают многоуровневую коммуникацию брендов с аудиторией в цифровой среде. Результаты исследования вносят вклад в теорию прагматоники и могут быть использованы в практике разработки нейминга и медиастратегий парфюмерных брендов.

Ключевые слова: нейминг, прагматонимы, парфюмерный бренд, стратегии рекламного продвижения, медиарепрезентация

Для цитирования: Лазуткина Е. В. Типология медийной репрезентации российских парфюмерных прагматонимов // Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 114–123.

Original article

**TPOLOGY OF MEDIA REPRESENTATION
OF RUSSIAN PERFUMES PRAGMATONYMS**

Ekaterina V. Lazutkina

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, evlazutkina@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0646-3490>

Abstract. This article presents the results of a study of naming strategies in the context of the structural transformation of the perfume market, conducted using Russian perfume

pragmatonyms operating in 2023–2026. The relevance of this study stems from the increasing role of local identity in promoting domestic brands and the transition of naming from identifying markers to a tool for semantic positioning. The empirical base consisted of the names of perfume products of Russian brands represented in three price segments: mass market, mid-market, and niche (premium). Other sources included official company websites, specialized portals Aromo.ru, Fragrantica, and Flacon (2023–2026), online publications RBC and Beautyinsider, advertising materials, and blogger content. The research methodology is based on a combination of lexical-semantic, morphological, syntactic, and discourse analysis, which allowed us to identify five dominant naming strategies: hyperrealistic (object-based), emotional-narrative, cultural-historical, philosophical-conceptual, and image-based. Within each strategy, the lexical and grammatical means of implementation are characterized, including the phenomena of naturalistic abstraction, reminiscent naming, neo-gourmandism, and minimalist conceptualism. Based on discourse analysis, a typology of media representation of names is proposed, differentiating between informational-event-based, entertaining-viral, value-integrative, image-based, and narrative-based types. It has been established that contemporary Russian perfume naming is developing in two opposing directions: hyperrealistic transparency and complex metaphoricity, with metaphorical transfer retaining its status as the leading meaning-forming device. It is shown that the identified strategies and types of media representation enable multi-layered brand communication with audiences in the digital environment. The study's findings contribute to the theory of pragmatonymy and can be used in the development of naming and media strategies for perfume brands.

Keywords: naming, pragmatonyms, perfume brand, advertising promotion strategies, media representation

For citation: Lazutkina E. V. Typology of media representation of russian perfumes pragmatonyms. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2026;1(97):114–123 (In Russ).

Структурные изменения на российском парфюмерном рынке, произошедшие в 2023–2026 гг. (уход ряда зарубежных брендов, переориентация потребителей на отечественную продукцию, рост значимости локальной идентичности в коммуникации), сделали нейминг одним из ключевых инструментов позиционирования. Название аромата теперь не просто идентифицирует продукт, но и задаёт ассоциативную рамку восприятия бренда, формирует его медийный образ. В этих условиях исследование того, как именно создаются и функционируют названия российской парфюмерии, приобретает как теоретическую, так и прикладную значимость.

Цель настоящей работы – выявить и систематизировать стратегии нейминга, используемые отечественными парфюмерными брендами в 2023–2026 гг., определить лексико-грамматические и семантические особенности прагматонимов, а также описать модели репрезентации названий в специализированном медиадискурсе.

Материалом исследования послужили названия парфюмерной продукции российских брендов, представленных в трёх ценовых сегментах: масс-маркет (Planeta Organica, «Новая заря», «Арома Пром»), средний (Brogard, LAB FRAGRANCE, Sergio Nero, «Аскания», «Фестиваль», «Ароматгрупп», S Parfum) и нишевый (премиальный) (Biblioteka Aromatov, Predubezhdei, Nose Perfumes, Cosmogony, ParfumirRf). Источниками выступили официальные сайты компаний, специализированные порталы Aromo.ru, Fragrantica, Flacon (2023–2026), интернет-издания РБК, Beautyinsider, рекламные и блогерские материалы. Методологически работа опирается на сочетание лексико-семантического, морфологического, синтаксического и дискурсивного анализа, а также на сравнительно-сопоставительный подход при рассмотрении нейминговых практик разных брендов.

Для обеспечения надёжности выводов был сформирован корпус, включающий наименования парфюмерной продукции трёх ценовых сегментов: масс-маркет, средний и нишевый (премиальный). Отбор единиц проводился

методом сплошной выборки из каталогов официальных сайтов брендов и каталогов Aromo.ru, Fragrantica за период с января 2023 по март 2026 г. Критерии отбора: наличие названия на русском или английском языке, чёткая принадлежность к одному из сегментов, а также подтверждённое присутствие в розничной продаже на территории РФ. Медийный корпус составили публикации экспертных онлайн-изданий Flacon, Fragrantica, РБК, Beautyinsider за тот же период. Отбор осуществлялся по ключевым запросам, отражающим тематику нейминга и парфюмерных новинок.

Аналитическая работа строилась как последовательное сочетание методов. На первом этапе проводилась лексико-семантическая классификация названий с выделением тематических групп, на втором – морфологический и синтаксический разбор структурных моделей. Завершающий этап был посвящён дискурсивному анализу медиатекстов, что позволило выявить устойчивые модели репрезентации названий в специализированных изданиях. Полученные качественные наблюдения уточнялись и перепроверялись за счёт сопоставления данных из разных ценовых сегментов, а также перекрёстного анализа лексических и дискурсивных закономерностей.

Анализ эмпирического материала позволил выделить пять стратегий создания названий, которые различаются по способу семантизации, грамматическому оформлению и решаемым маркетинговым задачам.

Гиперреалистическая (объектная) стратегия предполагает прямое, неметафорическое обозначение объекта или явления. Она наиболее последовательно представлена, например, в продукции *Biblioteka Aromatov*: «Земля», «Трава», «Свежескошенное сено», «Дождь», «Пляж», «Морская соль», «Хлеб», «Мед», «Ваниль». В лексико-грамматическом плане здесь доминируют однословные номинативы, конкретные существительные, отсутствуют оценочные прилагательные и метафоры. Такая стратегия ориентирована на максимальную прозрачность и апелляцию к сенсорному опыту, что особенно востребовано в массмаркете и демократичных линейках.

Обращает на себя внимание, что в рамках гиперреалистической стратегии встречаются названия, сочетающие предметную лексику с элементами, нарушающими автоматизм восприятия. Например, «Ягодный морок», где конкретный компонент «ягодный» соединяется с архаичным и эмоционально напряжённым «морок» (наваждение, обман чувств). Аналогичные образования («Смолистый уд», «Влажная земля») фиксируются в боксах *Biblioteka Aromatov*. Подобное семантическое усложнение, вероятно, объясняется стремлением брендов к образной глубине даже в тех случаях, когда нейминг внешне сохраняет реалистичность.

Эмоционально-нарративная стратегия ориентирована на передачу психологических состояний, личных нарративов и меморативных образов. Наиболее последовательно она реализована в бренде *Predubezhdai*, а также в коллаборационных проектах «Библиотеки ароматов». Названия коллекции («Детство», «Прекрасное далеко», «Вам и не снилось», «Катарсис», *Suspiria*) отсылают не к ароматическим характеристикам, а к эмоционально-психологическим переживаниям и прецедентным текстам (в частности, к кинематографу). Лексический состав данной стратегии формируют абстрактные имена существительные со значением эмоций и временных отрезков, а также аллюзивные единицы. Подобный подход преимущественно характерен для нишевого сегмента, предполагающего активную роль потребителя в интерпретации.

В рамках этой стратегии выделяется группа наименований, обращенных к коллективному опыту 1990–2000-х годов. Например, бокс «2k17», *ODNAONKA.MP3*, «Ностальгия» (*Biblioteka Aromatov*) включают отсылки к цифровым форматам, медийным продуктам и субкультурным реалиям указанного периода. Подобные случаи предлагается обозначать как

реминисцентный нейминг. Он ориентирован на аудиторию 25–35 лет и расширяет эмоционально-нарративную стратегию за счёт включения ностальгического компонента, причём, в отличие от классической нарративности, опирается не столько на личную биографию, сколько на разделяемый поколенческий опыт.

Культурно-историческая стратегия обращается к историческим событиям, национальным архетипам и литературным образам. Наиболее репрезентативны здесь названия фабрики «Новая Заря», наследующей традиции Брокера: «Красная Москва» (1925), «Каменный цветок» (по сказу Бажова), «Злато скифов», «Пиковая дама», «Кузнецкий мост», «Елена», «Русская красавица» и др. В линейках *Brocard* встречаются как славянские мотивы («Царевна-Лебедь», «Русская Княжна», «Русский лес», «Русалка», «Василиса Прекрасная»), так и обращение к мировой мифологии (линейка *Once Upon a Time* с ароматами *Aphrodisia, Kingdom*). *Sergio Nero* сочетает итальянскую стилистику с русскими историческими образами: «Адмираль» (отсылка к адмиралу Колчаку), «Russian Present». Лексический материал здесь – историзмы, архаизмы, мифонимы, топонимы и антропонимы с высокой культурной значимостью.

Философско-концептуальная стратегия строится вокруг целостной идеи или бинарной оппозиции. Примером служит бренд *Cosmogony* (разработан *Brocard Group*): базовые ароматы *Sun Light* и *Moon Light* задают космогоническую парадигму, а последующие названия развивают тему единства и борьбы противоположностей. Реализация подобной стратегии предполагает активное участие адресата и его интерпретационные усилия, чем обусловлена её применимость преимущественно в сегменте нишевых марок. На лексическом уровне данный способ организации текста опирается на абстрактные именные группы, астрономы и заимствования из английского языка, которые придают высказыванию универсальный характер.

Среди названий, тяготеющих к философской семантике, обращают на себя внимание лаконичные формы – короткие, часто однословные наименования, несущие ёмкую концепцию. В таких случаях отсутствуют дескриптивные элементы (например, названия, выстроенные по модели «прилагательное + существительное»), что делает их удобными для использования в цифровых медиа: короткие видео, посты, хештеги легче работают с такими именами.

Имиджевая стратегия направлена на формирование образа экспертизы и технологичности. Бренд *LAB FRAGRANCE* использует компонент «лаборатория», ассоциирующийся с научным подходом. *Nose Perfumes* апеллирует к экспертной компетенции. Сюда же примыкают названия с англоязычными компонентами, маркирующими глобальность и современность: *Cocktail, Dress To Impress, Instant Desire (Sergio Nero)*. С точки зрения лексики, данная стратегия реализуется через использование терминологической лексики, англицизмов, а также синтаксически сжатых конструкций, которые оказываются удобны для распространения в цифровой среде.

Показательной в этом отношении становится эволюция гастрономического нейминга. Популярная в прошлые годы десертная лексика («ваниль», «карамель», «шоколад», «мёд») сменилась на более сложные и разнообразные образные конструкции: «эспрессо», «матча», «паприка», «чабрец». Также используются указания на способы технологической обработки: «ферментированные продукты», «смолистые ноты» и др. Подобные изменения позволяют говорить о формировании феномена неогурманики – процесса перехода от классической парфюмерной гурманики в сторону усложненной гастрономической образности, что отражает изменения потребительских установок.

Перечисленные стратегии различаются по своим функциональным задачам. Гиперреалистическая ориентирована на активизацию сенсорного опыта;

эмоционально-нарративная строит эмпатию через обращение к личной истории; культурно-историческая закрепляет связь с коллективной идентичностью; философско-концептуальная предполагает вовлечение адресата в интеллектуальную интерпретацию; имиджевая, в свою очередь, работает на формирование экспертной репутации.

В ходе анализа стратегий были зафиксирован ряд лексических особенностей: смешение конкретной и отвлечённой лексики, реминисцентный нейминг (отсылающий к прецедентным текстам), краткие концептуальные формы, а также явление, которое в современных исследованиях принято обозначать как неогурманика. Указанные явления, как представляется, и выступают теми конкретными средствами, через которые данные подходы реализуются в современном российском нейминговом дискурсе.

При сопоставлении сегментов массмаркет и ниша устойчиво проявляются различия в нейминговых стратегиях, связанные с позиционированием брендов и характером целевой аудитории. В массмаркете доминирует гиперреалистическая (объектная) стратегия: названия предельно прозрачны, строятся по модели однословного конкретного существительного или атрибутивного сочетания. Помимо уже рассмотренных примеров, здесь встречаются такие наименования, как «Ландыш серебристый», «Сибирский кедр», «Морозная свежесть» (линейки «Новой зари»), а также «Кедровая бочка», «Луговые травы» (продукция «Арома Пром»). В брендовом нейминге прямая номинация подчёркивает натуральность и доступность.

Нишевый сегмент, напротив, ориентирован на эмоционально-нарративную и философско-концептуальную стратегии. В российском парфюмерном нейминге сегодня отчётливо выделяются две разнонаправленные стратегии. Массмаркет тяготеет к семантической прозрачности, тогда как нишевые бренды, напротив, выстраивают смысловую многомерность. В нишевой сегменте названия сознательно усложнены: они требуют от потребителя вовлечённости и самостоятельной интерпретации. Среди таких приёмов, например, обращение к абстрактным понятиям («Пустота» или «Тишина» в линейке ParfumerRf, «Тайна» от «Новой Зари»), аллюзии на культурные феномены («Портрет неизвестного» или «Чёрный шум»), а также использование брендовых имён, подчёркивающих авторскую оптику (Nose Perfumes, ParfumerRf).

Лексика подобных наименований строится на реминисцентных отсылках, неогурманических образах (в лимитированных коллекциях это, например, White Tea, «Трюфель», «Копчёный чай») и развернутой метафорике, ориентированной на аудиторию, способную к реконструкции заложенных смыслов. При этом оба сегмента активно используют культурные коды, но адаптируют их под специфику своей аудитории. Если массмаркет опирается на уже сложившиеся, широко узнаваемые образы, то нишевые бренды переводят их в формат личных или субкультурных нарративов.

Важно подчеркнуть, что современные стратегии нейминга не являются автономными инновациями. Они складываются на основе традиций российской парфюмерии, формировавшихся на протяжении более чем столетия и восходящих к дореволюционному и советскому периодам. Уже в начале XX в. фабрика «Новая Заря», наследующая традициям товарищества Брокера, активно использовала названия, апеллирующие к национальной истории и культурным кодам: «Первая гильдия», «Славянская», а позднее «Красная Москва» (аромат, созданный в 1925 г. и до сих пор сохраняющий статус культурного символа). Советская эпоха привнесла в парфюмерный нейминг две, на первый взгляд, разнонаправленные линии: с одной стороны, это идеологически маркированные наименования, отражавшие официальную риторику («Карл Маркс», «Олимпиада-80»), с другой – романтическая лирика, обращённая к образам природы и городским пейзажам («Майский ландыш»,

«Северный ландыш»), которая в целом продолжала дореволюционную традицию «цветочного» нейминга.

Зарубежные парфюмерные компании пришли на российский рынок в 1990-е гг. Именно в этот период произошёл разрыв преемственности: локальные бренды утратили лидирующие позиции, а потребительские предпочтения переориентировались на глобальные марки с их унифицированными нейминговыми стратегиями. Однако с 2020-х гг. наблюдается устойчивый ретроспективный поворот. Бренды всё чаще обращаются к советскому и дореволюционному наследию, переосмысляя его в формате коллабораций, лимитированных серий и ретро-боксов. Показательны в этом отношении проекты Biblioteka Aromatov с «Союзмультфильмом» («Чебурашка», «Малыш и Карлсон», «Простоквашино», «Бременские музыканты» и др.), а также регулярные ретро-выпуски «Новой зари», возвращающие в оборот названия, знакомые нескольким поколениям.

Таким образом, современный российский парфюмерный нейминг оказывается включённым в сложный диалог с прошлым. Он не просто создаёт новые семантические формы, но и перерабатывает, пересобирает культурные коды предшествующих эпох, что сообщает ему дополнительную глубину и расширяет возможности маркетингового позиционирования. Опора на узнаваемые исторические образы и ностальгические переживания становится одним из инструментов конкуренции в условиях трансформирующегося рынка.

Историческая преемственность, как показано выше, находит прямое выражение в лексике названий. Культурно-исторические коды разных эпох задают тематические приоритеты, предпочтительные словообразовательные модели и семантические типы, которые устойчиво прослеживаются в проанализированном материале. Остановимся на основных лексико-грамматических и семантических характеристиках, свойственных современным парфюмерным российским прагматонимам. На морфологическом уровне в названиях преобладают имена существительные, реже встречаются субстантивированные прилагательные («Цветочное», «Хвойное»). Уменьшительно-ласкательные суффиксы, создающие интимность («Ягодка», «Березка», «Дынька») единичны и характерны для отдельных линеек.

Исследование показало, что синтаксически доминируют две модели. Первая – «прилагательное + существительное»: определения цвета («Красная Москва»), времени («Майский ландыш»), места («Крымская роза») и качества («Душистая акация»). Вторая – «существительное + существительное в родительном падеже»: «Букет цветов», «Аромат роз», «Волшебство пачули».

Семантическое ядро нейминга составляют три группы лексики. Фитонимы (названия растений) – самая многочисленная группа: «роза», «сирень», «жасмин», «пачули», «сандал». Абстрактные понятия представлены лексемами «любовь», «тайна», «мечта», «счастье», «катарсис». Культурные реалии включают историзмы («княжна», «адмирал»), мифонимы («Царевна-Лебедь»), прецедентные феномены («Прекрасное далёко», «Пиковая дама»).

Медийная репрезентация названий. Дискурс-анализ публикаций онлайн-изданий *Flacon* и *Fragrantica*, РБК, *Beautyinsider* (2023–2026) позволяет выделить несколько устойчивых моделей того, как названия парфюмерных продуктов включаются в медиатекст. Первая модель – *дискурсивно-трендовая*. Название вписывается в актуальный парфюмерный тренд, что усиливает его легитимность через соответствие глобальным или локальным тенденциям. Например, в публикации «Новое слово гурманики. Духи с эспрессо – парфюмерный тренд весны» (2026), где гастрономические компоненты («эспрессо», «латте») подаются как репрезентанты тренда.

Вторая модель – *сезонно-ориентирующая*. Названия соотносятся со временем года: лексика с семантикой тепла, плотности, смолистости

(«уд», «мускус», «амбра») позиционируется как зимняя, а лёгкая, прозрачная семантика («цитрус», «морской бриз», «зелёный чай») – как летняя. Так формируются устойчивые ассоциации и стереотипное восприятие между названием и сезоном использования.

Третья модель – *экспертно-рекомендательная*. Например, *Flacon* позиционирует себя как «первый экспертный журнал о красоте без цензуры», подаёт названия как результат профессионального отбора, сопровождая их разбором парфюмерной пирамиды, комментариями приглашённых экспертов и отсылками к компетенции создателей.

Анализ показывает, что названия, несущие культурные, исторические или личностные отсылки, получают более развёрнутую медийную репрезентацию, чем нейтральные или чисто дескриптивные. Специализированный дискурс выполняет не только информационную, но и нормативную функцию. Он закрепляет тренды, сезонные ассоциации и экспертные оценки, тем самым влияя на восприятие названий аудиторией.

Следует учитывать, что репрезентация названий в массмедиа не исчерпывается специализированными изданиями. В цифровой среде, в том числе на отечественных платформах («ВКонтакте», «Одноклассники»), а также в видеохостингах, складываются дополнительные форматы взаимодействия с наименованиями. В публикациях блогеров и в пользовательском контенте название аромата нередко становится основой для разного рода интерпретационных практик: его буквальное значение обыгрывается в мемах, вокруг него выстраиваются челленджи, связанные с угадыванием запаха, оно включается в подкасты, где обсуждается в устной форме. В других случаях название функционирует как элемент эстетического высказывания, сопровождаемого визуальным рядом (фотографии флакона, стилизованные изображения), что превращает его из чисто вербального знака в мультимодальную единицу, интегрированную в цифровую коммуникацию.

Обращение к материалам специализированных изданий позволяет не только описать модели репрезентации, но и выделить устойчивые типы названий, различающиеся по своим медийным функциям. Первый – *информационно-событийный*. В эту группу попадают наименования, которые сами по себе становятся новостным поводом. Их лексика часто связана с культурно-историческими реалиями, прецедентными феноменами (литературными, кинематографическими), именами собственными, коллаборативными отсылками. В медиа такие названия выносятся в заголовки, служат предметом интервью с создателями, попадают в аналитические обзоры. Примеры дают коллаборации *Biblioteka Aromatov* с «Союзмультфильмом», *Культура.РФ* и *TNT PREMIER*, «Таврида.АРТ», *World of Tanks*. Сюда же относятся исторические названия «Новой зари» («Красная Москва», «Пиковая дама») и *Sergio Negro* («Адмираль»). Каждый из них способен самостоятельно привлекать внимание медиа.

Второй тип можно обозначить как *развлекательно-вирусный*. Он объединяет названия, которые легко осваиваются аудиторией в игровой форме. Для них характерны гиперреализм, прямая номинация бытовых предметов или явлений, неожиданные смысловые сочетания, иногда – просторечная или сниженная лексика. Такие наименования становятся объектом шуток, пародий, мемов, пользовательских экспериментов (широко известная формула «а как пахнет?»). Показательны в этом плане ароматы *Demeter* («Земля», «Свежескошенное сено», «Трава»), а также название «Ягодный морок» из линейки *Biblioteka Aromatov*, где сочетание конкретного и абстрактного компонентов провоцирует интерпретационную активность.

Третий тип – *ценностно-интегративный*. Названия этого рода строятся на абстрактной лексике (философские, психологические, эзотерические понятия), дуальных оппозициях, развёрнутых метафорах. Они требуют

от аудитории интерпретационных усилий и способствуют формированию вокруг бренда сообщества, объединённого общими смыслами. В медиа такие названия раскрываются через интервью с парфюмерами, концептуальные разборы, эссеистику. Например, *Cosmogony* с ароматами Sun Light и Moon Light, задающими космогоническую оппозицию, а также *Predubezh dai* с названиями «Катарсис», «Прекрасное далёко», «Детство», каждое из которых отсылает к психологическим состояниям или культурным архетипам.

Четвёртый тип – *имиджевый*. Это короткие иноязычные (как правило, английские) наименования, звучные, семантически прозрачные для целевой аудитории, но изначально не несущие развёрнутого смысла. В медийном пространстве они требуют активного сопровождения. Их значение раскрывается через визуальный ряд, ассоциации с образом жизни, гляцевую эстетику. К этому типу относятся ароматы *Sergio Nero: Cocktai*, *Dress To Impress*, *Instant Desire*, само брендовое имя *LAB FRAGRANCE* (компонент «лаборатория») работает на формирование образа технологичности) и *Nose Perfumes*, апеллирующее к профессиональной компетенции парфюмера.

Пятый тип – *повествовательный*. Он объединяет развёрнутые словосочетания, построенные по моделям «прилагательное + существительное» или «существительное + существительное в родительном падеже», часто с эмоционально-оценочными прилагательными и отсылками к личному опыту. Такие названия становятся основой для сторителлинга: в медиа реконструируется история их создания, раскрывается символика каждого компонента. Яркие примеры – коллекция *Predubezh dai* («Детство», «Прекрасное далёко», «Вам и не снилось»), аромат *Brocard* «Русская Княжна», где исторический образ сочетается с романтической атрибутикой, а также «Царевна-Лебедь» из той же линейки.

Каждый из выделенных типов реализует определённую медийную функцию. Информационно-событийные названия выступают базой для новостных материалов. Развлекательно-виральные ориентированы на вовлечение аудитории в игровые практики и пользовательское творчество. Ценностно-интегративные формируют вокруг бренда сообщество, объединённое общими смыслами. Имиджевые работают на создание образа и требуют активного медийного сопровождения. Повествовательные разворачиваются в истории, связывая продукт с личным опытом или культурной памятью.

Исследование показало, что современный российский парфюмерный нейминг развивается в двух противоположных, но равно значимых направлениях. Первое тяготеет к гиперреализму и семантической прозрачности, фактически называя вещи своими именами. Второе, напротив, усложняет метафорическую структуру, усиливает нарративную составляющую и активно задействует культурные коды, а также лексические ресурсы русского языка для создания многослойных образов. В контексте медиакоммуникаций нейминг перестаёт быть лишь инструментом идентификации продукта и превращается в полноценный ресурс бренд-продвижения. Выявленные пять стратегий (гиперреалистическая, эмоционально-нарративная, культурно-историческая, философско-концептуальная, имиджевая) задают не только семантическую архитектуру названий, но и определяют способы их интеграции в медиaprостранство. В свою очередь, предложенная медийная типология демонстрирует, как разные типы названий работают с функциями масс-медиа: становятся новостными поводами, основой для вирального распространения, третьи – инструментами формирования лояльных сообществ или имиджевыми конструктами. Такое взаимодействие названий с медийными форматами позволяет брендам выстраивать многоуровневую коммуникацию с аудиторией, адаптируясь к особенностям цифровой среды и запросам различных сегментов потребителей. Дальнейшее изучение темы видится в расширении эмпирической базы за счёт включения новых брендов

и хронологически более протяжённого периода, в сравнительном анализе российских и зарубежных практик продвижения через медиа, а также в разработке методик оценки эффективности нейминга в цифровых каналах коммуникации.

Список источников

1. Вегенер Ю. С. Нейминг в системе формирования и продвижения бренда / Ю. С. Вегенер // Омский научный вестник. – 2012. – № 1 (105). – С. 260–262.
2. Лазуткина Е. В. Жанрово-тематическое своеобразие журналистских онлайн-публикаций о парфюмерии / Е. В. Лазуткина, К. А. Ботина // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. – Ростов-на-Дону : Ростовский гос. ун-т путей сообщения, 2023. – С. 86–91.
3. Маринченко И. А. Вестиментарный парфюмоним как объект метаязыковой рефлексии и креативной обработки в парфюмерном дискурсе / И. А. Маринченко // *Universum: филология и искусствоведение*. – 2017. – № 2 (36). – С. 40–45.
4. Рожина Е. Ю. Ассоциативное поле нейминга / Е. Ю. Рожина, И. В. Селиванова // *Естественно-гуманитарные исследования*. – 2015. – № 3 (9). – С. 67–72.
5. Сиганова П. А. Лингвистические аспекты нейминга в системе формирования и продвижения бренда / П. А. Сиганова // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6 «Языкознание»*. – 2023. – № 1. – С. 17–32.
6. Терских М. В. Прагматика поликодовой метафоры в рекламном дискурсе (на примере рекламы косметики и парфюмерии) / М. В. Терских, О. А. Зайцева // *Вопросы медиабизнеса*. – 2025. – № 3. – С. 19–28.
7. Шевченко Т. С. К вопросу о структурно-семантической классификации русских прагматонимов / Т. С. Шевченко // *Мир науки, культуры, образования*. – 2025. – № 6 (115). – С. 407–409.

References

1. Wegener, Yu. S. Naming in the System of Brand Formation and Promotion. *Omskiy nauchnyy vestnik = Omsk Scientific Bulletin*. 2012;1(105):260–262.
2. Lazutkina E. V., Botina K. A. Genre and Thematic Peculiarities of Online Journalistic Publications on Perfumery. *Reklama i svyazi s obshche-stvennostyu: traditsii i innovatsii = Advertising and Public Relations: Traditions and Innovations*. Rostov-on-Don: Rostov State University of Railway Engineering; 2023:86–91.
3. Marinchenko I. A. Vestimentary Perfume Name as an Object of Metalinguistic Reflection and Creative Processing in Perfume Discourse. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie = Universum: Philology and Art Criticism*. 2017;2(36):40–45.
4. Rozhina E. Yu., Selivanova I. V. Associative field of naming. *Yestestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural Sciences and Humanities Research*. 2015;3(9): 67–72.
5. Siganova P. A. Linguistic aspects of naming in the system of brand formation and promotion. *Sotsialnye i humanitarnye nauki. Oteche-stvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6 “Yazykoznanie” = Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 6 “Linguistics”*. 2023;1:17–32.
6. Terskikh M. V., Zaitseva O. A. Pragmatics of polycode metaphor in advertising discourse (based on cosmetics and perfume advertising). *Voprosy mediabiznesa = Issues of Media Business*. 2025;3:19–28.
7. Shevchenko T. S. On the structural-semantic classification of Russian pragmatonyms. *Mir nauki, kultura, obrazovaniya = World of science, culture, education*. 2025;6(115): 407–409.

Информация об авторе

Е. В. Лазуткина – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и медиакommunikаций.

Information about the author

E. V. Lazutkina – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Journalism and Media Communications.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026; одобрена после рецензирования 17.03.2026; принята к публикации 23.03.2026.

The article was submitted 03.03.2026; approved after reviewing 17.03.2026; accepted for publication 23.03.2026.

Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 124–133.
Humanitarian Researches. 2026;1(97):124–133.

Научная статья
УДК 811.161.1'373.21:2 (470.6)

**АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ
РЕГИОНАЛЬНЫХ РАДИОПЕРЕДАЧ В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ
КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

Ирина Валерьевна Фадеева

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, if-77@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики передачи культурного контента на региональном радио и её влияния на формирование локальной культурной идентичности. В рамках исследования представлен системный анализ форматов и тематической ориентированности радиопрограмм, направленных на моделирование процессов культурной социализации. Проведена кластеризация программного контента по критериям тематического насыщения и форматов вещания, а также адаптации общенационального и международного культурного материала к местным реалиям. Исследование ориентировано на определение роли региональных радиопередач в формировании и трансляции культурных ценностей с учётом особенностей региональной идентичности, способов подачи информации, включая повествовательные и интерактивные форматы, использование музыкального сопровождения, интервью с представителями культурных институтов, форм презентации культурных событий. Методологическая база исследования включает комплексный подход: контент-анализ программ региональных радиостанций, качественные интервью с ведущими и редакторами, а также социологический опрос слушателей. Контент-анализ позволил выявить тематические и жанровые предпочтения, частоту освещения культурных событий и стилистические особенности подачи материала, внутренние редакционные стратегии и мотивы формирования программного содержания, особенности восприятия радиоконтента и его влияние на культурную идентичность. В ходе исследования применялся метод типологического анализа, позволившего определить особенности функционирования этнокультурной тематики на радио; институциональный подход, обеспечивший возможность выявить роль средств массовой информации в реализации государственной национальной политики. Кроме того, использовался этнографический подход при выявлении ценностных компонентов этнокультуры, представленных на региональном радио. Исследование показало, что региональные радиостанции выполняют роль культурного посредника, формируя у слушателей осознанное восприятие локальной истории, искусства и традиций. Сотрудничество с музеями, театрами и творческими объединениями способствует поддержанию культурного разнообразия и вовлечению аудитории в культурную жизнь региона. Кроме того, радио укрепляет социальную сплоченность через освещение местных событий и инициатив, формируя чувство принадлежности к сообществу. Результаты исследования могут быть использованы для разработки новых радиопрограмм, направленных на популяризацию культурного наследия, поддержку локальной творческой среды и повышение эффективности взаимодействия региональных радиостанций с аудиторией. Типологическая модель радиопрограмм направлена на создание разнообразного контента, который будет способствовать сохранению и развитию культурных ценностей региона.

Ключевые слова: журналистика, радио, жанры журналистики, региональный контекст, медиaprостранство региона, радиоконтент, медиаформат, полиэтничность

Для цитирования: Фадеева И. В. Анализ структурных особенностей и тематической ориентации региональных радиопередач в контексте моделирования культурных коммуникаций // Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (97). С. 124–133.

**FORMAT OF RADIO PROGRAMS IN THE CONTEXT OF CULTURE PROMOTION
IN THE ASTRAKHAN REGION**

Irina V. Fadeeva

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, if-77@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the specifics of the transmission of cultural content on regional radio and its influence on the formation of local cultural identity. The main focus is on the principles of selecting topics and genre forms of radio programs aimed at a specific regional audience, as well as the methods of adapting national and international cultural material to local realities. Special attention is paid to the ways of presenting information, including narrative and interactive formats, the use of musical accompaniment, interviews with representatives of cultural institutions, and the presentation of cultural events. The research methodology includes a comprehensive approach: content analysis of regional radio station programs, qualitative interviews with hosts and editors, and a sociological survey of listeners. The content analysis revealed thematic and genre preferences, the frequency of coverage of cultural events, and the stylistic features of the material presentation, as well as the internal editorial strategies and motives for shaping the program content, the peculiarities of the perception of radio content, and its impact on cultural identity. The study employed the method of typological analysis to identify the specific features of the functioning of ethno-cultural themes on radio, as well as the institutional approach to explore the role of mass media in implementing state national policies. Additionally, the study utilized the ethnographic approach to identify the value components of ethno-culture presented on regional radio. The study showed that regional radio stations act as cultural intermediaries, helping listeners to develop a conscious understanding of local history, art, and traditions. Collaboration with museums, theaters, and creative associations contributes to maintaining cultural diversity and engaging the audience in the region's cultural life. Additionally, radio strengthens social cohesion by covering local events and initiatives, fostering a sense of community belonging. The research findings can be utilized to develop new radio programs aimed at promoting cultural heritage, supporting the local creative environment, and enhancing the effectiveness of regional radio stations' interactions with the audience. The typological model of radio programs focuses on creating diverse content that contributes to the preservation and development of the region's cultural values.

Keywords: journalism, radio, journalistic genres, regional context, regional media space, radio content, media format, multi-ethnicity

For citation: Fadeeva I. V. Analysis Of The Structural Features And Thematic Orientation Of Regional Radio Broadcasting In The Context Of Modeling Cultural Communications. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2026;1(97):124–133 (In Russ).

Современный сегмент радио имеет несколько общих тенденций и особенностей, обусловленных процессом трансформации традиционных средств массовой информации. Можно констатировать преобладание информационных жанров, тенденций к точности, максимальной информативности и при этом краткости материалов. В связи с этим некоторые жанры радиожурналистики в региональном масштабе остаются не востребованными авторами и аудиторией, а другие подвергаются трансформации [1].

Учитывая, что радио как один из старейших источников массовой информации имеет ряд преимуществ, например способ распространения и область покрытия сигнала, оно было и остаётся сильным инструментом воздействия на сознание людей [3, с. 45]. Региональное радио является важным звеном в системе СМИ, дополняя и расширяя информационное поле. Оно играет ключевую роль в формировании местного сообщества, развитии региональной культуры и экономики. В отличие от федеральных СМИ,

региональное радио более гибко и оперативно реагирует на локальные потребности и запросы аудитории. В современном медиапространстве региональное радио сталкивается с конкуренцией со стороны интернета и других источников информации. Для сохранения своей актуальности региональные радиостанции должны активно использовать новые технологии, развивать интерактивные форматы и предлагать качественный контент, учитывающий интересы местной аудитории.

Астраханская область с её полифонической культурной составляющей – объект пристального внимания не только исследователей со всего мира, но и практикующих журналистов. В контексте трансформации медиапространства особое значение приобретает интерпретация радиовещания как социокультурного феномена. Радиопрограммы выступают не только как каналы передачи информации, но и как инструменты конструирования социокультурной реальности, в которой репрезентируются и актуализируются ценностные доминанты регионального сообщества. В данном аспекте медиадискурс рассматривается как многослойная структура, включающая когнитивные, семиотические и прагматические компоненты, освещающие многонациональную самобытную культурную составляющую полиэтничного региона. Местная журналистика традиционно освещает разнообразные культурные события, что является важной составляющей формирования единого культурного пространства, особенно в области формирования межэтнической толерантности. Материалы о театральном деле, живописи, киноискусстве, концертной жизни в Астрахани, местных и национальных традициях, особенностях языка создаются с определенной периодичностью в каждом региональном СМИ. Есть и те, кто базируется только на данной сфере. Это, например, издание «АстраКульт». Радиостанции региона также включают в свой ежедневный контент информацию этого тематического блока. Таким образом, радиопрограммы локального уровня выполняют функцию медиатора между традиционными культурными практиками и современными формами их репрезентации. Наблюдается тенденция к гибридизации жанров, что отражает динамику культурных трансформаций и способствует расширению коммуникативного поля. В частности, интеграция интерактивных элементов усиливает эффект соучастия аудитории в процессе культурного воспроизводства.

История межэтнических отношений неизменно демонстрирует сложный симбиоз экономической целесообразности (взаимовыгодного обмена ресурсами) и глубинного стремления этносов к самосохранению. Это стремление выражается в бережном отношении к уникальному нематериальному наследию: языку, диалектам, верованиям, обрядовой практике, семейным устоям, пищевым традициям, национальным костюмам и многим другим аспектам духовной культуры.

В Астраханском регионе отмечается трансформация этого культурного ландшафта. Современная духовная жизнь региона представляет собой динамичный синтез многовековых традиций, национальных особенностей и влияния современных глобальных процессов [3, с. 103]. Взаимодействие этнокультурных традиций, процессы культурного обмена неизбежны как результаты естественного и непрерывного общения родственных или соседствующих народов на длительном историческом этапе. Регион Нижнего Поволжья (и Астраханская область как его часть) представляет собой пласт полиэтничных культур, образуя уникальный в этнокультурном плане синтез, раскрытие сущности которого подводит вслед за ведущими этномузыкологами к восприятию иноэтничного и феномену фольклорного полиязычия [4]. В таких коллективных практиках предъявления медиаконтента радиовещание выступает как инструмент символической интеграции, обеспечивающий воспроизводство устойчивых моделей культурного поведения и ценностных ориентаций.

Таким образом, жанровые и тематические особенности материалов о культуре в местных массмедиа играют ключевую роль в продвижении культуры в Астраханском регионе, определяя то, как культурное наследие и современное творчество региона представляются аудитории. Учитывая уникальное географическое положение Астраханской области на стыке культур и цивилизаций, а также её богатую историю и природное разнообразие, продвижение культуры в СМИ здесь приобретает особую значимость.

Освещение культуры Астраханской области в местных СМИ имеет свои особенности, обусловленные как спецификой региона, так и общими тенденциями развития медиапространства. Важнейшим фактором эффективности радиовещания является интеграция локальных культурных маркеров в содержание программ. К числу таких маркеров относятся языковые особенности, элементы фольклора, историко-культурные нарративы и регионально значимые символы. Можно выделить несколько ключевых аспектов. Во-первых, это фокус на региональной специфике. В отличие от федеральных СМИ, местные издания уделяют больше внимания уникальным аспектам культуры Астраханской области. Это включает в себя многонациональный характер региона – освещение культурных событий и традиций разных этнических групп (русских, казахов, татар, калмыков и др.), акцент на межкультурном диалоге и взаимодействии. Это может проявляться в публикациях о национальных праздниках, фестивалях, ремеслах, кулинарных традициях. Фольклорные фестивали, освещаемые в массмедиа, продвигают народное творчество, традиции и обычаи народов, населяющих регион (фестиваль казахской культуры «Жолдастык», праздник весны «Наурыз», праздник татарской культуры «Сабантуй»). Систематическое использование таких символов способствует формированию устойчивых идентификационных моделей и укреплению культурной консолидации аудитории.

Историческое наследие многонационального региона также транслируется в СМИ – акцент реализуется, как правило, на Золотой Орде, Астраханском ханстве, истории г. Астрахани, казачьей культуре, включая археологические находки, реставрационные работы, исторические реконструкции. Кроме того, в культурное поле Астраханской области в последние годы активно вплетается киноиндустрия. Уникальность городской среды и природы Астрахани привлекает все большее количество представителей киноиндустрии, что способствует медиапрезентации региона, формированию позитивного регионального имиджа, вследствие чего повышается привлекательность региона в инвестиционной сфере и в сфере туризма.

Во-вторых, для местных СМИ в контексте культурной тематики характерно преобладание событийной медиапрезентации. Региональные массмедиа часто сосредоточены на освещении конкретных культурных событий – фестивалей, концертов, выставок, театральных премьер, то есть используется преимущественно инфоповод. Аналитические материалы, посвящённые глубокому изучению культурных процессов, встречаются реже. Театральная критика, обзоры, рецензии имеют сниженный потенциал размещения в СМИ, в основном размещаются в социальных медиа в формате личных страниц критиков. Преимущество отдаётся оперативной информации и анонсам. Однако в целом палитра жанров представлена.

В-третьих, использование различных медиаформатов. В освещении культуры реализуются разные жанры и форматы. Наиболее популярными являются репортажи и обзоры – освещение культурных мероприятий, интервью с участниками и организаторами; фоторепортажи – визуальное представление культурных событий, ландшафтов и достопримечательностей; видеоматериалы: репортажи, видеointerview, проморолики культурных событий. Тенденция к жанровой гибридации радиоконтента, выражающаяся в синтезе информационных, аналитических и развлекательных форматов

обусловлена необходимостью адаптации медиапродукта к изменяющимся условиям медиапотребления и повышению уровня вовлеченности аудитории.

Качество и количество освещения культуры в местных СМИ варьируется. Некоторые издания демонстрируют высокий уровень профессионализма, качественный дизайн, интересные авторские тексты. Другие же могут страдать от недостатка профессиональных кадров, ограниченных ресурсов, вследствие чего характеризуются поверхностным освещением. Некоторые онлайн-СМИ могут быть недостаточно хорошо оптимизированы для поиска, что в целом характерно для локальных медиа.

Для повышения качества и эффективности сохранения и продвижения культурного наследия региона необходимо развитие профессионализма журналистов, расширение использования новых медиатехнологий, увеличение финансирования, а также обеспечение независимости и объективности информации.

Региональные радиoprogramмы выступают в качестве медиатора между традиционными культурными практиками и современными формами их репрезентации. В рамках медиадискурса происходит актуализация культурных смыслов, обеспечивающая их адаптацию к условиям современной информационной среды. В Астраханской области каналом, в полной мере отражающим культурную повестку, является «Радио России. Астрахань». «Радио России» – старейшая радиостанция в стране и в регионе в частности. Это региональный филиал всероссийской радиосети, вещающий на территории Астраханской области. Программа канала ориентирована на взрослую аудиторию и включает в себя информационные блоки, программы о культуре и истории региона, музыкальные передачи с акцентом на российскую и зарубежную классику, а также развлекательные шоу. Канал выступает важным источником новостей и информации для жителей области, отражая региональную специфику в своих программах и трансляциях. В регионах, в отличие от крупных городов, форматы культурных событий не столь разнообразны, масштабны и часты, поэтому их востребованность на локальном уровне высока. Это обуславливает популярность тематических радиопередач о культуре. Дополнительным фактором является то, что целевая аудитория радио как средства массовой коммуникации и целевая аудитория культурных мероприятий – это один сегмент, люди среднего возраста и старше.

Если говорить о жанровом наполнении радиостанции с точки зрения трансляции культурных кодов, то отметим, что данная тематика занимает значительную часть эфира «Радио России. Астрахань». Прежде всего, культурная повестка подаётся в качестве блока в информационных новостях, когда ведущий рассказывает о значимых событиях в Астраханской области (проведение фестивалей и концертов, премьеры опер и театральных спектаклей, конкурс юных талантов и др.). Постоянными структурными элементами являются и прямые включения радиокорреспондентов с масштабных культурных событий в регионе. Это премьеры русских опер в Астраханском кремле, гастроли различных театров России в рамках нацпроекта «Культура», фестиваль кукол «Каспийский берег», театральный фестиваль «Каспийские сезоны», проект «Зимняя сказка в Астраханском кремле» и другие мероприятия федерального, регионального и городского уровней. Таким образом, материалы о культуре являются постоянной частью информационного блока.

Наиболее развернутыми и объёмными по наполнению являются тематические передачи о культуре в эфире «Радио России. Астрахань». Данный медиаформат является востребованным на региональном уровне, поскольку в культурное поле вовлечены многие горожане. Так, еженедельно около двадцати лет выходит передача «Культура – национальное достояние!». Её автор и ведущий – председатель АРО союза композиторов РФ Константин Владимирович Гузенко. Данная программа посвящена академической культуре,

в основном связанной с музыкой. Астрахань – уникальный город: самый маленький в России, где есть три ступени музыкального образования: школы, колледж и консерватория. Ведущий общается с представителями каждой «ступени» – от начинающих музыкантов до тех, кто делает карьеру в регионе и за его пределами, становится частью большой команды хора или оркестра.

С точки зрения формата «Культура – национальное достояние» представляет собой интервью с композиторами, отрывки концертов, включения с астраханскими выпускниками из других городов, музыкальные конкурсы и, конечно, премьеры в самом масштабном региональном театре – Астраханском театре оперы и балета, анонсы и разборы новых музыкальных программ в филармонии. И поскольку автор программы К. В. Гузенко – специалист высокого уровня в этой области, то и передачи у него соответствующие: это диалог о музыке как об элитарной культуре среди массовой нишевой и зачастую не очень профессиональной современной музыки.

Ещё одна программа радиостанции в региональном вещании – «Культурная Астрахань» – развлекательная утренняя передача с более демократичной «интонацией». Её гости – фотографы, музыканты, артисты, народные мастера, специалисты центра народной культуры, архитекторы. Данная передача рассчитана, в отличие от предыдущей, уже на более массового зрителя. Это разговоры, личные портретные интервью и диалоги о предстоящих культурных событиях: концертах, спектаклях, выставках, фестивалях, мастер-классах и других мероприятиях. Программа анонсирует эти события, её ведущий даёт их краткое описание и информацию о билетах. В ней же зачастую корреспонденты реализуют обзор культурных мест: в музеях, театрах, галереях, памятниках архитектуры и других интересных культурных локациях.

В целом программа «Культурная Астрахань» в рамках вещания «Радио России» представляет собой увлекательный и информативный обзор культурной жизни Астраханской области, способствуя привлечению к участию в культурных мероприятиях и знакомству с региональным культурным наследием. Наиболее частые гости программы и её соавторы – работники астраханского музейного дела, которые рассказывают о новых экспозициях в различных местных музеях, истории жизни и творчества земляков-художников.

Отражает культурную тематику и программа «На литературной скамейке», представляющая собой альманах. У рубрики нет постоянного графика, журналисты иногда используют её архивные и новые выпуски для наполнения тематического утреннего блока. По содержанию – это рассказы и интересные факты из жизни писателей и поэтов, астраханских и классиков российской культуры, интервью с нашими современными авторами. В этом году в редакции радиостанции решили возобновить передачу в новом формате: раз в месяц с Андреем Беляниным – астраханским писателем, знаменитым на всю страну, журналисты говорят о литературе, рассказывают биографии классиков, рассуждают о писательском мастерстве.

«Афиша» – один из наиболее традиционных форматов программ в радиовещании, который присутствует и на «Радио России. Астрахань». В данной тематической программе журналисты в конце недели рассказывают, куда можно сходить на выходные: какие постановки увидеть, какие концерты посетить, в каких мастер-классах можно принять участие и где проявить свои творческие таланты.

«Театральные встречи» – программа тематического блока на «Радио России. Астрахань», которая выходит в эфир, если есть значимые информационные поводы. Этот формат адаптирован для любителей театрального искусства и посвящен лишь этой нише. В программе журналист собирает интересные факты о местных театрах, их истории и команде, обсуждает с гостями премьеры спектаклей, сюда же включаются актерские интервью, репортажи

с крупных фестивалей, таких как «Театральная дельта», «Русские оперы в Астраханском кремле», «Большие гастроли», «Дельта-джаз».

Синтез одновременно радиийного и телевизионного форматов представлен в программе «История одного художника». В рамках передачи ведущий – Валерий Харламов, сотрудник Астраханской картинной галереи им. Догадина, рассказывает об одной выставочной картине в галерее – её авторе, времени и особенностях написания, истории появления в астраханской коллекции. Необычен формат ещё и тем, что здесь не появляется журналист. Повествование ведётся полностью от сотрудника галереи, специалиста данного профиля.

Если анализировать тематическую составляющую культурного радиоконтента на канале «Радио России. Астрахань», то она также многообразна и насыщена. Преобладающими являются форматы, использующие инфоповод – афиши, анонсы, репортажи. Другие жанровые модификации также присутствуют в инфополе, хотя и в меньшем объёме. Некоторые темы пользуются особым интересом аудитории, например популярной тематической составляющей являются гастрономические фестивали. Они демонстрируют кулинарное наследие региона, включая рыбную кухню, астраханские арбузы и другие местные продукты (освещение Дня рыбака в Астрахани и гастрономического фестиваля в честь праздника, подведение в эфире итогов фестиваля «Вобла», сюжеты о развитии гастрономического туризма на туристических базах Астраханской области).

Музыкальные фестивали, часто проводимые в Астраханской области, тоже становятся объектом освещения в местных радиопрограммах. Они представляют различные музыкальные направления, от классики до современной музыки, включая оперное и балетное искусство (информационные сюжеты о Международном фестивале классического искусства «Каспийские сезоны», фестивали джазовой и этнической музыки, проект «Музыка на траве» от Астраханского театра оперы и балета).

Исторические реконструкции и фестивали также находят своё отражение в СМИ, поскольку интересны массовому слушателю. Они погружают в прошлое региона, воссоздавая исторические события и атмосферу разных эпох (фестивали, посвящённые Золотой Орде, Астраханскому ханству, истории казачества). На постоянной основе в музейном комплексе «Сарай-Бату» проходит фестиваль «Мечты барханов», откуда 18 августа 2022 г. было прямое включение корреспондента С. Иванова на «Радио России. Астрахань».

Музейное дело и выставки – отдельная тема освещения в астраханских радиопрограммах. Музеи играют важную роль в сохранении и продвижении культурного наследия региона. Жанровое разнообразие музейных экспозиций позволяет представить культуру региона в разных аспектах, отразить многонациональность Астраханской области, этнокультурную составляющую развития края. Художественные музеи и галереи по-своему представляют изобразительное искусство региона, от классической живописи до современного искусства, включая работы местных художников и мастеров. Этой репрезентации уделяется много времени в тематических рубриках «История одного художника» и «Культурная Астрахань».

На постоянной основе на радиоканале выходят материалы и из этнографических музеев, которые знакомят с культурой и бытом различных народов, населяющих Астраханскую область, демонстрируя их традиции, ремесла, костюмы и жилища. Например, в рубрике «Культурная Астрахань» за 22 сентября 2024 г. корреспондент вёл репортаж из музея рыболовства с. Оранжевого Икрянинского района.

Театральное искусство и исполнительские виды искусства – важная тематическая составляющая культурного контента «Радио России». В информационных выпусках зачастую даются анонсы спектаклей, ведутся репортажи

с репетиций новых постановок в театрах. Особенно часто речь идёт об инновационных методах и задачах работы Астраханского театра оперы и балета. Опера, балет, драматические спектакли, представляющие произведения мировой и русской классики, а также работы местных авторов – всё это становится частью информационных и тематических программ на радио.

Национальные события также всегда в фокусе внимания региональных журналистов, которые презентуют в СМИ Астрахань как полиэтнический регион, где проживает около двухсот национальностей и уважают традиции каждого народа. Поэтому фольклорные и этнические представления являются базовой чертой культурного контента «Радио России». Это концерты народной музыки и танцев, театрализованные представления, основанные на фольклоре и традициях региона, праздники и акции национальных сообществ региона – «Дуслык», «Арев», «Жолдастык», «Вайнах».

Особое значение приобретает интерактивная составляющая радиовещания, способствующая формированию диалоговой модели коммуникации и усилению эффекта соучастия аудитории. В региональных форматах аудитория традиционно более вовлечена в обратную связь со СМИ, что, в свою очередь, оказывает влияние на процессы культурной социализации и формирование коллективной идентичности. Следует также отметить, что цифровизация медиасреды расширяет функциональные возможности радиовещания, трансформируя его в мультиплатформенный коммуникационный канал. Это требует переосмысления традиционных подходов к организации радиоконтента и разработки новых стратегий его производства и распространения.

Таким образом, жанровое наполнение программ о культуре на региональном радио достаточно обширно. Не менее разнообразно оно и по тематическому наполнению. Чаще всего культурная повестка представлена рассказами о важных историко-культурных событиях и мероприятиях. Тема богатой истории Астраханского края как места пересечения культур и цивилизаций также является одной из ключевых на «Радио России». В тематических передачах, упоминаемых ранее в рамках контент-анализа данной радиостанции, продвигается история Золотой Орды, Астраханского ханства, освоения Нижнего Поволжья, купеческого прошлого Астрахани, роль региона в истории России. Например, в выпуске «Культурная Астрахань» за 5 ноября 2024 г. рассказывалось о строительстве современного культурного комплекса «Сарай-Бату» и о том, почему его возвели именно на этом месте в Харабалинском районе.

Уникальная природа дельты Волги, Каспийского моря, лотосовых полей является важной темой в культурной составляющей, поскольку именно природные места Каспийской столицы становятся объектами местной живописи, музыки, спектаклей. Поэтому в радиопередачах «Радио России Астрахань» продвигаются экологический туризм, бережное отношение к природе, знакомство с биоразнообразием региона. Одна из программ «Культура. Национальное достояние» за 11 апреля 2024 г. была посвящена стихотворениям и лирическим композициям астраханцев о природе родной земли.

Наряду с традиционной культурой активно продвигается современное искусство, новые формы культурного выражения, инновационные проекты в сфере культуры, поддержка молодых талантов и творческих инициатив. Например, в выпуске «Культурной Астрахани» за 3 октября 2024 г. ведущий подготовил репортаж об одном из спектаклей молодежного общедоступного астраханского театра «Периферия».

Ещё одна важная тематика в культурном поле Астраханской области – реализация национального проекта с одноименным названием. Для этого журналисты «Радио России. Астрахань» в новостном блоке выделили колонку «Нацпроект «Культура», где на протяжении пяти лет рассказывали ежемесячно о том, что реализовано в области в рамках федерального проекта.

Важно отметить, что жанры и темы в продвижении культуры Астраханского региона тесно переплетены. Например, фольклорный фестиваль может быть посвящён исторической теме казачества и проходить на берегу Волги. Музейная выставка может сочетать исторические экспонаты с современным искусством, раскрывая тему мультикультурности региона. Медиапроекты могут использовать разные жанры (документальный фильм, репортаж, интервью, блог) для раскрытия различных тем культурного наследия.

Продвижение культуры в Астраханском регионе характеризуется широким жанровым разнообразием и тематическим богатством, отражающим уникальность и многогранность региона. Примером в этом отношении является контент радиостанции «Радио России Астрахань». Успешное продвижение культуры требует комплексного подхода, сочетающего различные жанры и темы, использование современных технологий и медиаканалов, активное вовлечение местных сообществ и творческих сил, а также ориентацию на разные целевые аудитории.

Таким образом, можно утверждать, что региональное радио, обладая рядом ограничений, связанных с ресурсами и масштабами, одновременно является важным звеном в реализации стратегии культурного развития региона, а также способствует повышению роли медиа в формировании региональной культурной идентичности. Создание успешных программ о культуре на региональном радио – это сложная, но выполнимая задача, требующая глубокого понимания специфики региона, умения работать в ограниченных условиях и способности находить креативные решения. Эффективность таких программ определяется не только качеством аудиоконтента, но и тесной связью с аудиторией, активным взаимодействием с местными сообществами и интеграцией в цифровую среду. Дальнейшие исследования могли бы быть направлены на анализ влияния региональных радиопрограмм на формирование культурной идентичности и на изучение наиболее эффективных моделей взаимодействия радиовещания с местными сообществами, а также на разработку методологических подходов к исследованию конвергентных медиапрактик и их социокультурных эффектов.

Список источников

1. Габдрахманова Ю. Р. Жанровая система регионального радиовещания / Ю. Р. Габдрахманова // Язык. Культура. Коммуникации. – 2015. – № 2. – URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/130/327> (дата обращения: 20.12.2025).
2. Кулибаба С. И. Некоторые особенности духовной культуры населения Астраханской области / С. И. Кулибаба // Социология власти. – 2005. – С. 103–107.
3. Лебедева А. Л. Ключевые характеристики радиовещания на современном этапе / А. Л. Лебедева // Журналистика и СМИ. – 2018. – № 2. – С. 43–50.
4. Усманова А. Р. Взаимодействие этнофольклорных традиций Астраханской области как ресурс межнационального согласия в современном обществе / А. Р. Усманова. – URL: http://sbricur.com/wp-content/uploads/2015/02/17_Usmanova.pdf (дата обращения: 12.12.2025).
5. Фомина М. В. Региональное радио «в профиль»: к проблеме исследований содержательной специфики регионального радиовещания / М. В. Фомина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – № 11. – С. 89–94.

References

1. Gabdrakhmanova Yu. R. Genre system of regional radio broadcasting. *Yazyk. Kultura. Kommunikatsii = Language. Culture. Communications*. 2015;2. URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/130/327> (accessed: 20.12.2025).
2. Kulibaba S. I. Some features of the spiritual culture of the population of the Astrakhan region. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power*. 2005;103–107.

3. Lebedeva, A. L. Key characteristics of radio broadcasting at the present stage. *Zhurnalistika i SMI = Journalism and Mass Media*. 2018;2:43–50.
4. Usmanova A. R. *Vzaimodeystvie etnofolklornykh traditsiy Astrakhanskoj oblasti kak resurs mezhnatsionalnogo soglasiya v sovremennom obshchestve = Interaction of ethno-folklore traditions of the Astrakhan region as a resource for interethnic harmony in modern society*. URL: http://sbricur.com/wp-content/uploads/2015/02/17_Usmanova.pdf (accessed: 12.12.2025).
5. Fomina, M. V. Regional radio “in profile”: On the problem of studying the content specificity of regional radio broadcasting. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Cherepovets State University*. 2019;11:89–94.

Информация об авторе

И. В. Фадеева – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций.

Information about the author

I. V. Fadeeva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Journalism and Media Communications.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.03.2026; одобрена после рецензирования 25.03.2026; принята к публикации 30.03.2026.

The article was submitted 11.03.2026; approved after reviewing 25.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал включён в перечень изданий, утверждённых ВАК для публикации основных результатов диссертационных исследований по отраслям науки: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3. Теория литературы (филологические науки); 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки); 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки); 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки).

Ведущие направления публикаций отражены в рубриках «Языкознание», «Литературоведение», «Медиакоммуникации».

Требования к публикуемым материалам: актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения. Статьи должны быть интересны достаточно широкому кругу читателей. Возможна публикация на английском языке. В журнале печатаются ранее не публиковавшиеся материалы.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Объём публикаций – 0,5 п.л., гарнитура Arial, кегль 10, все поля по 2,5 см.

Справочный аппарат. В статьях используется система текстовых сносок в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и через запятую – страницы, например: [1, с. 10]. **Страницы указываются обязательно.** Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке.

Образец оформления

1. Иванов И. И. Проблемы художественного слова. Москва : Парус, 1990. 456 с.
2. Петрова Г. В. Романтическая модель мира // Вопросы литературы. 1997. № 5. С. 16–25.
3. Тихомирова Л. Н. «Ночная» поэзия как свертхтекст. URL: <http://proceedings.usu.ru> (дата обращения: 12.04.2023).

На электронный адрес редакции просим направлять:

- текстовый файл со статьей;
- справку о проверке статьи в системе «Антиплагиат»;
- заключения экспертной комиссии и внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого опубликования;
- согласие на обработку персональных данных.

Оплата публикации статьи производится автором только **после** получения от ответственного секретаря письма о том, что статья принята к публикации в очередном номере журнала.

Объём аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотации на английском языке должны быть информативными, содержательными, структурированными, компактными, оригинальными (не быть калькой русскоязычной аннотации), написаны качественным английским языком. В аннотации должны быть указаны предмет, тема, цель работы, методы или методология проведения работы, результаты работы, область применения результатов, выводы.

В **References** совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». Не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «-»). Название источника и выходные данные отделяются от авторов и заглавия статьи типом шрифта, чаще всего, курсивом (*italics*), точкой или запятой.

Примеры:

1. Ivanov I. I. *Problemy khudozhestvennogo slova = Problems of the Artistic Word*. Moscow: Parus; 1990:456 p.
2. Petrova G. V. Romantic Model of the World. *Voprosy literature = Questions of Literature*. 1997;5:16–25.
3. Tikhomirova L. N. *“Nochnaya” poeziya kak sverkhstekst = “Night” Poetry as a Supertext*. URL: <http://proceedings.usu.ru> (accessed: 12.04.2023).

К публикации принимаются статьи, оформленные в соответствии с ГОСТ Р 7.07.-2021 «СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ. Издательское оформление».

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 5–9.
Humanitarian Researches. 2024;3(91):5–9.

Научная статья
УДК 81'373:008=161.1=411.21

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ
РУССКИХ И АРАБСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Алхалум Халед¹, Елена Николаевна Лучинская²

^{1,2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹Halwomkhaled2245@yahoo.com

²bekketsam@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-сопоставительной характеристике русских и арабских фразеологизмов как важнейших репрезентантов национальной языковой картины мира. В процессе исследования выявлено, что фразеологические единицы выступают актуализаторами национальной картины мира. Показано, что в составе фразеологической единицы присутствует национально-культурный компонент, репрезентированный, в частности, в реалиях определённой культуры. Реалии в составе фразеологизмов русского языка, обозначающие традиции, блюда, одежду, орудия труда и пр., вызывают трудности для понимания у носителей других культур, в частности студентов, изучающих русский язык. С целью исследования фразеологических единиц уточняется понятие национальной языковой картины мира, факторов, обуславливающих универсальные черты и национально-культурную специфику. Выбранный подход учитывает тот факт, что лингвокультурология как современное научное направление включает две важные составляющие: язык и культуру. Важнейшим результатом их взаимодействия считается лингвокультурный концепт, понимаемый как многоуровневое ментальное образование, лежащее в сознании, языке и культуре. Фразеологическую единицу, репрезентирующую ключевой смысл культуры, также считаем лингвокультурным концептом. Исследование включает сравнительный анализ фразеологизмов русского и арабского языков, предполагающий описание семантики и структуры языковых единиц. Результаты проведённого анализа показывают, что для изучения специфики национального образа мира целесообразно сопоставление семантики языковых единиц, репрезентирующей особенности лингвокультур. Доказывается, что лингвокультурное описание фразеологических единиц демонстрирует универсальные черты образного мышления носителей русского и арабского языков и лингвокультур. Проведённое исследование позволило сделать вывод, что лингвокультурная специфика русской фразеологии способствует пополнению языковой картины мира арабских студентов.

Ключевые слова: фразеологизм, национальная языковая картина мира, национально-культурный компонент, русский язык, арабский язык, сопоставительный анализ

Для цитирования: Алхалум Х., Лучинская Е. Н. Национально-культурный компонент русских и арабских фразеологизмов: сопоставительный аспект // Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (91). С. 5–9.

Original article

**NATIONAL AND CULTURAL COMPONENT
OF RUSSIAN AND ARABIAN PHRASEOLOGICAL UNITS: COMPARATIVE ASPECT**

Kh. Alkhalum¹, Elena N. Luchinskaya²

^{1, 2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹Halwomkhaled2245@yahoo.com

²bekketsam@yandex.ru

Abstract. The article deals with the Russian and Arabic phraseological units as the most important representatives of the national linguistic picture of the world. During the comparative research, it was revealed that phraseological units act as actualizers of the national world view. It is shown that the phraseological unit contains a national-cultural component, represented, in particular, in the realities of a certain culture. Realities in the composition of phraseological units of the Russian language, denoting traditions, dishes, clothing, tools, etc., cause difficulties for understanding among speakers of other cultures, in particular, students studying the Russian language. In the process of research, the concept of a national linguistic picture of the world is considered, which has its own distinctive features and characteristics that determine universal indicators and national-cultural specifics. The chosen approach takes into account the fact that linguoculturology as a modern scientific direction includes two important components: language and culture. The most important result of their interaction is considered to be a linguocultural concept, understood as a multi-level mental formation lying in consciousness, language and culture. We also consider a phraseological unit that represents the key meaning of culture as a linguocultural concept. The study includes the data of the realized comparative analysis of phraseological units of the Russian and Arabic languages, which involves a description of the structural-semantic features of analyzed linguistic units. It is noted that the linguo-cultural description of the phraseological units shows the universal nature of metaphorical thinking of Russian-speaking and Arabian-speaking people and their cultures. It is proved that, along with the identified differences in the structure and grammar of phraseological units, universal features have been identified in the metaphorical vision of the world by speakers of Russian and Arabic linguistic cultures. The conducted research allowed us to conclude that the linguo-cultural specificity of Russian phraseology contributes to the replenishment of the linguistic world-view of Arab students.

Keywords: phraseological units, world view, language world view, national world view, Russian language, Arabic language, comparative analysis

For citation: Alkhalum Kh., Luchinskaya E. N. National and cultural component of Russian and Arabian phraseological units: comparative aspect. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024; 3(91):5–9 (In Russ.).

ТЕКСТ СТАТЬИ

Статья поступила в редакцию 06.07.2024; одобрена после рецензирования 08.08.2024; принята к публикации 14.08.2024.

The article was submitted 06.07.2024; approved after reviewing 08.08.2024; accepted for publication 14.08.2024.

Вклад авторов

Е. Н. Лучинская – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Х. Алхалум – доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors

E. N. Luchinskaya – scientific management; research concept; methodology development; writing the draft; final conclusions.

Kh. Alkhalum – participation in development of curricula and their implementation; final conclusions.

Либо:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Реквизиты для оплаты публикаций

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Адрес г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

УФК по Астраханской области

(ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» л/с 20256Ц14780)

ИНН 3016009269 / КПП 301601001

Банк: ОТДЕЛЕНИЕ АСТРАХАНЬ БАНКА РОССИИ

УФК по Астраханской области г. Астрахань

Единый казначейский счёт

№ 40102810445370000017

Казначейский счёт

№ 03214643000000012500

ОКТМО 12701000

ОГРН 1023000818554

БИК 011203901

Лицевой счет 20256Ц14780

Обязательно указывать назначение платежа:

Ф.И.О. автора, название и номер журнала.

**По всем возникающим вопросам авторы могут связаться
с ответственным секретарём журнала Юлией Александровной Васильевой
по e-mail: gis_00@mail.ru**

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Автор представляет в редакцию рукопись, оформленную в соответствии с правилами для авторов.

Представленная автором рукопись направляется по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемых в рукописи вопросов на рецензию членам редколлегии соответствующей области научного издания, курирующим данную тематику, или экспертам – ученым и специалистам в данной области (докторам, кандидатам наук).

Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии рукописей для своих нужд.

Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензия носит закрытый характер и предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи.

Рецензия может быть предоставлена по соответственному запросу экспертных советов в ВАК РФ.

В случае положительной рецензии и рекомендации рецензентом материала к публикации рукопись и текст рецензии рассматриваются на заседании редколлегии. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Решение о целесообразности публикации принимается редколлекцией и фиксируется в протоколе заседания.

Если рецензент указывает на необходимость доработки материала, рукопись возвращается автору. В таком случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Разъяснение нуждающихся в улучшении аспектов производится редакторами журнала на основании полученной рецензии.

Редколлегия информирует автора о принятом решении. Автору не принятой к публикации рукописи редколлегия направляет мотивированный отказ.

Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии в течение пяти лет.

Не рецензируются:

- ✓ рецензии на научную литературу, опубликованные в разделе «Рецензии»;
- ✓ тексты выступлений на круглых столах;
- ✓ материалы, публикующиеся в разделе «Научная жизнь АГУ».

Статьи выражают точку зрения автора, с которой редколлегия может не соглашаться. Все материалы, поступающие в редколлегию журнала, проходят независимое рецензирование.

**Подписка на наши издания осуществляется
по каталогу периодических изданий (газеты и журналы)
ООО «Урал-Пресс Периодика»**

Научно-технический журнал **«Геология, география и глобальная энергия»**
Подписной индекс – 11173
Редколлегия журнала принимает к рассмотрению статьи по проблемам геологии, нефтегазоносности различных регионов, охватывающие важнейшие и крайне полезные для науки и производства, а также для обучения студентов естественного направления.
Периодичность издания – 4 раза в год.
Телефон: (8512) 24-66-60 (доб. 3), 24-68-37. E-mail: asupress@yandex.ru

Журнал фундаментальных и прикладных исследований **«Гуманитарные исследования»**
Подписной индекс – 11109
В журнале публикуются статьи по широкому спектру проблем гуманитарного знания. Ведущие направления публикаций отражены в следующих рубриках: «Языкознание», «Литературоведение».
Периодичность издания – 4 раза в год.
Телефон: (8512) 24-66-60 (доб. 3), 24-68-37. E-mail: asupress@yandex.ru

Научный журнал **«Каспийский регион: политика, экономика, культура»**
Подписной индекс – 11170
Профиль журнала – анализ проблем настоящего, прошлого и будущего Каспийского региона в их взаимосвязи с современным развитием мира.
Издание имеет многоплановый, междисциплинарный характер, знакомит читателя с исследованиями и дискуссиями во всех областях социальных и гуманитарных знаний по проблемам Каспийского региона.
Периодичность издания – 4 раза в год.
Телефон: (8512) 24-66-60 (доб. 3), 24-68-37. E-mail: asupress@yandex.ru

Научно-технический журнал **«Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии»**
Подписной индекс – 73313.
На страницах журнала представлены результаты исследований и новейшие разработки в области физических и технических наук.
Ведущие направления публикаций отражены в следующих рубриках: «Управление в социальных и экономических системах», «Математические и инструментальные методы экономики», «Системный анализ, управление и обработка информации», «Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ», «Информационно-измерительные и управляющие системы».
Периодичность издания – 4 раза в год.
Телефон: (8512) 24-66-60 (доб. 3), 24-68-37. E-mail: asupress@yandex.ru

Предлагаем всем желающим разместить в наших изданиях рекламу.
Адрес Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева:
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, зд. 20а;
тел. (8512) 24-66-60 (доб. 3), 24-68-37 (издательско-полиграфический отдел)
E-mail: asupress@yandex.ru

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**HUMANITARIAN
RESEARCHES**

JOURNAL OF FUNDAMENTAL
AND APPLIED RESEARCHES

**2026
№ 1 (97)**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
ПИ № 77-14910 от 20.03.2003

Учредитель
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева»
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Адрес редакции:
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20

Адрес издателя:
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Подписной индекс – 11109
по каталогу периодических изданий (газеты и журналы)
ООО «Урал-Пресс»

Главный редактор Л. Ю. Касьянова

Компьютерная правка, вёрстка,
редактирование С. Н. Лычагиной

Дата выхода в свет: 23.04.2026.

Цена свободная.
Заказ № 4754. Тираж 500 экз. (первый завод – 22 экз.).
Уч.-изд. л. 11,4. Усл. печ. л. 16,0.

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.
Тел. (8512) 24-66-60 (доб. 3)
E-mail: asupress@yandex.ru
Отпечатано ИП Шпаченко Павел Валентинович
414040, г. Астрахань, ул. Анри Барбюса, д. 36, пом. 063
тел. (8512) 54-78-05, e-mail: rm-ast@mail.ru